

Русский Мир.ru

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

СКАЗОЧНИК ВСЕЯ РУСИ

БЫЛЬ ОБ АЛЕКСАНДРЕ АФАНАСЬЕВЕ С.70

КОГДА НЕ СОГЛАСНО, А ВОПРОЕКИ

НЫНЧЕ, КОГДА ЗАВОДЯТ РАЗГОВОРЫ ПРО ЭКОНОМИЧЕСКИЕ трудности в России, чаще всего рассуждают либо о том, достигнуто ли то самое дно в экономике, от которого мы оттолкнемся вверх («оптимистичный» вариант таких рассуждений – употреблять словосочетание «пик кризиса» вместо «дна кризиса»), либо гадают на «нефтяной гуще». Когда же наконец наша «углеводородица» смилостивится над нами и станет дороже?

В этом чувствуется некий фатализм. Мол, от нас почти ничего не зависит. Куда повернет нас нефтяная зависимость, туда и вырулим. Соответственно, надо всего лишь потерпеть, приспособиться, экономить – там подрезать, тут ужаться, начать жить скромнее, рассчитывать так, чтобы продержаться до прихода высоких цен, словно главных резервных войск. Скромнее, конечно, порой очень даже надо. Но это не значит – убого и полностью отказавшись от амбиций.

О людях подчас в этих макроэкономических рассуждениях и вовсе забывают. В общественном воздухе явно не хватает не только веры в людей, но и в целом того, что раньше называли историческим оптимизмом. Ведь были ж в нашей истории – что уж скрывать – времена и похуже, куда более лихие и гораздо более трагические. Но и тогда как-то не опускали головы, а старались смотреть вперед, заглядывать за горизонт, пусть даже весь «увешанный» свинцовыми тучами угроз реальных и мнимых. Достаточно пролистать хотя бы и этот номер, чтобы буквально в каждой статье найти историю сильного человека, вытаскивавшего на себе свое дело, находившего свое при-

звание, умевшего побеждать врагов скрытых и явных даже в неравной схватке. Неужто мы сейчас столь измельчали духом, что нам такое не под силу? Да нет же! Просто надо поверить в себя, вспомнить старую, не сказать чтобы добрую, но верную традицию, в соответствии с которой мы многое можем не столько «согласно чему-то», сколько «вопреки чему-то». Так что и в этот раз как-нибудь уж вырулим на новые просторы. ■

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Российской академии образования, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Руководитель Центра экспертиз федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Член Совета Федерации от администрации Краснодарского края

ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ Г.В.)

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛИВАНОВ Д.В.

Министр образования и науки Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, заместитель председателя правления Фонда

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор департамента науки, высоких технологий и образования Аппарата Правительства Российской Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

КАГАНОВ В.Ш.
Заместитель министра образования и науки Российской Федерации

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Директор департамента специальной связи МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

РУССКИЙ ЯЗЫК

06 Люди из третьего пространства

ИНТЕРВЬЮ

10 Посланница русской культуры

30 Династия

36 Театр
в мусорном
баке

42 Сибирь:
население
народом

СИТУАЦИИ

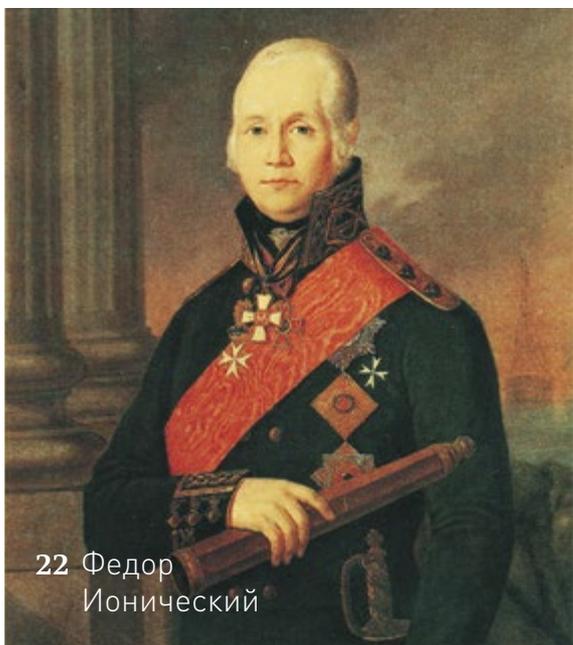
16 Вещи из прошлого

ТРАДИЦИИ

50 Здесь ночевал
камень мудрости

ИСТОРИЯ

22 Федор
Ионический

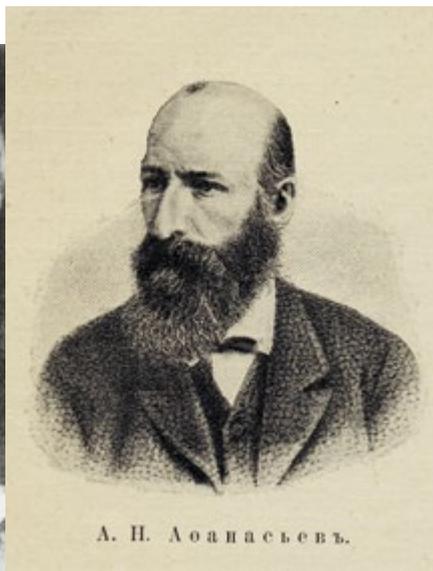
МУЗЕИ

58 Домик
для императора

НАСЛЕДИЕ

62 Morbus
rossica

70 Наш добрый
знакомец

ЭКСПЕДИЦИЯ
76 Турецкие казаки

ГОРОДА РОССИИ
86 Сразу за раем

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Оксана ПРИЛЕПИНА

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Василий ГОЛОВАНОВ
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Алексей МАКЕЕВ
Дмитрий РУДНЕВ
Любовь РУМЯНЦЕВА
Андрей СЕМАШКО
Полина ТЮРЕНКОВА-ДОЛИНА
Галина УЛЬЯНОВА
Дмитрий УРУШЕВ

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
rm@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке:
коллаж Олега БОРОДИНА

ë

A

顔

V

ОЛЕТ БОРОДИН

ЛЮДИ ИЗ ТРЕТЬЕГО ПРОСТРАНСТВА

АВТОР

АННА ЛОЩИХИНА

БИЛИНГВЫ, ТО ЕСТЬ ЛЮДИ, СВОБОДНО ВЛАДЕЮЩИЕ ДВУМЯ ЯЗЫКАМИ, ВИДЯТ МИР ИНАЧЕ. К ТАКОМУ ЗАКЛЮЧЕНИЮ ПРИШЛИ ЛИНГВИСТЫ УНИВЕРСИТЕТА КОНКОРДИЯ В КАНАДЕ. У БИЛИНГВОВ ВЫШЕ КРЕАТИВНОСТЬ МЫШЛЕНИЯ И ВАРИАНТНОСТЬ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ. ТАКОВ ВЫВОД ИССЛЕДОВАНИЯ, ПРОВЕДЕННОГО УЧЕНЫМИ ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН. ТЕ, КТО ГОВОРИТ НА ОДНОМ ЯЗЫКЕ, СЧИТАЮТ ЕГО ВРОЖДЕННЫМ, БИЛИНГВЫ ЖЕ ДУМАЮТ, ЧТО ВСЕМУ МОЖНО НАУЧИТЬСЯ, ЧЕМ И РАСШИРЯЮТ ГРАНИЦЫ СВОИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ.

ЕСЛИ РОССИЯНИН ПОПАДЕТ в русскоязычную среду в Испании, не факт, что он уловит смысловые оттенки родной речи. – Я как *bosa a bosa* с этими падежами в русском языке – такую, например, фразу можно услышать на уроке русского языка в

барселонской школе дополнительного образования «Радуга» от 12-летней школьницы, родители которой переехали в Испанию лет десять назад. Хотя это испанский фразеологизм – *bosa a bosa* – и переводится на русский как «из уст в уста», по значению он ближе к русско-

му фразеологизму «биться как рыба об лед». То есть эта фраза означает, что у девочки не получается склонять слова по падежам. – Живущие здесь русские часто используют в речи испанские существительные, перевод которых на русский язык требует двух-трех слов, – говорит руководитель русской школы дополнительного образования «Радуга» Наталья Лоскутова. – Например, *tarjeta* (карточка. – Прим. авт.). Наши дети могут сказать: «Я забыл(а) *tarjeta*-ку дома». В русскую разговорную речь все чаще проникают испанские слова, это особенно заметно в речи детей, выросших в испаноязычной среде. Можно даже услышать испанские глаголы в русском спряжении: «Я из-«гастар»-ил (*gastar* – тратить. – Прим. авт.) все мамини карманные деньги».

Как считает Наталья Лоскутова, такая трансформация русского языка и его испанский «акцент» неизбежны. При этом она уверена, что ничего трагического здесь нет. Ей нравится, например, то, что повествовательные предложения «испанскими русскими» произносятся с повышением интонации в конце фразы, а общее интонационное звучание местной русской речи становится более певучим.

ТРЕТЬЕ ПРОСТРАНСТВО

Этот языковой феномен – интерференции, или взаимовлияния языков, – давно известен в лингвистике. Другое дело, что в билингвальной среде у него появляются иные оттенки – давление приобретаемого языка.

– Дети, которые совсем недолго пробыли в среде, где говорили на их родном языке, обрабатывают речь так же, как билингвы, – говорит ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН Татьяна Агранат. – Так, судя по всему, родной язык оставляет в сознании неизгладимый формирующий след, а приобретенный расширяет языковые навыки и способности мышления.

Таков один из итогов нового совместного исследования Института языкознания РАН и Парижского университета Сорбонны, в котором принимали участие дети-носители французского языка в возрасте от 10 до 17 лет. Добровольцы из первой группы родились и выросли в семьях, где говорили по-французски. Участники второй группы появились на свет в Китае, но в возрасте до 3 лет они оказались во франкоговорящих семьях. Эти дети не говорили по-китайски. А добровольцы из третьей группы говорили и по-французски, и по-китайски, то есть были билингвами. Ученые дали участникам эксперимента задание. Дети должны были идентифицировать несущие французские слова, например *varagne* и *chansette*. Тем временем исследователи следили за мозговой активностью добровольцев, используя МРТ. Дети всех трех групп справлялись с заданием одинаково хорошо. Однако активность мозга у них отличалась. Когда участники, говорившие только на французском, выполняли задание, у них повышалась активность в левой нижней лобной извилине и передней части островка. А у детей из двух других групп возрастал уровень активности в правой срединной лобной извилине, левой средней лобной

коре и двусторонней верхней височной извилине. Добровольцы из Китая, которые давно не говорили на родном языке, воспринимали речь так же, как двуязычные участники, но билингвы к ее обработке прилагали больше вариантов мозговой деятельности.

– Одна из ключевых причин массивированного интеллектуального штурма, который производят билингвы, – они учат язык через погружение в иную культуру и действительность, сравнивая ее с системой языковых и культурных координат своей культуры, – говорит научный руководитель международных сетевых лабораторий «Инновационные технологии в сфере поликультурного образования» Екатерина Кудрявцева. – Монолингвы учат язык ради языка. То есть коридор возможностей билингва изначально разнообразнее, что диктует более гибкую систему мышления и способность к анализу через сопоставление двух культур – родной и изучаемой. Например, одно дело, когда русский различает московский, вологодский и южнорусский выговор и позиционирует чужой выговор как «неправильный». И другое дело, когда их различают казах или немец, способные на них еще и говорить. Такой носитель нескольких языков и культур обладает способностью воспринимать мир с нескольких точек зрения, что открывает так называемое «третье пространство».

ЯЗЫКОВЫЕ МОНСТРЫ

Однако, как признают преподаватели русского языка в билингвальной среде, русский язык в диаспоре со временем утрачивает грамотность, а затем в жертву приносятся стройность и правильность языковой конструкции.

– Когда я в 90-х годах переехала в Германию, меня поразило то, как красиво говорят русские эмигранты первой волны, – делится своими впечатлениями лингвист, руководитель субботней школы Bilingua-Plus в Пот-

сдаме Елена Симановская. – Их речь, в отличие от современных эмигрантов, лишена языкового мусора. В семьях старшего поколения выходцев из России до сих пор бережно следят за чистотой грамматических конструкций. Такова негласная норма: если в семье есть установка на грамотную русскую речь, то и ребенок стремится говорить грамотно. Поэтому степень грамотности и культуры русской речи в эмиграции напрямую зависит от культуры и языковых установок семьи.

Но все равно, убеждена Симановская, языковая интерференция и заимствования неизбежны: русский язык проникает в немецкий, немецкий – в русский.

– Например, русские в Германии быстро перестают говорить слово «встреча», – рассказывает Симановская. – Почти все говорят *termin*, что в переводе означает «назначенное время», а это и есть и встреча с другом, и свидание, и прием у врача – любое запланированное мероприятие. Или русские Германии не «занимаются спортом», они «делают спорт». В итоге у представителей русской диаспоры проявляется тенденция не только к лексической, что естественно, но и к грамматической интерференции. А это уже тормозит владение как русским, так и немецким языком. К примеру, русские к немецким глаголам добавляют русский возвратный суффикс «ся». Например, «замельдоваться» (нем. *sich anmelden* – зарегистрироваться. – Прим. авт.).

Подобные языковые отклонения возникают и у русскоязычной диаспоры в Чехии.

– Для чешского слова, как правило, всегда есть русский эквивалент, – говорит научный сотрудник Университета имени Т. Масарика в Брно Анастасия Мартинкова, – но часто заимствование оказывается более кратким и емким. Вот и говорят русские: «Думаю себе сделать живнотьяк». Если по-русски – то это свидетельство о предпринимательской деятельности. Русские эмигранты часто склоняют несклоняемые

по нормам русского языка слова – «в окрестностях Брна», «купила за два евра».

Подобные языковые интерференции эксперты считают «языковыми монстрами», порождающими, особенно у детей-билингвов, речевые проблемы с формами родительного падежа. Например, словосочетание «машины туфли» в исполнении русских детей Германии звучит как «туфли от мамы».

Впрочем, как признают и Наталья Лоскутова, и Екатерина Кудрявцева, и Елена Симановская, и Татьяна Агранат, такого рода издержки билингвальнойности – это «болезнь роста», которая лечится изучением языка, культурной средой и культивированием грамотности речи в семье. В таком случае необходима не только языковая, но и культурная среда, которая, в свою очередь, формирует и язык. Пример такой среды эксперты видят в истории русской салонной культуры.

– Совместное чтение книг в кругу семьи, друзей и единомышленников – детей и взрослых, театральные капустники и постановки, песни под гитару, поэтические вечера – все это является тем «бульоном», в котором «варится» мировоззрение ребенка и его язык, – убеждена Наталья Лоскутова. – Именно в таком окружении билингв привыкает следить за своей речью. Затем эта привычка языкового самоконтроля переходит и на другой язык. Билингв «на автомате» старается говорить грамотно на обоих языках. Таким образом, языковая ответственность, заложенная в семье, закреплённая в культурной и образовательной среде, распространяется на все языки, на которых говорит билингв.

«ГЛОБИШ» КАК ВИД ЛИНГВОИМПЕРИАЛИЗМА

Но не исключено, что креативность мышления билингвов может оказаться не востребованной. Мир со временем может заговорить на «глобише» – глобальном международном язы-

ке. Активно продвигаемый ООН и ЕС английский язык бытового общения, суженный до минимума обязательных лексем, и предлагается в виде «языка мира».

Попытки создать некий всем понятный язык предпринимаются столько, сколько существует человечество. Самый исторически близкий нам пример: в 20-е годы XX века в Институте языка и мышления СССР академик Николай Марр хотел создать группу для описания «теоретических норм будущего общечеловеческого языка». В разные эпохи мировыми становились языки народов и наций, обладавших богатейшей культурой, – древнегреческий, латынь, церковнославянский, классический арабский, санскрит, древнекитайский. Они противопоставлялись непрестижным и не имевшим официального статуса языкам бытового общения.

Ныне верх берет обратная тенденция: именно язык бытового общения, суженный до минимального количества обязательных лексем, предлагается использовать в виде глобального. Причем предлагается английской нацией, чья этнолингвокультура неоднородна, состоит из элементов иных этно- и субкультур. С 50-х годов XX века мир фактически наблюдает развитие лингвоимпериализма: английский язык целенаправленно и последовательно делается языком глобальным, прививается детям и взрослому населению большинства стран. Один из резонансов – поиски того самого всем понятного «языка мира», другой – в исследованиях многих экспертов по национальному образованию красной нитью проходит мысль о том, что с помощью распространения определенного языка можно сделать тот или иной народ лояльным или дружественным носителям этого языка.

Однако сторонники так называемого «глобиша» скромно умалчивают о том, что картина

мира, описанная в 1500 слов, сильно отличается от картины мира, описанной в 30 тысячах слов классического английского или любого другого статусного языка.

– Дело не только в том, что картина мира денационализируется, – считает Татьяна Агранат. – Обеднение словарного запаса автоматически сужает потенциальные сферы интересов личности, обрезает ее компетентностные зоны. Происходит опустошение сознания подрастающего поколения. В этом смысле я бы назвала американскую культуру пазловой. Она составная, чем и хороша, и прагматична, но лишена фундамента – целостного этнокультурного пространства, которое дает глубокое фундаментальное изучение того или иного языка, а вместе с ним – культуры. То есть я не против «глобиша» как функционала, облегчающего взаимопонимание и содействующего международному доверию – доверию утилитарному. Однако мы должны понимать, что мир крепится на многоязычии и поликультурности.

ПОЛИФОНΙΑ МНОГОЯЗЫЧИЯ

И, как показывает опыт билингвальнойности большей части земель, планета не собирается отказываться от многоязычия, несмотря на неуклонное сокращение языков. Неспорно Евросоюз делает ставку на обязательное изучение в школе двух-трех иностранных языков. Помимо культурной у этой идеи есть вполне прагматичная цель. Дело в том, что целый ряд лингвистов США, ЕС и России обосновали простую мысль: монолингв (владеющий только родным языком) и билингв (владеющий двумя языками) вовсе не конкуренты. Монолингв успешно решает те же задачи, что и билингв, но последний гибче реагирует на вызовы нового тысячелетия. Цельный ряд исследований доказал, что у билингвов в целом выше уровень креативности мышле-

ния, вариантности принятия решений, выше скорость обработки потоков информации, способность концентрироваться в стрессовой ситуации и мобильность.

– Глобальный язык, как показывают разные исследования, такой широты мышления лишен, – говорит Екатерина Кудрявцева. – Его основу составляет наследуемый английский. То есть американский английский, как правило, из-за роста миграции приходит к его носителю из семьи – мексиканцев, испанцев, арабов, русских и т.д. Такому американскому английскому, который и становится глобальным, свойственно «коридорное мышление» – утилитарное, но без этноконтекста. Неспроста в США преобладают «безэтнокультурные СМИ» – американские ТВ-сериалы почти лишены этноконтекста. Новое поколение художественного и анимационного кинематографа – социально, но не этнокультурно. В США и ЕС есть даже шутка, что в одном фильме должны быть: один белый, один темнокожий, один здоровый, один инвалид, одна женщина, один мужчина, один старик и один ребенок – и тогда фильм состоится. Вот только он лишен полифонии многоязычия, а вместе с ней – корней культуры цивилизации, построенной на взаимопроникновении культур.

ФУНДАМЕНТ ПРОТИВ «КОРИДОРНОГО МЫШЛЕНИЯ»

Как полагает Кудрявцева, в шутке про рецепт успеха американского кино есть только доля шутки. Русские, те, что уже родились, например, в США или Германии, не спешат говорить, что их родной язык – русский. Самый распространенный ответ: «Это язык моих родителей». Они его выбирают в школах и вузах, как правило, в качестве второго иностранного. И тут очень важна система обучения другому языку – через формирование билингвальной среды или по принципам «глобиша»? Или на основе фундаментального изучения языка как родного или иностранного, но с включением этноконтекста?

Для многих стран выбор стандарта изучения иностранного языка – новая глобализационная проблема. Например, не только в США, но и в Германии, в ряде восточноевропейских стран принято считать, что российское образование слишком историко-фундаментальное. То есть дает изучение не только языка, но и культуры. Но именно этой фундаментальности, укорененности, глубины и широты познаний, именно – не «коридорности» мышления и не хватает системам образования, в том числе языкового, в США и ЕС.

– Школа и университет должны мотивировать студента к после-

дующим шагам, передавать тот фундамент, который заложен во всех областях знаний, и учить надстраивать свой опыт и свои знания, как стены и крышу, на этом постаменте наук, – убеждена Екатерина Кудрявцева. – А в Евросоюзе студенту в рамках Болонского процесса на 60 процентов предлагают самообразовываться и лишь на 40 процентов дают знания педагоги на лекциях и семинарах. Но как можно обрести самостоятельность, тем более в науке, если оттолкнуться не от чего? Нет сформированных представлений о фундаменте.

В этом смысле, как считают все эксперты, опыт формирования билингвальной среды и методов изучения языка с учетом погружения в культурную или поликультурную среду – действенный метод российской системы образования, который стоит развивать.

– Полагаю, пришло время в российских школах вводить изучение не только иностранного языка, но и по выбору – одного из российских как неродного языка, – считает Татьяна Агранат. – Например, соседям, граничащим с Башкирией, – башкирского, с Саха (Якутией) – якутского, с Мордовией – мордовского и так далее. Все это непросто, даже сложно. Однако при решении сложных задач истина всегда находится где-то посередине. 🍎

ПОСЛАННИЦА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

БЕСЕДОВАЛ

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

ОНА БЫЛА ПЕРВОЙ РУССКОЙ ЖЕНЩИНОЙ-ВОСТОКОВЕДОМ. ЕЩЕ В КОНЦЕ XIX ВЕКА ОНА В ЧИСЛЕ ПЕРВЫХ ПЕРЕВЕЛА НА ОСМАНСКИЙ ЯЗЫК ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПУШКИНА, ЛЕРМОНТОВА, ЛЬВА ТОЛСТОГО. ОНА СОЗДАЛА В ПЕТЕРБУРГЕ ОБЩЕСТВО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ, СТАВШЕЕ ПОЗЖЕ ИМПЕРАТОРСКИМ, И ПОЛУЧИЛА ОРДЕН ИЗ РУК ТУРЕЦКОГО СУЛТАНА. ИМЯ ЭТОЙ УДИВИТЕЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЫ, О КОТОРОЙ НЕ ВСПОМИНАЮТ ПОТОМКИ, ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА ЛЕБЕДЕВА. СВЕДЕНИЯ О НЕЙ ПО КРУПИЦАМ СОБИРАЕТ ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР КАФЕДРЫ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ СТАМБУЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ТЮРКАН ОЛДЖАЙ.

— **В** первые о Лебедевой я узнала в 2002 году, — рассказывает Тюркан Олджай, — когда меня пригласили выступить в Харьковском национальном университете. Согласитесь, было бы несколько странно читать лекцию о русской литературе русскоязычной аудитории. Мне хотелось найти такую тему доклада, которая бы заинтересовала слушателей. Обратилась к истории переводов русской классики на турецкий язык. В итоге написала статью о переводах русской литературы в Турции в период с 1884 года и до объявления Республики в 1923 году. Среди первых переводчиков оказалась и Ольга Лебедева, о которой имелась статья в Исламской энциклопедии. Я заинтересовалась, стала находить все больше сведений о ней в турецких архивах.

— В России известна только переписка Лебедевой с Львом Толстым, да и то это всего несколько коротких писем. Вам удалось найти какие-либо иные сведения о Лебедевой в российских источниках?

— Первые сведения о ней дает российский востоковед Владимир Александрович Гордлевский в «Очерках по новой османской литературе» 1912 года. Есть данные о Лебедевой и в книге «Лев Толстой и Восток» Александра Иосифовича Шифмана. Другой известный советский тюрколог, Андрей Николаевич Кононов, в 1964 году написал о Лебедевой библиографическую статью в словаре. Однако до сих пор в биографии Ольги Лебедевой остается много белых пятен. Даже в архивах Казани мне мало что удалось найти. Известно только, что ее девичья фамилия Барщева, родилась она в 1854 году и была женой Алексан-

дра Александровича Лебедева — городского головы Казани в 1883–1888 годах и в 1899–1903 годах. У них родились трое детей: в 1880 году Александр, в 1881-м — Ольга и в 1886-м — Михаил. Александр Александрович умер в 1910 году в возрасте 67 лет, а об Ольге Сергеевне никакой информации нет. В турецких архивах последняя публикация ее работы датируется 1919 годом.

Единственная известная фотография Ольги Лебедевой. На груди — орден Милосердия 2-й степени, учрежденный в Османской империи. 1891 год

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

Вообще-то для меня эта тема была закрыта с 2010 года, когда я обобщила найденные сведения и написала статью о Лебедевой. Но вот в феврале 2015 года со мной через Интернет связалась женщина из Англии, которая представилась правнучкой Ольги Лебедевой. Причем от первого брака. Она утверждает, что Ольгу Сергеевну впервые выдали замуж в ранней юности за Владимира Эрастовича Длотовского – сына генерала от инфантерии, председателя Главного военного суда Эраста Длотовского. В это же время из Колумбийского университета в США мне предложили прочитать лекцию о русско-турецких культурных связях, в частности о деятельности Ольги Лебедевой. Оказалось, в библиотеке университета имеются некоторые сведения о ней, в том числе о ее семье и первом браке. Работа неожиданно возобновилась, предстоит еще многое выяснить.

– *Что подвигло Ольгу Лебедеву заняться востоковедением и когда впервые специалисты услышали ее имя?*

– В записках турецкого просветителя, крупного издателя и писателя Ахмета Мидхата-эфенди сообщается, что Ольга Лебедева выросла в большом имении близ Казани, в котором работало много татар. Благодаря непосредственному общению с ними она познакомилась с восточной культурой и нравами, научилась говорить по-татарски. Интерес к Востоку побудил ее к изучению языков,

истории и культуры тюркских и других исламских народов в Казанском университете. Она также брала уроки арабского, персидского и турецкого языков у известного татарского просветителя Каюма Насыри, который перевел на татарский персидское произведение XI века «Кабус-Наме». Под его же наставничеством Лебедева в 1886 году переводит этот памятник персидской литературы с татарского на русский, благодаря чему она стала известна в востоковедческих кругах. В 1889 году она была участницей VIII Конгресса востоковедов в Стокгольме. На званом ужине в честь участников конгресса русский генконсул представил Лебедеву официальному представителю Османской империи и члену турецкой делегации Ахмету Мидхату. К тому моменту она, «кроме русского, являвшегося родным, владела также французским, немецким, английским, османским, арабским и персидским языками; вместе с тем она обладала великолепными способностями играть на пианино и рисовать». Она назвалась Гюльнар и протянула визитку с написанным на османском языке именем.

– *Почему Лебедева так представилась и что означает это имя?*

– Она настолько освоила восточную культуру, что выбрала себе литературный псевдоним Гюльнар, что по-персидски означает «цветок граната». Я думаю, она так представилась, чтобы произвести

большой эффект. Лебедева рассказывала Мидхату о величии русской литературы, а на его вопрос: «Правда ли она так велика?» тут же подарила рукопись своего перевода рассказа Льва Толстого «Ильяс» на османский язык. Мидхат был уверен, что встреча произошла спонтанно. Полагаю, Лебедева все разыграла. А свое происхождение она не собиралась утаивать. Вскоре Мидхат узнал настоящее имя новой знакомой. В дальнейшем Ольга Лебедева в изданиях своих переводов подписывалась как Olga De Lebedef, Madam Lebedef Gülnar, Madam Gülnar De Lebedef. Хотя в письмах к своим турецким друзьям подписывалась «Гюльнар».

– Госпоже Гюльнар удалось произвести сильное впечатление на турецкого издателя?

– Безусловно. Ахмет Мидхат все свободное от заседаний время проводил с ней и ее коллегой профессором Джозефом Гольдвальдом. Конгресс продолжался десять дней. Заключительные заседания проходили в Осло, после которых Мидхат предложил Лебедевой и еще некоторым членам русской делегации отправиться вместе с ним в путешествие по Европе, помочь познакомиться с культурной жизнью и достопримечательностями европейских городов. Предложение было принято, и в течение семи дней они побывали в Гётеборге, Хельсинки, Копенгагене и Берлине. 19 сентября, попрощавшись со своими спутниками, Ахмет Мидхат и Ольга Сергеевна направляются в Кёльн, а оттуда в Париж, где проведут двенадцать дней. Свои путевые очерки Мидхат вскоре начал публиковать в газете «Терджумани Хакикат» («Переводчик истины»), издателем которой он сам и являлся. Позже вышла отдельная книга «Путешествие по Европе». Из 1030 страниц книги на протяжении приблизительно 600 страниц фигурирует Лебедева. До реформы 1928 года в Турции писали на османском языке – арабицей. Только в прошлом году «Путешествие по Европе» было транскрибировано латинскими буквами. Читать османские тексты – это очень трудоемкая работа, поэтому до того проанализировать всю книгу мне не удалось. Теперь появились новые возможности для исследования.

– Какие, собственно, сведения сообщает о Лебедевой Мидхат в своей книге?

– Главная тема их разговоров – сравнение Востока и Запада, разница между ними в области этики и культуры. Они обсуждали положение женщины на Востоке, ее социальную и семейную жизнь. Разговоры касались также религии, философии, культуры, в частности изобразительного искусства, музыки и литературы. Ольга Сергеевна много говорила о русской литературе, пересказывала некоторые произведения. Уже тогда у них складывались планы по переводу русской классики на турецкий язык. Создается впечатление, что во время путешествия Ольга Лебедева вела себя как наставница. Знакомила своего спутника с европейским искусством: живописью, архитектурой, театром,

ПРЕДОСТАВЛЕНО ТЮРКАН ОЛДЖАЙ

музыкой, оперой. Мидхат был изумлен уровнем ее культуры. Как-то в одной из картинных галерей он обмолвился: «Рамы для картин впечатляют больше, чем сами картины». Однако Ольга Сергеевна начала ему объяснять, в чем ценность данной школы живописи. Мидхата поражали ее образованность, понимание западного искусства и то, как это сочеталось с искренней любовью к восточной культуре, османскому языку.

Даже на бытовом уровне восточная традиция была близка Ольге Сергеевне. Например, она всегда возила с собой турку, угощала гостей турецким кофе. Одевалась довольно строго, говорила, что ей неприятно видеть женщину в платье с глубоким декольте. Удивительно, но она и самому Мидхату делала замечания из-за одежды. Однажды Ахмета Мидхата как официального делегата Османской империи неожиданно пригласили на ужин. Он хотел отправиться в той же одежде, в которой гулял по улице. Ольга Сергеевна убедила его, что он должен пойти в гостиницу и надеть свой лучший костюм с почетными наградами.

Ахмет Мидхат-эфенди (1844–1913), один из самых плодovitых турецких литераторов, написавший (включая переводы) более 30 романов и несколько сот других произведений

«Кабус-Наме» – популярная на Востоке книга персидского писателя Кей-Кавуса, содержащая наставления по всем направлениям жизни человека – от познания Бога до покупки лошадей

ПРЕДОСТАВЛЕНО ТЮРКАН ОЛДЖАЙ

ПРЕДОСТАВЛЕНО ТЮРКАН ОЛДЖАЙ

Первая страница рассказа «Ильяс, или Богатство». Это переложение произведения Льва Толстого «Ильяс», изначально переведенное на османский язык Лебедевой и затем переработанное Ахметом Мидхатом

Будучи западником по своим взглядам, Ахмет Мидхат в своей деятельности особое внимание уделял повышению статуса женщины в Турции, ее образованности, вовлечению в социальную жизнь и в мир искусства. Ольга Лебедева стала для него образцом современной женщины. Вот почему, как мне кажется, он и пригласил ее в Турцию. В переписке с первой турецкой писательницей-романисткой, Фатмой Алийе, он все время ставит в пример Ольгу Сергеевну.

– **А когда о Лебедевой узнала широкая турецкая публика?**

– Их путешествие закончилось в Париже в октябре 1889 года, где Ольга Сергеевна встретилась со своей матерью и 9-летним сыном Александром. Начиная с 25 декабря в газете «Терджумани Хакикат» Мидхат начал печатать по частям свое «Путешествие по Европе», где представил читателям Ольгу Лебедеву с самой лучшей стороны. И в дальнейшем в каждом номере газеты продолжал упоминать ее. Таким образом, еще до своего первого приезда в Стамбул Лебедева оказалась в фокусе внимания турецких просвещенных кругов как эрудированная женщина, исполненная большой любви к туркам и их культуре.

– **В Турции Ольга Лебедева оказалась тоже благодаря Мидхату?**

– Да. Расставаясь в Париже, он пригласил ее в Стамбул. В книге Шифмана «Лев Толстой и Восток» говорится, что Лебедева приезжала в Стамбул еще в 1881 году – то есть до знакомства с Мидхатом. Она отправилась в Стамбул якобы с целью публикаций своих переводов Пушкина. Но турецкие власти заподозрили ее в шпионаже, а издание книг запретили, опасаясь пропаганды русских политических и религиозных идей. Эту же историю пересказывает и Кононов в своей статье. Из каких источников были взяты такие сведения – не ясно. Ни в книге «Путешествие по Европе», ни в переписке нет и намек на этот визит в Стамбул. В газете Мидхата сообщается, что

Ольга Сергеевна впервые ступила на турецкий берег 13 октября 1890 года. Она прожила в Стамбуле до середины мая 1891 года. И в дальнейшем в течение пяти лет каждую зиму проводила в Стамбуле. Помимо работы этого требовало и ее слабое здоровье. В своих письмах Лебедева сетует, что зима в Казани для нее слишком сурова. О всех ее приездах и отъездах также сообщалось в газете «Терджумани Хакикат», архивы которой сохранились.

– **Ей понравился Стамбул? Тогда ведь еще на лошадях ездили, хотя на Золотом Роге уже появилось первое метро-фуникулер.**

– Ольга Сергеевна обожала Стамбул. В своих письмах первой турецкой поэтессе, Нигяр-ханым, она тоскует по Босфору и признается, что всем сердцем привязана к этому городу. Лебедева приезжала в Стамбул на пароходе из Одессы. В конце XIX века мостов через Босфор не было, по городу она передвигалась в фаэтоне или на лодке, закрыв лицо вуалью. Останавливалась обычно в гостинице De Londres на Тепебаши – в одном из элитных кварталов, где жили европейцы. Во время своего первого приезда Ольга Сергеевна долго в гостинице не задержалась. Мидхат пригласил ее пожить на свою виллу на азиатской части Босфора. Это породило волну сплетен об их отношениях. Читая письма Мидхата и воспоминания гостей его дома, можно уверенно сказать, что все слухи были надуманными. Во-первых, Мидхат только что женился и был очень счастлив. У него это была вторая жена – тогда такое воспринималось совершенно нормально. И вся большая семья Мидхата обожала Ольгу Сергеевну. Иногда к ней в Стамбул приезжали дети, которые тоже гостили у Мидхата. Вечерами собирались в гостинице все: Мидхат, обе его жены, множество детей, гости дома. Лебедева рассказывала русские сказки, знакомила с русской традиционной культурой – некоторые рассказы сохранились в дневнике Мидхата.

Однако, видимо, сплетни заставили Мидхата закрыть для русской гостьи двери своего дома. Во время третьего визита Лебедевой, зимой 1893 года, Мидхат не только не принимал ее у себя на вилле, но и вообще отказывался встречаться и общаться; не отвечал на ее письма. Об этом я узнала, читая переписку Мидхата и Фатмы Алийе. Более того, в своих письмах Мидхат называет Лебедеву очень холодно – просто «Гюльнар», без уважительного «ханым» – то есть «госпожа». По всей видимости, между ними действительно произошел какой-то разлад. Но через полгода отношения вновь стали дружескими, в письмах турецкого просветителя снова появляется «Гюльнар-ханым». Письма самой Лебедевой не сохранились. Мне удалось отыскать четыре ее письма – два на французском и два на османском языке. Для меня это был волнующий момент, я впервые увидела ее изящный вензель.

– Были ли реальными подозрения властей в шпионаже, как об этом пишут советские востоковеды?

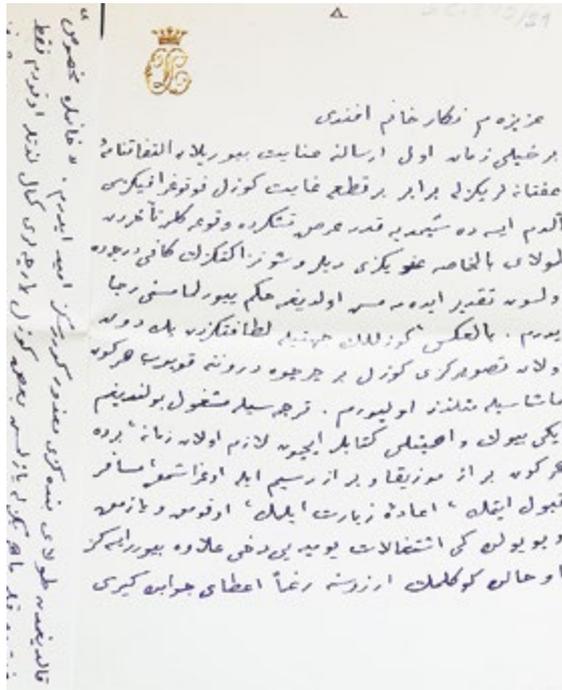
– Были доносы. Но вряд ли кто-то им доверял. Сам Мидхат в своих письмах над такими подозрениями смеялся, писал, что она совсем ничего не понимает в политике. А главное, еще в 1891 году султан Абдульхамид II лично наградил Лебедеву орденом Милосердия 2-й степени и грамотой за заслуги перед востоковедением.

Хотя, конечно, время было иным. В архивах я нашла обращения стамбульской знати к султану относительно Лебедевой. Например, Ольга Сергеевна дружила с Фатмой Алийе, отец которой, Ахмет Джебдет-паша, был крупным историком и советником султана. Так вот, он писал прошение султану о разрешении быть на завтраке у Лебедевой, куда он с дочерью приглашен. Или просил позволения пригласить к себе на вечер Ольгу Сергеевну. Русская гостья была завсегдатаем встреч стамбульской культурной элиты. Первая турецкая поэтесса, Нигяр-ханым, проводила у себя по вторникам литературные вечера. По ее примеру и Ольга Сергеевна превращала свои гостиничные апартаменты в подобие литературных салонов, гостями которых были известные деятели культуры.

– За какие именно труды Лебедева получила награду из рук султана?

– Еще в 1890 году Ольга Сергеевна привезла с собой несколько переведенных ею произведений, которые стали печататься в газете Ахмета Мидхата буквально через неделю после ее приезда в Стамбул. А затем вышли и отдельным изданием. Первым произведением, прочитанным турецкой публикой, стала повесть Пушкина «Метель». Затем последовал перевод в прозе отрывка из поэмы Лермонтова «Демон». Султан сам вряд ли эти переводы читал. Но, бесспорно, имя Лебедевой ему было знакомо – и не столько по прошениям пригласить ее на вечер, сколько по очеркам Мидхата «Путешествие по Европе», которые выходили целый год в одной из крупнейших газет страны. Ольга Лебедева – первая русская женщина-востоковед, исследователь положения и роли женщины в мусульманском обществе. Именно это, по-моему, стало причиной ее награждения. Думаю, сам Мидхат и предложил султану наградить Ольгу Сергеевну – за востоковедческие труды в целом. Хотя, быть может, султану и нравилась русская литература. В архивах я нашла «Книгу чтений султана», в которой присутствуют произведения Льва Толстого. Похвальная статья о вручении ордена Лебедевой вышла в литературной газете «Сервети Фюнун» («Сокровищница знаний»), где была помещена фотография Ольги Сергеевны с почетной наградой на груди. Это единственная известная фотография Лебедевой.

– Какие еще произведения перевела Ольга Лебедева и какова судьба рассказа «Ильяс», подаренного Мидхату при встрече в Стокгольме?

Письмо Ольги Лебедевой, написанное 11 марта 1897 года в Петербурге и отправленное в Стамбул поэтессе Нигяр-ханым

ПРЕДОСТАВЛЕНО ТЮРКАН ОЛДЖАЙ

– Перевод «Ильяса» оказался очень плохого качества. Лебедева тогда еще недостаточно хорошо знала османский язык и не собиралась публиковать перевод. Однако Мидхат, тронутый воспоминанием о том, что «Ильяс» был подарен ему при знакомстве с Ольгой Сергеевной, отредактировал перевод и напечатал в своей газете в 1892 году. Спустя год рассказ вышел отдельной книжкой под заглавием «Ильяс, или Богатство» без указания имени автора. Во вступительной статье, написанной Мидхатом, рассказывается об истории перевода произведения Толстого. Но по содержанию перевод далек от оригинала.

В последующие годы Ольга Лебедева перевела статью Василия Жуковского «Кто истинно добрый и счастливый человек?», повесть Пушкина «Пиковая дама», которая была напечатана под заглавием «Карточная игра», его же поэму «Бахчисарайский фонтан», произведения Льва Толстого «Семейное счастье», «Два старика», «Смерть Ивана Ильича», «Чем люди живы», «Хозяин и работник». В соавторстве вышли переводы стихотворений Лермонтова «Ангел» и «Парус».

– Чем можно объяснить выбор именно этих произведений?

– В случае с «Ильясом» логика ясна. История башкира Ильяса близка турецкой культуре. В остальном, думаю, Лебедева руководствовалась личными симпатиями. Не удивительно, что такая женщина, как Лебедева, перевела «Метель», а не «Станционного смотрителя». Выбор «Семейного счастья» – тоже объясним. По всей видимости, у Ольги Сергеевны не сложилась семейная жизнь: из некоторых оговорок в ее переписке можно сделать вывод, что с мужем у нее были тяжелые отношения. Тем не менее в предисловии

ПРЕДОСТАВЛЕНО ТЮРКАН ОЛДЖАЙ

«Краткая история Казани», написанная на французском языке Ольгой Лебедевой для XII Конгресса востоковедов в Риме в 1899 году

к этому произведению Толстого она рассказывает со знанием дела, как можно построить семейное счастье. Точно как Гоголь, который никогда не касался женской руки, но все знал и учил правильным отношениям между мужчиной и женщиной.

– Как оценил турецкий читатель русскую литературу в переводах Лебедевой?

– Лебедева писала Толстому, что ее книги распродаются нарасхват. Шифман в своей статье указывает тиражи переводов в 40 тысяч экземпляров. Думаю, популярность Лебедевой сильно преувеличена. Процент грамотности тогда был очень низкий. Тираж в 40 тысяч экземпляров для того времени – заоблачный. Нет точных данных, в каких количествах печатались книги Лебедевой. Газета «Терджумани Хакикат» была одной из популярнейших в Стамбуле, но, опять же, данные о тиражах не сохранились.

– Из переписки Лебедевой и Льва Толстого известно, что Ольга Сергеевна в целях сближения мусульманских и христианских общин на Востоке намеревалась заняться религиозной работой, в частности издать в параллели сходные по духу стихи из Евангелия и Корана, и даже написала предисловие к будущей книге. Сумела она осуществить свой замысел?

– В Турции подобные работы Лебедевой неизвестны. Толстой, прочитав ее предисловие, ответил, что его нужно переработать не раз и не два, а двадцать-тридцать раз.

– Какие еще сведения о деятельности Лебедевой вам удалось найти?

– Других переводов художественных произведений нет. По рекомендации Мидхата она перевела на французский язык работу Фатмы Алийе о мусульманской женщине. Опубликована она была в Париже под названием *Les femmes musulmanes*, без указания года. Интересно, что там имя автора книги стоит без всяких пояснений, а имя пере-

водчицы Ольги Лебедевой сопровождается пространным комментарием о ее востоковедческой и переводческой деятельности. Я нашла также ее работы к последующим XI, XII, XIII и XIV Конгрессам востоковедов – в Париже (1897), Риме (1899), Гамбурге (1902) и Алжире (1905). Среди них: «Краткая история Казани», «Об эмансипации мусульманской женщины» на русском и французском. Турецкий перевод той же работы выйдет в журнале «Кадын» («Женщина») в 1909 году в Салониках. В европейских кругах Лебедеву, бесспорно, знали. Например, в бельгийской газете *L'Opinion* публиковалась статья о ней; востоковедческие труды Лебедевой появлялись на страницах европейских и американских журналов.

В Стамбуле она написала на османском языке две литературоведческие работы: обширную статью о Пушкине «Поэт Пушкин: жизнь, творчество, произведения» и монографию «Русская литература» объемом 132 страницы. Поднимался вопрос о переиздании этой книги на современном турецком языке. Я нашла и прочитала ее. И сильно удивилась. Видимо, она все-таки не была специалистом-литературоведом. Серьезный анализ произведений в ее работе отсутствует, часто это просто пересказ сюжета. Поэтому идею переиздания отложили. Сейчас есть такие интересные работы о русской литературе, что труд Лебедевой кажется очень поверхностным. Свою важную роль он уже сыграл в истории. Из этой книги турецкие читатели впервые узнали о 20 русских писателях, начиная с Антиоха Кантемира и заканчивая Львом Толстым.

– Насколько сейчас актуальны ее переводы русских классиков? Их переиздают?

– Переизданий и переводов на современный турецкий язык не существует. Некоторые ее работы я читала на османском языке. Наиболее удачные – переводы стихов Лермонтова, которые Лебедева делала в соавторстве с турецкими поэтами. А в остальном у меня, как у человека, знающего русскую литературу, осталось странное впечатление. Язык ее переводов слишком повествовательный, очень сентиментальный, местами слащавый. Все переводы редактировались Ахметом Мидхатом, из-за чего трудно оценить работу Лебедевой-переводчицы. Вместе с тем, конечно, надо понимать, что османский литературный язык – это не только арабица, это во многом другой язык. И то, что нам сегодня кажется вычурным, в те времена воспринималось иначе. Но это никак не умаляет ее заслуг. Бесспорно, Ольга Лебедева – выдающаяся личность своего времени, достойная золотого фонда востоковедения. Ее вклад в русско-турецкие культурные связи неоченим, она впервые познакомила турецкий народ с великой русской литературой. На фоне напряженной политической ситуации она смогла наладить культурный диалог между Турцией и Россией. Недаром турецкая элита называла Ольгу Лебедеву «посланницей русской культуры». 📌

ВЕЩИ ИЗ ПРОШЛОГО

АВТОР

ПОЛИНА ТЮРЕНКОВА-ДОЛИНА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ЭТИ МИЛЫЕ ВЕЩИЦЫ НЕЛЬЗЯ НАЗВАТЬ АНТИКВАРИАТОМ, ОТ КОТОРОГО ЗА ВЕРСТУ ВЕЕТ ХОЛОДОМ И ДОРОГОВИЗНОЙ. ОНИ ПРОДАЮТСЯ НЕ В ПАФОСНЫХ САЛОНАХ, А НА УЛИЧНЫХ РАЗВАЛАХ И БЛОШИНЫХ РЫНКАХ. ПОКУПАТЕЛИ НАЗЫВАЮТ ИХ «РЕТРО» И «ВИНТАЖ», ПРОДАВЦЫ ЖЕ ИСПОЛЬЗУЮТ СТРАННОЕ СЛОВО «ХАБАР».

НЕСКОЛЬКО ТАКИХ «прабабушкиных» предметов есть у каждого, происхождение их понятно. Тем не менее, попадая в популярные нынче лавки и галереи, вгоняющие людей в ностальгию по прошлому, каждый второй из нас восклицает: «ГДЕ? Где вы все это берете?!» А узнав где, тут же задаются вторым вопросом: «КАК?» Мой рассказ – ответ на эти самые «где» и «как», ведь полтора года назад я как журналист вли-

лась в довольно закрытое для посторонних хабар-движение, уговорив одного из «старейшин», занимающегося этим пятнадцать лет, приоткрыть завесу тайны и взять меня на одну из «полазок». Однако процесс так затянулся, что теперь я знаю все тайны и подводные камни добычи хабара. Впрочем, обо всем по порядку.

У слова «хабар» множество значений и отсылок в разные языки, однако в нашей среде оно употребляется единственно

как «добыча артефактов». Пришло оно от братьев Стругацких, точнее, из их культового фантастического романа «Пикник на обочине».

Процесс превращения хабара в милые ретровещички мгновенен: как только условная серебряная ложечка была вытащена из рюкзака хабариста и подарена подруге, выложена на прилавок или передана в тематическую галерею – она перешла в разряд подарка или товара, и обратного пути нет: хабар нельзя купить и перекупить, его можно только найти. Люди, скупающие тоннами «монеты, значки и медали, а также книги до 1917 года выпуска», не имеют к хабар-движению никакого отношения, они не расскажут захватывающую историю про любой пузырек своей коллекции и не охарактеризуют большинство старомосковских чердаков, снесенных домов и дореволюционных помоек. С которых, пожалуй, и начнем.

Так выглядит
«царева
выселенка»
внутри

«ЦАРЕВА ПОМОЙКА»

До революции ни мусоропроводов, ни организованного вывоза мусора в Москве не было. Во дворах копали канаву, в которую и скидывали аптечные пузырьки, керамические кремницы и мазицы, невероятной красоты бутылочки из-под уксуса и горчицы, чернильницы и прочий «Кузнецовъ» со сколами. Это для нас все это антиквариат, а для того времени – лишняя своего пенного содержимого пивная бутылка «Калинкинъ» с огромным орлом и километрами подписей была всего лишь пустой бутылкой. «Феррейнь» – всего лишь тара для микстуры, а «Брокеръ» – всего лишь упаковка из-под нюхательных солей.

Сейчас все эти богатства лежат на глубине от 2 метров по всему центру Москвы. Чтобы найти та-

кой раскоп, нужно следить за всеми работами, которые проводит мэрия столицы, залезть в каждую траншею и разведать, не задел ли экскаватор искомое. Это сразу можно понять по множеству торчащей из земли обуви и бесчисленным осколкам. Дальше – время действия.

Во-первых, нужно договориться с монтерами, чтобы они пустили в свой раскоп, а для этого надо не полениться и прочесть им зажигательную лекцию о том, как все это интересно, нужно и важно.

Во-вторых, необходимо торопиться, потому что городские власти стараются не затягивать такие работы и как можно быстрее зарыть траншею и закатать ее асфальтом.

В-третьих, важно работать во всех смыслах аккуратно: не мешать деятельности городских

Дом мог бы служить людям еще не одну сотню лет. Но слишком лакомый кусок земли он занимает

Система хранения старинных сундуков и чемоданов. Именно в них вещи привозятся на антикварные развалы

служб и копать огромные объемы маленькими грабелями, чтобы не повредить стеклянные «артефакты», которые можно найти.

«Цареву помойку можно найти даже там, где этого не ждешь, – говорит тот самый «старейшина», Алексей. – Однажды я шел по проспекту Мира, копали вдоль проезжей части. Казалось бы – ну тут их точно не может быть, сунулся туда только для очистки совести. А там фуферы (бутылочки и стеклянные пузырьки. – Прим. ред.) – сотнями, бери и дергай голыми

Алексей
занимается
хабаром
пятнадцать лет

руками. Потом проверил – и точно. Раньше на этом месте были дворы малоэтажных деревянных домов.

...Когда редактор попросила меня добавить в текст классические «забавные репортажные моменты», я села за компьютер, открыла файл и начала улыбаться. Потому что хабар – это серия скучных последовательных действий, ведущих к сплошному зажигательному «моменту». Что касается раскопок в городе, то самым ярким воспоминанием, пожалуй, был раскоп на Пушкинской этим летом. Случайно взглядом наткнулись на очень старое стекло в траншее. Копать надо быстро, самый центр, времени терять нельзя. Обзвонили всех, кого только можно, в итоге на объекте оказался «новенький» с беременной женой. Представьте себе картину: останавливается дорогой автомобиль, из него выходит современная молодая пара, жена – «на сносях». Муж открывает багажник, хватается лопату, ныряет в раскоп и вдруг истошно кричит: «Смотрите, какая патина! Это же XVII век!» Познакомиться поближе нам удалось позже, потому что тогда, во-первых, пошел дождь, а во-вторых, некоторых природа вызвала в роддом. Пока жена рожала, муж три дня ковырялся в раскопе! Спустя месяц нам представили сынишку и три ящика стекла ручной работы. Семья абсолютно счастлива! Спрашивали, можно ли со слингом лезть в раскоп, честное слово!

Все эти «сокровища» когда-то были хабаром

Даже в обычной московской квартире можно сделать музей. Так выглядит уборная. Несколько сотен ретротабличек. Вместо шкафа – военный ящик

Некогда закрытый московский дворик с усадебным зданием и каретными сараями выселен уже много лет, но хабаристы знают, что, где и как искать

«КОРМЯЩАЯ ПОМОЙКА»

У любого хабариста, живущего в центре, есть своя «кормящая помойка». Это место, ради которого он никуда не едет, а просто, каждый день проходя мимо, проверяет, не вынесли ли туда «бабушкину квартиру». Историй о том, как выкупили старую коммуналку и наняли таджиков, не глядя, вынести все, – великое множество, это не секрет. В спальнях районах такое – большая редкость, поэтому многие

мои подписчики в «Инстаграме», комментируя фото с хештегом #пресненскаяпомойка, искренне недоумевают: неужели правда люди выкидывают такие интересные и дорогостоящие старинные вещи?! Увы, правда. И есть один неприятный момент: давно канули в Лету те времена, когда дворниками подрабатывали московские интеллигенты, теперь это гости столицы, без разбору кидающие в контейнер старинные книги, стулья «Тонеть»

и зеркала в дубовых рамах. Люди бы их разбирали, но дворники, которых я неоднократно просила оставлять такие вещи около баков, куда их и ставят бывшие владельцы, уверяют, что у них есть четкий приказ: кидать все в контейнер, ломая при этом мебель. «Моя кормящая помойка – Таганская, – рассказывает Алексей. – Сколько «царизма» я с нее перетаскал! Всего не упомянуть. Обычно выкидывают сразу «оптом», такие вещи, что диву даешься, ведь чтобы понять, что это – ценности, не надо иметь особого образования. Много беру вещей, материальной ценности не представляющих, – старые фотографии района, интересные архивы, воспоминания уже умерших соседей. Но не надо думать, что такого не бывает на окраинах. Один наш товарищ насобирал довольно интересную коллекцию старинных вещей, а матушка его в этом деле не разобралась и, мягко говоря, не симпатизировала. Поэтому однажды, пока он был в экспедиции, вся коллекция без разбору отправилась в помойку, самую что ни на есть околоскладную. Надеюсь, ее кто-то нашел».

...Однажды мы с сестрой пошли на пробежку и увидели в огромном баке пару шикарных деревянных кресел. Недолго думая, я забралась туда и стала их вытаскивать. Проходящий мимо парень заинтересовался нашим занятием, сфотографировать нас, восседающих на свежеприобретенном хабаре, не отказался, поинтересовался, не в помойке ли мы нашли последний айфон, и ушел с миром. Однако Мирозданию было угодно, чтобы он стал свидетелем того, как кресла уезжают на дорожном автомобиле к новым хозяевам. У себя дома мы им места не нашли и продали через Интернет, не скрывая их происхождения.

Работать надо со светом. В тарелке главное – клеймо

Такие вещицы редко забираются, но всегда изучаются на месте

ПЯТИЭТАЖКИ-«ВЫСЕЛЕНКИ»

Московская программа по сносу пятиэтажных хрущоб шагает по столице не первый десяток лет. И это – Клондайк для хабаристов. Когда в большинстве своем довольные жители переезжают в новостройки, а «металлисты» выносят из квартир чугунные ванны, батареи и подъездные перила, в дом входят хабаристы. Причем всех мастей. Иногда это даже бабушки-«божьи одуванчики», которые и слова-то «хабар» не знают, но суть от этого не меняется. Люди хотят вынести вещи, которые через считанные дни будут погребены под горами строительного мусора. Кто-то охотится за современщиной, необходимой в быту, нас она не интересует, мы ищем старые квартиры, в которых ремонт не делался хотя бы лет двадцать. Как правило, это одна квартира на подъезд, из которой выносятся много интересного.

«Некоторые относятся к пятиэтажкам с пренебрежением, мол, какой там «царизм», один «совок», – объясняет Алексей. – Однако не надо забывать, что люди заселялись туда из коммуналок, в свою очередь сделанных из шикарных дореволюционных квартир. Отсюда и посуда с царскими клеймами, и антикварная мебель, которую мы там находим, ведь раньше при переезде не бросали все, как сейчас, а везли с собой». Комоды, выкидываемые из окон, буфеты, спускаемые на веревках, шкафы, вывозимые на грузовиках, – и все это с приключениями. Но главный вопрос, который возникает в сознании, когда думаешь о выселенных пятиэтажках: «Что вспомнят наши дети?» Дело в том, что люди очень часто не забирают с собой фотографии и семейные архивы. Не берусь судить, по какой причине, но это не единичный случай, а тенденция. Хочется думать, что они оцифрованы, но дореволюционное Евангелие с исписанными форзацами «Мамочка скончалась 1 апреля», «Зоинька отошла в среду 10 мая» и т.д. достойно того, чтобы его бережно хранили и передавали потомкам, не правда ли?

«ЦАРЕВЫ ВЫСЕЛЕНКИ»

Это дома, десятилетиями стоящие в центре города пустыни. Людей выселили, многих – к МКАД, если не за нее, а дома оставили умирать. С жильцами они простояли бы еще сотню лет как минимум, а без жильцов и отопления приходят в негодность, и их сносят, строя на золотой московской земле бездушный «новодел» с пятиуровневым подземным паркингом. Второй вариант развития событий – отопление и свет не отключают, и в доме устраивается «таджичник». Сколько драных матрасов на дубовом паркете в комнатах с четырехметровыми потолками и изысканной лепниной я видела... Великолепные залы, разделенные самодельными стенами на клетушки. Хабара в таких домах мало, туда ходят больше как на экскурсию по исчезающей старой Москве.

Мой самый запоминающийся поход – это самодельная антресоль в коридоре огромной коммунальной квартиры, некогда отдельной. Когда на нее полезли и стали разбирать, оказалось, что какой-то энтузиаст забросил туда целый «москвич» в разборе, даже элементы кузова попадались. Хотели бросить, но решили «копать» до конца и, перетаскав автомобиль, наткнулись на великолепные, в огромных рамах, старинные портреты семейства, видимо, когда-то в этой квартире проживавшего. Вековой слой пыли и чистый восторг!

Трудно поверить, что все эти вещи добыты из горхлама, откопаны из канав, найдены в заброшенных домах или на помойках

Изразцовые печи в советское время были закрашены масляной краской

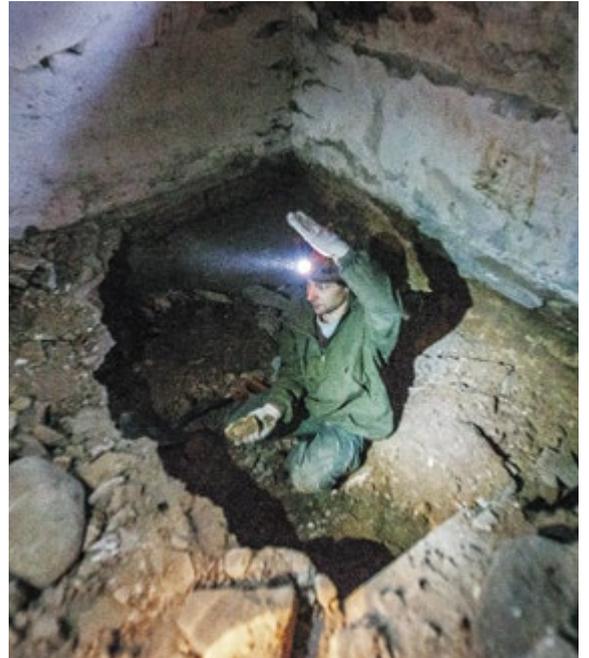
«Конечно, из таких домов все вынесли еще лет десять-пятнадцать назад, я тогда уже был «в движухе», но ничего не брал: не разобрался, хранить было негде, что можно продавать – не знали, – вспоминает Алексей. – Так, что-то в карман положишь на память, и все. Многие дома, по которым мы лазили, уже снесены, какие-то стоят, видимо, землю поделить не могут. В них сейчас если ходить за хабаром, то только с металлоискателем – за монетами».

Истории о том, что в дверные и оконные косяки в революцию клали «золотые колбаски», – не выдумки. Один знакомый нашел такой клад, правда, не во

время «полазки», а делая ремонт. Мы же находили много отдельных монет.

Мой первый дом, в который я зашла как хабаристка, стоял внутри Бульварного кольца и был пуст как барабан. Однако позволить мне уйти просто так старшие товарищи не могли и сняли со стены маленькую латунную табличку с рукодельной надписью – «Морозовы». Храню ее как память, заказала на свою дверь похожую, но, самое главное, теперь, гуляя по Москве, мы многое исчисляем расстоянием «от Морозовых». Часто ловлю себя на мысли, что хочется сказать: «Господи, упокой души неизвестных мне Морозовых».

Выгнанных из своей квартиры, привычной страны и жизненного уклада. «Дом Морозовых» мог бы стоять на своем месте еще очень и очень долго, в их квартире могли жить их правнуки, но все пошло не так...

ЧЕРДАКИ И ПОДВАЛЫ

На чердаках есть или, по крайней мере, когда-то было все. Новогодние и обычные игрушки. Стулья. Старые адресные таблички. Зингеровские станины. Старинные подшивки журналов. В засыпке все те же пузыри и бутылки. Изразцы от разобранных печей. Чердаки заваливали по одному принципу: «зачем выкидывать то, что можно отнести на чердак», мешает разгрести их новый принцип: «выкинем все».

Подвалы обычно скучны. Однако случайно был найден один, в котором под слоем бетона чудесным образом обнаружился изразец от расписных печей XVIII века. Видимо, их снесли ради лишней пары квадратных метров, когда в дом провели отопление, а потом разбросали это богатство по подвалу, который некогда был палатами, и закатали в бетон.

«Надо понимать: чтобы наткнуться на такой подвал с изразцами, должно повезти. И ха-

баристу, и дому, – говорит Алексей. – Ведь при сносе никто это спасти не будет, потому что нужно в принципе дом спасти, а не сносить, его убивая.

С чердаками тоже нелогичность: пустить рабсилу, которая сложит все в мешки и выкинет, – это да; пустить же тех, кто все любовно соберет, отправит в частные коллекции или просто покажет народу, как недавно найденный в Звенигороде «птичий архив», – это нет. Приходится договариваться, тратить на это массу времени и сил, а дома все сносят и сносят...».

Однажды полезли на чердак заброшенного дома внутри Садового кольца. Объект давно пуст,

Копаем изразцы XVIII века. Предположительно в советское время печи были снесены за ненужностью, «строительный мусор» спустили в подвал (бывшие палаты!) и сверху зацементировали

Расписной сюжетный изразец XVIII века

дом развален, но – под охраной. Товарищ по «полазке» залез первым, я замешкалась, и тут... В мою сторону направлялся абсолютно голый мужик с большим профессиональным фонарем. Немая сцена. Чуть позже выяснилось, что это охранник, проводивший собственного изобретения ритуал «очищения в ночь на Ивана Купалу». Познакомились, и теперь ходим в этот самый дом «копать полы». Когда он в первый раз увидел, что мы считаем ценностью, удивлялся намного более, чем мы, увидевшие голого охранника.

За рамками моего краткого рассказа остались такие интересные, как военные раскопки, подземные московские реки (сама была только в Пресне – копали монеты, значки, другую мелочь), подмосковные места, на которых стояли ныне снесенные стеклозаводы, заброшенные российские деревни и чудо современной жизни – «Фейсбук». Да-да, например, именно оттуда от своей френдессы я узнала, что сносят дом с адресом, по которому жила Надя из «Иронии судьбы». Поехали и сняли табличку с наполовину снесенного здания. Когда-нибудь и она станет ценностью... ❶

Федор Федорович Ушаков. Портрет работы неизвестного художника конца XVIII – начала XIX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ФЕДОР ИОНИЧЕСКИЙ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

БЫЛА В РОССИИ ТАКАЯ ТРАДИЦИЯ: ПРИСОВОКУПЛЯТЬ К ФАМИЛИИ ОСОБО ОТЛИЧИВШИХСЯ ВОЕНАЧАЛЬНИКОВ НАЗВАНИЯ ТЕХ МЕСТ, ГДЕ ЭТИ ОТЛИЧИЯ И БЫЛИ ПРОЯВЛЕНЫ. ПРИМЕРЫ ТОМУ НА ПАМЯТИ МНОГИХ И СЕГОДНЯ. РУМЯНЦЕВ-ЗАДУНАЙСКИЙ, ПОТЕМКИН-ТАВРИЧЕСКИЙ, СУВОРОВ-РЫМНИКСКИЙ, КУТУЗОВ-СМОЛЕНСКИЙ, ПАСКЕВИЧ-ВАРШАВСКИЙ, ДИБИЧ-ЗАБАЛКАНСКИЙ, МУРАВЬЕВ-КАРСКИЙ И МУРАВЬЕВ-АМУРСКИЙ. СПЛОШЬ ЗАСЛУЖЕННЫЕ ГЕНЕРАЛЫ!

АДМИРАЛОВ, А СТАЛО быть, и флот, несмотря на наличие знаковых побед, подобной наградой обошли. А как же Орлов-Чесменский, спросите? Чесма – это, разумеется, морская победа. До сих пор турецкий

город-порт стоит на берегу Эгейского моря напротив греческого острова Хиос. Вот только граф Алексей Орлов – не адмирал. 3 октября 1770 года за победу в Чесменском морском сражении орденом Святого Георгия 1-й степени был награжден коман-

дующий русской эскадрой... генерал-аншеф Орлов.

Что спорить, сопоставлять военные успехи России на суше и на море – дело зряшное. Оно и без всякой статистики ясно, что масштабы сухопутных и морских войн, выпавших на долю страны, несопоставимы. И все же, все же... Уж больно кособоко выглядит наградной баланс! Военный орден в наградной иерархии династии Романовых – Святого Георгия – имел четыре степени. Высшая – первая. За всю историю существования ордена (1769–1917) первую степень получили только 25 человек. Из флотских – один. Адмирал Василий Чичагов. В 1790 году. Во время очередной русско-шведской войны Василий Яковлевич в ходе двух морских кампаний трижды разгромил на Балтике флот короля Густава III: в Эландском, Ревельском и Выборгском сражениях. Не случись спустя неделю после Выборгского триумфа Чичагова тяжелого поражения нашего гребного флота под командою принца Карла Нассау-Зигена в Роченсальмской битве, девятая по счету война между русским царством и шведским королевством закончилась бы иначе. Не исключено, что шведам пришлось бы поделиться Финляндией на двадцать лет раньше. А так – ничейный мир. Потому-то об этой войне сегодня почти не вспоминают. Ну и о Чичагове – соответственно. Ибо далее судьба георгиевского кавалера складывалась мирно и непримечательно. Хотя Василий Яковлевич – это тот самый адмирал, про ораторские способности которого анекдот все же рассказывают по сию пору. Докладывая о ходе боя со шведами Екатерине Великой, Чичагов увлекся и перешел на характерный для флотских язык. На одном из крутых обценно-лексических виражей адмирал спохватился, принялся извиняться, но был прерван императрицей: «Ничего, Василий Яковлевич, продолжай. Я ваших морских терминов не разумею». «Второго» Георгия удостоились 125 человек. Представителей

Василий Яковлевич Чичагов (1726–1809), русский флотоводец, с 1782 года адмирал

русского флота среди них только семь. Адмиралы Самуил и Алексей Грейг, Карл Нассау-Зиген, Александр Круз, Илларион Повалишин, Федор Ушаков, Павел Нахимов. Еще двое награжденных по флоту – генералы Федор Орлов и Осип Де Рибас. Основатель Одессы впоследствии был превращен Екатериной II из генерал-майора в контр-адмирала, но случилось сие через два года после награждения.

НЕ МОРСКОГО РОДУ-ПЛЕМЕНИ

Среди перечисленных достойных фамилий одна стоит особняком. Федор Федорович Ушаков. В истории парусного военного флота нет другого флотоводца, который не потерпел бы ни одного поражения. Речь о тех морских военачальниках, кто не ограничился за карьеру руководством в одной-двух схватках, а годами водил корабли, эскадры и флоты в боевые походы. Порой с Ушаковым в этой связи пытаются ставить вровень знаменитого британца Горацио Нельсона. Но английский адмирал познал горечь поражения при попытке атаковать остров Тенерифе на Канарах в 1797 году. Кроме того, в морских сражениях Нельсон дважды получал личные оплеухи: ранение правого глаза на Корсике и потеря правой руки в том самом бою за Тенерифе. Смертельную рану британец также полу-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

И.К. Айвазовский. Морское сражение при Ревеле (2 мая 1790). 1846 год. В этом сражении эскадра под командованием адмирала В.Я. Чичагова разгромила шведский флот

чил в бою – в Трафальгарском сражении 21 октября 1805 года, которое принесло ему мировую славу. Правда, ни о славе, ни о победе Нельсон узнать не успел. Раненный снайпером в позвоночник, адмирал скончался за час до завершения первого дня сражения. Полную викторию англичане праздновали только два дня спустя. Федора Ушакова Бог хранил во всех пяти крупных морских битвах, в которых ему довелось командовать. Хранил и при всяческих иных обстоятельствах. И еще: Ушаков уникален тем, что в сражениях не потерял ни одного корабля и ни один его подчиненный не оказался в плену.

И РОДА, И ПЛЕМЕНИ

А начиналось все в Ярославской губернии, недалеко от Рыбинска, называемого тогда Рыбинской слободой. В принадлежавшей роду Ушаковых деревеньке Бурнаково. Она и сейчас стоит на берегу волжского притока Жидогость. Особого богатства тут Ушаковы не нажили, но и не бедствовали. Пришло время, когда стране понадобились герои из прошлого. вспомнили тогда об Александре Невском, Дмитрии Пожарском, Александре Суворове, Павле Нахимове, почти вычеркнутых из рус-

ской истории после 1917 года. вспомнили и о Федоре Ушакове. Герои героями, но прошлое у них у всех – не дай Господи для советского агитпропа. Если не князья, то уж точно дворяне, с холопами да поместьями, увешанные царскими крестами и звездами. Пришлось специалистам поработать над биографиями, где возможно. Что-то подкорректировать, что-то подсократить. Отсюда – и скупое детство мальчика Федора из безвестного рода в кругу скромной семьи вдали от столиц. Почти крестьянский пастушок...

Думаю, многие удивятся, если узнают, что древний дворянский род Ушаковых ведет начало от некоего Павла Ушака, потомка в девятом колене одного из сыновей касожского князя Редеди – Романа. Согласно «Повести временных лет», в 1022 году в поединке встретились Редедя и сын Владимира Святого князь Мстислав Тмутараканский. Редедя в бою сгинул, и остались два малолетних сына, которых Мстислав взял на воспитание. Выросши, Роман женился на дочери Мстислава. Род оказался плодовитым, и к тому моменту, когда на свет в Бурнаково появился Федор, насчитывал несколько ветвей, в том числе «ярославскую». Будущий флотоводец был 11-м коле-

И.М. Белоногов.
Вид города
Рыбинска.
Акварель.
1848 год

ном от родоначальника Ушака. За многие столетия Ушаковы оказались связаны родственными узами с князьями Волконскими, Вяземскими, Голицыными, Долгорукими, Трубецкими и другими славными аристократическими родами.

Федор родился 24 февраля 1745 года в семье мушкетера 9-й роты лейб-гвардии Преображенского полка. Интересно, что и оба брата Федора-старшего – Сила и Иван – оказались в преображенцах. Это твердо говорит об одном: происхождением Ушаковы обижены не были. В противном случае не попасть им в преображенцы. Во времена Петра и Екатерины I в полк набирали рядовыми исключительно достойных происхождения дворян. Среди историков и биографов Ушакова до недавнего времени имелись разночтения по месту рождения Федора Федоровича. Бытовала версия, что произошло это в уездном городе Темникове Тамбовской губернии. Ныне – древнейший город Мордовии. В таком случае не очень ясно, почему адмиральская ветвь Ушаковых называется «ярославской». И почему запись о рождении «в семье солдата Федора Игнатьева сына сельца Бурнакова» мальчика, нареченного Феодором, появилась в метрической книге церкви Богоявления на Острову, что на левом берегу Волги, ныне – деревня Хопыльёво Назаровского сельского поселения Рыбинского района Ярославской области. Через два года после рождения сына Федор-старший с разрешения императрицы Елизаветы Петровны, которая крайне благоволила преображенцам, поднявшим ее на российский

трон, вышел в отставку в чине сержанта и занялся хозяйством. Младший брат Федора Игнатьевича, Иван, несколько ранее отпросился у матушки-императрицы со службы военной в службу монастырскую и стал иноком в святой Александро-Невской лавре. Это стоит запомнить.

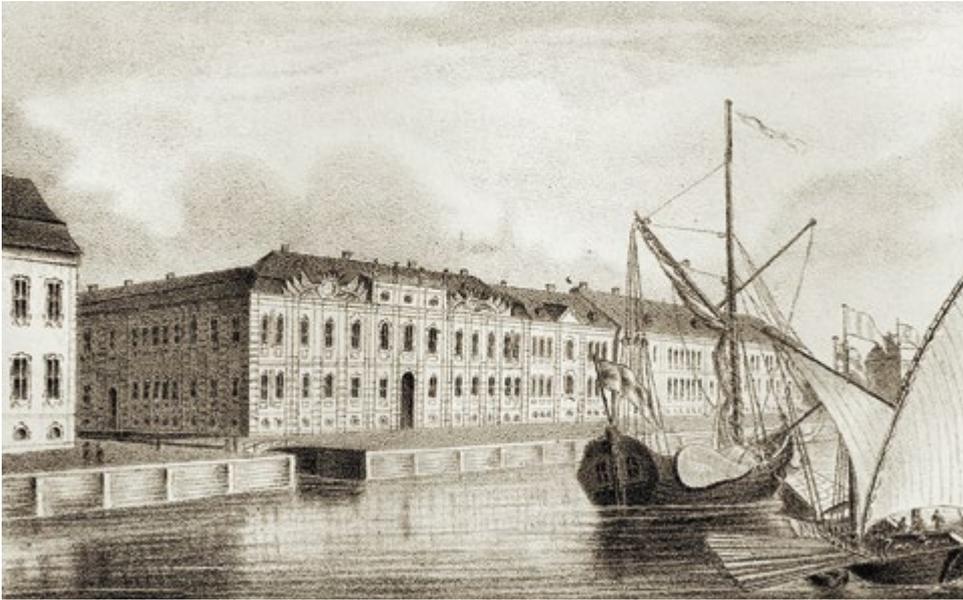
Федор Федорович Ушаков не оставил никаких личных записей, дневников или мемуаров. Посему приходится только гадать, откуда появилась в нем тяга к морской службе. Волга хоть и с достоинством течет по ярославским землям, но все же не море. Или дала себя знать родовая кровь? Ведь мать предков адмирала была дочь князя Мстислава Тмутараканского. А Тмутаракань – это берега Азовского и Черного морей, с которыми он так близко сойдется в годы службы.

СЛУЖБА МЕДОМ НЕ КАЗАЛАСЬ

О том, что желание стать моряком у Федора имелось, свидетельствует запись в герольдмейстерской конторе, по-нашему – военкомате, куда сообразно требованиям прибыл недоросль Ушаков для осмотра и определения в службу: «желает де он, Федор, в Морской кадетский корпус в кадеты...» Желание странное не только потому, что до прибытия в корпус на Васильевский остров Петербурга юный Ушаков боевых кораблей никогда не видел. Странное – и из сугубо прагматических соображений. После Петра Великого к военному флоту в империи относились без всякого пиетета. Ибо – без особой надобности. Морская служба была не только трудной и опасной даже без всякой войны, но и малопер-

спективной. Офицерских вакансий – мало, освобождались они нечасто, поэтому производства в следующий чин или получения командирской должности можно было ждать и десять, и пятнадцать лет. Жалованье при этом назначалось скудное, пенсии отсутствовали, привилегий никаких. Даже собственное обмундирование морские офицеры шили за свой счет, на страх и риск придумывая покрои и модели. В армии дела обстояли лучше, шансы выйти в генерала были куда выше. К тому же армия довольно часто воевала, а значит, работали как принцип внеплановой убыли, так и система царских наград и поощрений.

Историк русского флота Феодосий Веселаго писал: «Для правильной оценки состояния флота необходимо ознакомиться с характером личного состава морских офицеров и состоянием кораблей и их экипажей в 60-е годы XVIII века. В числе морских офицеров того времени, за исключением весьма немногих единиц, хорошо образованных и понимающих высшее требование службы, было также сравнительно немного способных, сведущих практиков, и затем значительная часть служащих представляла инертную массу, державшуюся привычной рутины и способную не к самостоятельной, но только к подчиненной деятельности, требующей разумного руководства в лице взыскательного начальника. Нравы тогдашних морских офицеров, сходные, впрочем, с нравами большинства современного им общества, поражали своей грубостью даже английских моряков, также не отличавшихся особенной мягкостью. На пьянство, наименовавшееся тогда официально «шумством», и на кулачную расправу с нижними чинами само начальство смотрело снисходительно, как на дело обычное и неизбежное. Основанием судовой дисциплины служил деспотизм командира. Продовольствие команды было возложено на командиров судов, из которых некоторые сильно злоупотребляли этим доверием».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Гардемарин 1724 года
и кадет 1752 года.
С литографии Прохорова

УЧЕНЫЕ И МУЧЕНЫЕ

В Морском шляхетном кадетском корпусе в те же годы царили примерно такие же порядки. Аристократизмом в коридорах и классах не пахло, кадетская публика выходила по большей части из небогатых дворян, не способных обеспечить своим чадам нормальную жизнь в столице. Да и некоторые чада так засиделись на кадетской скамье, что давно уж разменяли третий десяток лет. Отсюда и нравы! Очень многое зависело от директора корпуса и учителей. Если на корпус назначали человека равнодушного или вороватого, на кадет обрушивался водопад неприятностей. Ежели приходил к управлению человек достойный, образованный, как, например, Иван Голенищев-Кутузов, появившийся в корпусе вскоре после вступления на трон императрицы Екатерины II, восстанавливался порядок.

Похоже, кадет Ушаков выжал из пяти лет в корпусе все возможные знания до последней капли. Вот только иностранные языки плохо давались по причине наличия отвратительных учителей. Иняз в Морском корпусе считался предметом второстепенным. Экзаменов по нему не делали, педагогам платили по минимуму. Что странно. Кому же, как не флот-

ским, важно знать языки, особенно те, на которых говорят в морских державах. Это же какая помощь в бою! Прямых свидетельств о том, что Ушаков заморскими языками не владел, нет. Упоминается, что при переговорах он прибегал к услугам переводчиков. Но если в Греции при взятии крепости Корфу – то это вполне понятно: греческому в корпусе не учили точно. Если при беседах с пленными османскими пашами, то оно также вполне естественно. Турецким кадет тоже не балова-

Здание Морского кадетского корпуса в 1752 году. С литографии Прохорова

Иван Логиневич Голенищев-Кутузов (1729–1802), российский военно-морской деятель

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ли. А вот на каком языке Ушаков общался со своим главным конкурентом, Горацио Нельсоном, в Неаполе, неизвестно.

Однако ж и на сей счет легенда родилась и нашла себе место в советском фильме об Ушакове, где адмирал признается царице, что не силен во французском. Пропагандистский расчет простенький: вот он, могучий народный герой, плоть от плоти рабоче-крестьянской, он без всякого французского с врагом разберется...

Уверен, если Ушаков что-то не знал или знал недостаточно, то в первую очередь корил себя за это, а не бравировал. Кто-кто, а Федор Федорович понимал, что захваченные у врага лоции лучше разбирать самому, без переводчиков.

ПОБЕДЫ ЗАСТАВИЛИ ЖДАТЬ

Ушаков вышел из Морского шляхетного кадетского корпуса в 1766 году мичманом на Балтийский галерный флот. К слову, с 1732 года в царском флоте чин мичмана был полноценным офицерским (исключение: 1751–1758 годы) и соответствовал XIV классу Табели о рангах. В отличие, скажем, от британского королевского флота, где этот чин считался унтер-офицерским и присваивался едва вступавшим в службу

юношам без всякого обучения в морских школах и корпусах. Встречались мичманы 12 и даже 10 лет. Унтер-офицерским чином было звание мичмана и в советское время вплоть до 1972 года, когда в Вооруженных силах СССР появилась специальная воинская категория – прапорщики и мичманы. Носители этих званий уже не считались матросско-старшинским классом, но и офицерами не являлись.

Первого боя Ушакову пришлось ждать семь лет. Зато потом их будет в избытке. В 1768 году турки спровоцировали очередную войну с Россией. Однако молодой мичман оказался востребован на трудной, важной, но малозаметной тыловой работе. Азовская флотилия, единственное боевое соединение, способное противостоять туркам в Черном море, нуждалась в новых кораблях для перевозки десанта, провианта, оружейного припаса и так далее. Флотилию возглавил контр-адмирал Алексей Сенявин. Подбирая офицерские кадры, он включил в список знакомого по Балтике мичмана Ушакова.

Вплоть до 1773 года теперь уже лейтенант Ушаков продолжал гонять транспортные и боевые корабли из Воронежа до крепости Дмитрия Ростовского в устье Дона, то бишь нынешнего Ростова-на-Дону. Но летом палубный бот «Курьер» под командованием Ушакова оказался причислен к отряду капитана 2-го ранга Яна Хендрика ван Кинсбергена, которому надлежало барражировать вдоль побережья Крыма от Феодосии до Балаклавы. Кинсберген был голландцем и, как большинство моряков этой страны, отчаянным и бесстрашным командиром. Узнав, что недалеко от Балаклавы засекли турецкие корабли, он тут же пошел им навстречу. Когда выяснилось, что против его 32 пушек у османов – 180, было уже поздно поворачивать. И голландец принял бой. Всего этого не мог не знать Ушаков. И не учесть-

Ян Хендрик ван Кинсберген (1735–1819). В 1767 году поступил на русскую службу в чине капитан-лейтенанта и вскоре был произведен в капитаны 2-го ранга

Алексей Наумович Сенявин (1722–1797), адмирал, командующий Донской и Азовской военными флотилиями. Портрет работы Ф.С. Рокотова. 1770-е годы

ся – тоже не мог. Поэтому когда в конце лета у берега Абхазии отряд Кинсбергена вступил в очередной безумный бой – его три 16-пушечных корабля противостояли трем линейным кораблям турок, а общее соотношение вымпелов было 1 к 3, – участник этой стычки командир бота «Курьер» Ушаков уже не удивлялся ничему. За два месяца Кинсберген получил «четвертого» и «третьего» Георгия, в сентябре назначил Ушакова командиром 16-пушечного корабля, а война тем временем подошла к концу.

ПО МОРЯМ, ПО ЛЕСАМ

Как и в случае с непобедимым на суше Суворовым, невольно складывается впечатление, что и он, и Ушаков воевали непрерывно. Оно понятно, мирное время не столь насыщено яркими событиями и героикой. Стереотип разрушается просто – цифрами. Федор Федорович провел на флоте сорок лет. Военные периоды суммарно насчитывают не более десяти. В сущности, это три войны: две русско-турецкие и война против революционной Франции в составе 2-й коалиции. А чем занимался Ушаков, так сказать, в свободное от войны время?

Работал. Как и положено кадровому офицеру. В 1776 году Адмиралтейство задумало долгий поход с целью провести отряд русских фрегатов из Кронштадта в Черное море. Экспедиция по тем временам лихая, учитываемая отношения, сложившиеся с контролировавшими Дарданеллы и Босфор турками. Ходили долго, три года. Возвращаться пришлось тем же путем, что и шли к проливам. Османы наши корабли в Черное море не пропустили. Зато опыту набрались – выше грот-мачты. В том числе и дипломатического.

В 1780 году капитан-лейтенант Ушаков получает задание и вообще экзотическое для флотского человека: ехать в Рыбинск, где предстояло обломать местных купцов на предмет доставки в столицу корабельного леса на внятных условиях. Все-таки система, при которой командир корабля отвечает не только за его боевое состояние, выучку команды, но и за весь хозяйственный механизм, включая закупки провизии и воды на сотни человек, лекарств, всяческих материалов для возможного ремонта, наконец, выплату жалованья, – штука обоюдоострая. Субъект морально нечистоплотный может и позариться на кассу. Человек нравственный, научившись распорядиться средствами, много пользы принести может. Всюду.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Так и с Ушаковым. Жизнь научила моряка и торговаться, и не уступать профессиональным коммерсантам, и любое дело до конца доводить. Короче, лес в Петербург прибыл. По цене, которую Ушаков назначил.

Интендантская хватка Федора Федоровича так понравилась высоким чинам в Адмиралтействе, что появилась мысль оставить его «на лесных работах». Но наступил тот редкий случай, когда Ушаков решился просить за себя. Чтоб перевели назад, на корабли.

В тот же год командир линейного корабля «Виктор» Ушаков отбыл в Средиземное море – вместе с другими кораблями Балтийского флота выполнять деликатное задание по соблюдению «вооруженного нейтралитета». Так обозначили главы нескольких европейских стран свое поведение в условиях Войны за независимость в далекой Северной Америке. Дрались там за свои колонии англичане, французы и испанцы. Значит, океанские и морские коммуникации оказались под серьезной угрозой. И где гарантии, что под горячую руку не попадут суда нейтральных стран? Этой гарантией и стали корабли русского, датского и шведского флотов.

Казалось бы, суша осталась в прошлом. Ан нет! Начиная с 1783 года Ушаков строит корабли на херсонских верфях для Черноморского флота, занимается устройством военно-морской базы в Севастополе. И получает свою первую награду: орден Святого Владимира 4-й степени. За победу над чумой, поразившей Херсон в 1783 году. Капитан 1-го ранга Ушаков приближался к сокралетию.

Вид на Севастополь и русскую эскадру. Раскрашенная гравюра по оригиналу К. Гейслера. 1794 год

КУЛАК ИЗ ПЯТИ ПОБЕД

Федор Федорович в очередной раз вернулся в действующий флот уже в качестве командира нового, 60-пушечного линейного корабля «Святой Павел», который строился на херсонских верфях под его личным присмотром. Это корабельное имя турки вскоре начали произносить без запинки и акцента. Хотя ночью разбудил.

В 1787-м, после знаменитого путешествия Екатерины Великой в присоединенную к империи Тавриду и ее знакомства с представителем в Севастопольской бухте Черноморским флотом, началась очередная русско-турецкая война. Османь не стерпели появления в Крыму русской царицы и целого флота русских боевых кораблей. Эта несдержанность дорого обошлась Турции в целом и турецкому флоту в частности.

За четыре года войны на Черном море Ушаков одержал четыре звонкие победы над турками: в 1788-м у острова Фидониси, в 1790-м в Керченском проливе и у острова Тендра, в 1791-м у мыса Калиакрия. Характерно, что во всех случаях турки име-

ли серьезное преимущество в количестве кораблей и орудий. Так, в бою у Фидониси (остров Змеиный, Украина), в котором победу принес руководимый Ушаковым авангард во главе со «Святым Павлом», соотношение орудий было 1120 к 550 в пользу турок. В Керченском бою, где уже георгиевский кавалер командовал эскадрой, – 1100 к 836. В битве у Тендры, острова неподалеку от Одессы, – 1360 к 836. В сражении у мыса Калиакрия, что на севере черноморского побережья Болгарии, – 1800 к 980. Не помогло!

Кончилось тем, что турецкие корабли перестали вылезать из Босфора в страхе перед возможным свиданием с пушками Ушак-паши, как прозвали адмирала в османском флоте. Еще бы, если за время войны в крупных сражениях и мелких стычках Федор Федорович уничтожил или безвозвратно повредил более 50 вражеских кораблей, не потеряв со своей стороны и одного корабля. Проще говоря, турецкий флот перестал существовать. Было в этом что-то мистическое! Хотя...

И.К. Айвазовский. Вид Босфора. 1864 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Благодарить надо прежде всего талант флотоводца, его опыт, смелость, боевую хитрость, новаторство. В эти годы Ушаков сформулировал и отработал на практике новейшую тактику морского боя парусного флота. Классикой стали такие приемы, как вступление в бой с ходу из походного порядка, постоянное маневрирование, сосредоточение огня на флагманском корабле противника, минимальные дистанции при ведении огня. И отдельно стоит отметить фантастическую выучку матросов, которой на палубах Ушаков добивался с такой же настойчивостью, как Суворов – в полях и на плацах.

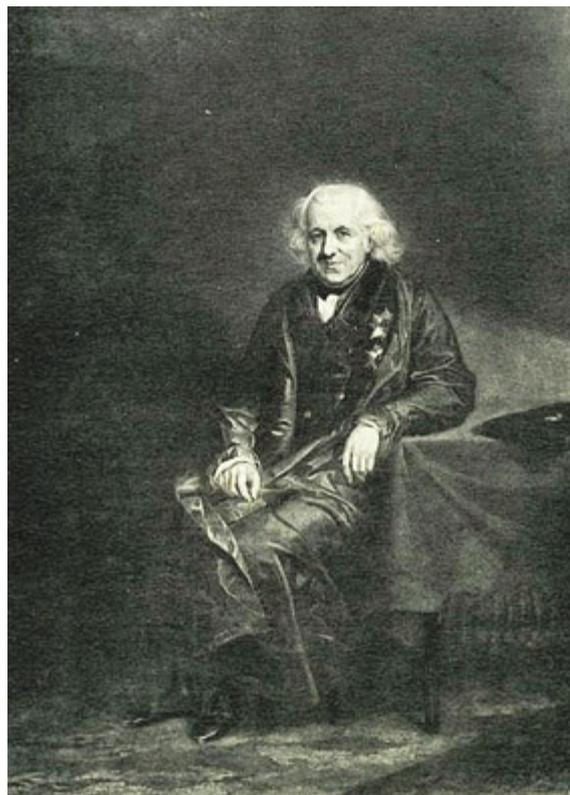
Военное дело полно парадоксов. Мог ли знать Федор Федорович, громя турок на Черном море, что спустя всего несколько лет он возглавит соединение кораблей, в которое войдет и турецкая эскадра? После Ясского мира 1792 года, согласно которому Османская империя окончательно теряла Северное Причерноморье и Крым, командующий Черноморским флотом вице-адмирал Федор Ушаков, получивший орден Святого Георгия 2-й степени и орден Александра Невского, занимался вверенной ему военно-морской базой. Севастополь рос и креп на глазах. Флот пополнялся новыми кораблями, экипажи периодически отправлялись в учебные походы.

В новую войну Ушакову пришлось вступить сразу после смерти Екатерины II в 1796 году. На сей раз сражаться пришлось с адмиралом Николаем Мордвиновым, возглавлявшим такой орган власти, как Черноморское адмиралтейское управление. Черноморский флот и Азовская флотилия были под ним. А само ЧАУ отчитывалось только перед высшей властью, минуя петербургское Адмиралтейство. Столь запутанная схема образовалась по воле губернатора Тавриды светлейшего князя Потемкина. И пока он был жив, вполне себе работала, так как у бывшего фаворита царицы

М.М. Иванов. Российская эскадра под командованием Ф.Ф. Ушакова, идущая Константинопольским проливом. 1799 год

Николай Семенович Мордвинов (1754–1845), русский флотоводец и государственный деятель

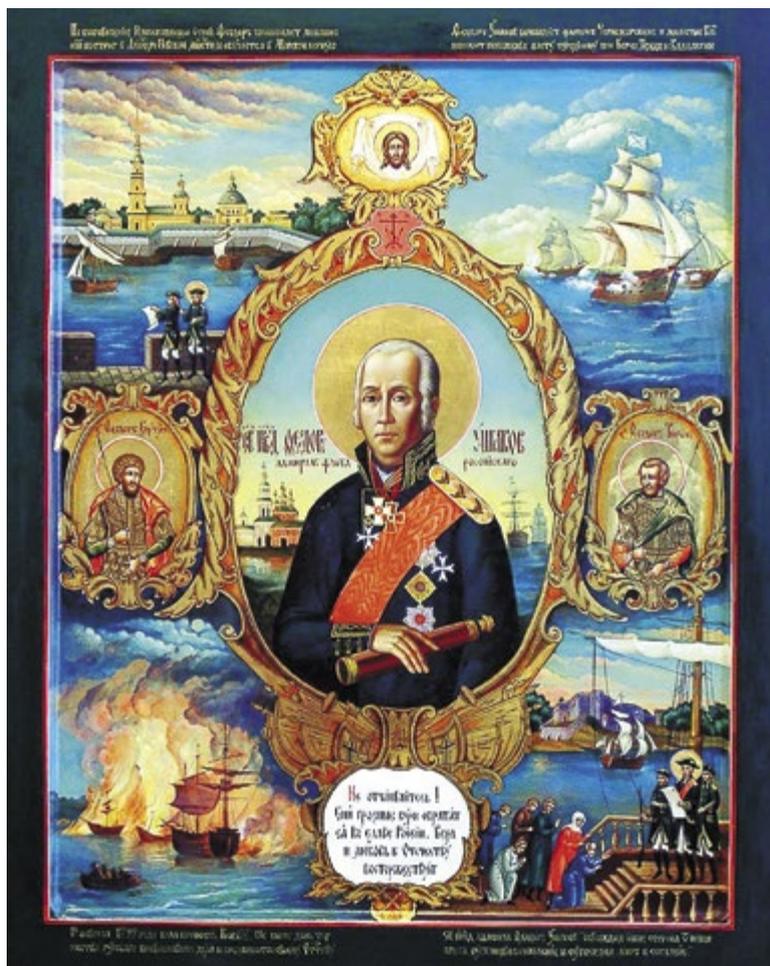

хватало энергии на все. Ушел Потемкин, но схема осталась. Мордвинов не был царедворцем, он вдоволь поплавал флотским офицером и суть дела себе представлял. Но характера был прескверного. А тут – Ушаков, прославленный и упрямый. Мордвинов воевал не только с ним, систематически пытался затоптать хозяина Одессы адмирала Де Рибаса. Тоже мужчине весьма самостоятельного и жесткого.

Как ни старался Федор Федорович убедить императора Павла

в том, что двум капитанам в одной каюте не ужиться, – не получилось. Убирать его с флота самодержец не желал. Все инспекции показывали, что черноморцы в куда большем порядке, чем балтийцы. Компромисс был найден благодаря Французской революции. Европейские монархи не могли смириться со «свободой, равенством и братством», обрушившимися не только на Париж, но и на Голландию, Италию, Швейцарские кантоны, средиземноморские острова. Бонапарт явно не собирался успокаиваться, и, по словам Суворова, «мальчика надо было остановить». С этой целью организовалась 2-я коалиция, в которую вошла и Россия.

Черноморский флот получил задачу: освободить от французов Ионические острова на западе от материковой Греции. Что касалось малых островов Цериго, Занте, Кефалония и Святой Мавры, то никто не собирался спорить, что Ушакову они по плечу. А вот крепость Корфу!.. Тут и сухопутной армии пришлось бы трудненько, а брать цитадель кораблями да с моря? В эту затею не верили ни французы, ни поработанные греки, ни союзники русских. Верил только сам Ушаков да его экипажи. На все про все Федору Федоровичу понадобилось три дня! А после подданный царя-самодержца занялся организацией мирной жизни на архипелаге,

Икона «Святой праведный Феодор Ушаков»

император был от либералов без ума.

В 1807 году Ушакова отправили в отставку и более в службу он не возвращался. Приобрел имение – в деревне Алексеевке Тамбовской губернии, где спустя десять лет и скончался. Почему в Тамбовской, насквозь сухопутной? В 2 верстах от имения располагался знаменитый Санакарский мужской монастырь, основанный в 1659 году на берегу реки Мокши. Отставной солдат лейб-гвардии Преображенского полка Иван Ушаков, отпросившийся от службы у царицы Елизаветы в иночество под именем Федор, из Александроневской лавры перебрался сюда в год 100-летия монастыря. Пустошь пребывала в разорении, монахи разбежались. За пятнадцать лет, что был в Санакаре игуменом родной дядя адмирала, монастырь ожил. А первые монахи были исключительно отставными гвардейцами.

Моряки говорят: «В море дома, на берегу в гостях». И хотя в гостях адмиралу Ушакову бывать приходилось, не встретил он на берегу женщину, которая могла бы стать ему женой. А в море – где ее там сыщешь? Вот и отправился старый моряк доживать свой век рядом с домом, в котором всегда рады всем одиноким. Доживать-то Федор Федорович доживал, но до последнего дня и сам помогал обители, в которой и был похоронен, а кроме того, бывшим матросам русского флота...

Была в России такая традиция: награждать генералов почетной приставкой по названию местности, где ими была одержана победа. Адмиралов этой чести не удостоили. А могли бы сделать исключение для одного. Ушаков-Ионический, например. Или – что там скромничать? – Ушаков-Черноморский. Хотя после 2001 года какой в этом смысл?.. Единственный из русских военачальников, прославленный в лике святых русской церкви, святой праведный воин Феодор в этом не нуждается. ☩

в том числе и политическим вопросом. Подготовил для «иоников» конституцию и благословил создание Республики Семи Островов, просуществовавшей, между прочим, семь лет.

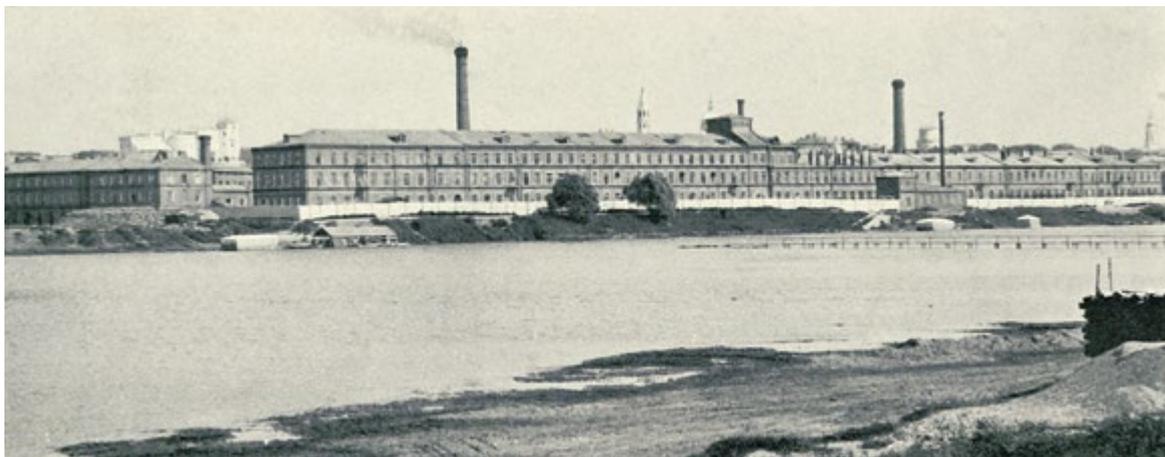
Эту экспедицию Ушаков закончил в Неаполе, который освободил от французов вместе с адмиралом Нельсоном. Корабли Ушак-паши бродили вдоль южных берегов Италии, разрывая коммуникации противника и помогая тем самым Суворову в освобождении Италии Северной. Еще немного – и Александр Васильевич направил бы войска на Париж, а там и Бонапарту конец. Но царственные союзники разочаровались друг в друге, и Павел I отозвал войска и флот домой.

Вскоре после этого не стало и самого Павла. Александр I и море, и флот не любил. Считал, что все проблемы Россия должна решать на суше с помощью армии. Ушакова, заслужившего

за взятие Корфу чин полного адмирала, вызвали в Петербург и назначили на должность главного командира Балтийского гребного флота. «Бога парусного флота» – на весла! Вероятно, не обошлось без Мордвинова, который как раз в 1802 году стал первым морским министром в истории России. Николай Семенович слыл за большого либерала, а в начале царствования

Рака с мощами святого праведного воина Феодора Ушакова в Санакарском монастыре

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ДИНАСТИЯ

АВТОР

ГАЛИНА УЛЬЯНОВА*

В ОДЕЖДЕ ИЗ ТКАНЕЙ, ПРОИЗВОДИВШИХСЯ НА ОГРОМНОЙ ФАБРИКЕ, КОТОРАЯ РАСПОЛАГАЛАСЬ НА ТРЕХ ГОРАХ НА ПРЕСНЕ, ХОДИЛО ПОЛ-РОССИИ. ЗНАМЕНИТАЯ ТРЕХГОРКА СЛАВИЛАСЬ СВОЕЙ ПРОДУКЦИЕЙ. А ОСНОВАЛИ ТРЕХГОРНУЮ МАНУФАКТУРУ И ВЛАДЕЛИ ЕЮ ВЫДАЮЩИЕСЯ МОСКОВСКИЕ ТЕКСТИЛЬНЫЕ ФАБРИКАНТЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА – КУПЦЫ ПРОХОРОВЫ.

РАБОТАЯ В АРХИВЕ, я нашла чудом сохранившийся альбом образцов прохоровских тканей. За сто лет они не потеряли свежести красок, а изящный рисунок вызывал восхищение.

ОСНОВАТЕЛЬ

Основателем династии был монастырский крестьянин Троице-Сергиевой лавры Иван Прохоров. В 1764 году, при освобождении монастырских крестьян от крепостной зависимости, он записался в мещане Дмитровской слободы в Москве. Его единственный сын Василий стал представителем первого московского поколения династии.

В старые времена подростки начинали работать в 13–14 лет, так

Образцы набивного ситца Прохоровской Трехгорной мануфактуры

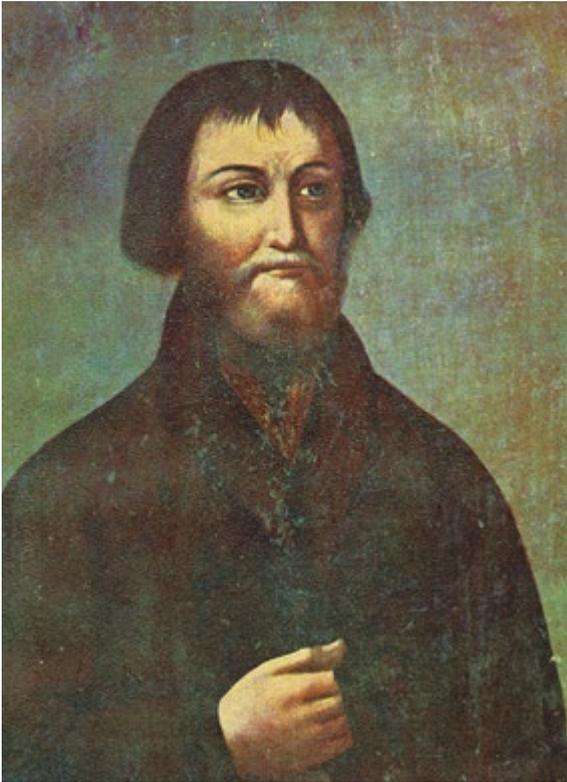
ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

что в юности Василий успел побывать приказчиком на пивоваренном предприятии. А уже в 16 лет, около 1771 года, он начал собственное дело, устроив в Хамовниках пивоваренный и солодовенный завод.

Василий Прохоров был приписан в 3-ю гильдию московского купечества 2 октября 1785 года. Документ об этом сохранился в архиве. В нем записано, что в 1785 году 30-летний Прохоров имел капитала 1050 рублей и жил с женой Настасьей Григорьевной и дочерью Марьей «своим домом» в Москве в приходе Николая Чудотворца в Хамовниках. Этот красивый храм XVII века сейчас находится вблизи станции метро «Парк культуры».

В 1793 году в возрасте 29 лет Настасья Григорьевна скончалась, и Василий Иванович вскоре женился на 16-летней Екатерине Никифоровне, дочери купца Мокеева. Во втором браке у Прохорова родилось еще восемь детей, а всего у Василия Прохорова их было одиннадцать.

Хотя пивоваренный завод давал неплохую прибыль, Прохоров неожиданно бросил этот бизнес. Под влиянием религиозного чтения Василий решил сменить пивоваренное производство, как не богоугодное – «спаивать народ де нехорошо», – на текстильное. В 1799 году вместе с купцом Федором Ивановичем Резановым он основал ситценабивную фабрику на Пресне.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛДАРЕВЫМ

Екатерина Никифоровна
Проخورова (1779–1851)

24 сентября 1803 года Василий Прохоров продал свою усадьбу в Хамовниках купцу 3-й гильдии Ивану Бобкову, а сам переселился на Пресню, поближе к фабрике. В 1805 году «ситцовая» фабрика Резанова и Прохорова выпускала ткани «для платья», шелковые и кисейные платки и имела в обращении капитала 25 тысяч рублей. В 1810 году Василий Прохоров числился купцом 2-й гильдии. Проживал с семьей на Пресне в собственном доме.

Постепенно между Прохоровым и Резановым возникли несогласия, и начались долгие переговоры о разделе фабрики. Дело затянулось в связи с войной 1812 года. Раздел состоялся только 1 мая 1813 года. К этому времени Василий Иванович был уже слаб и немощен, поэтому руководство делом вел его 16-летний сын Тимофей. После кончины в 1815 году Василий Прохоров был погребен на Дорогомиловском кладбище в Москве. Могила не сохранилась, поскольку в 1948 году было снесено само кладбище – сейчас на его месте стоят дома по Кутузовскому проспекту.

Василий
Иванович
Прохоров
(1755–1815)

ЖЕНСКАЯ РУКА

Супруга Василия Ивановича, Екатерина, была дочерью московского купца Никифора Мокеева. Она была моложе мужа на 23 года, родила четырех сыновей и четырех дочерей, из которых три умерли в младенчестве.

Несмотря на большую разницу в возрасте Василий и Екатерина жили дружно. Биограф Прохоровых писал: «Близкою Василию Ивановичу по духу и нравственному складу была вторая жена его, Екатерина Никифоровна, на которой он женился в зрелых летах. Будучи много моложе своего мужа, она вполне прониклась его убеждениями и взглядами на жизнь и людей. Работала она с утра до вечера и окружающим ее любила говорить, что праздность гибельна, свободное же время посвящала молитве, чтению житий святых и пению псалмов».

После смерти мужа Екатерина, которой в тот момент исполнилось 35 лет, согласно завещанию мужа вступила в управление семейным бизнесом. Завещание гласило, что все фабричное имущество и капиталы, находящиеся в оборотах, составляют семейную собственность, юридически записанную на Екатерину Ни-

кифоровну, от имени которой сыновья – Иван, Тимофей, Константин и Яков – должны вести дело. Так Василий Прохоров распорядился, чтобы избежать риска распыления капиталов и имущества.

Когда сыновья выросли, то с общего согласия 20 апреля 1824 года Екатерина Прохорова произвела «полюбовный» раздел и выделила им неравные доли из семейного капитала – от 47 тысяч до 91 тысячи рублей. В ответах на вопросы Московской торговой депутации в 1838 году Прохорова заявила, что лавкой занимается «сама с детьми», а фабриками занимаются сыновья Яков и Иван.

В 30–40-х годах XIX века дело Прохоровых было крупнейшим в хлопчатобумажной промышленности Москвы, что отражал объем торговли. В 1830-е годы оборот московской лавки Прохоровых в Зеркальном ряду достиг 1,5 миллиона рублей серебром, в начале 1840-х годов – 2,25 миллиона рублей серебром.

По данным 1838 года, Прохоровой принадлежали лавка в Зеркальном ряду, где шла торговля шальями, и три фабрики. Две из них находились в Пресненской части – ситцевая (370 рабочих, 200 учеников) и кашемировая (160 рабочих, 50 учеников). Третья, бумаготкацкая фабрика, на которой трудилось 120 рабочих, размещалась в Мещанской части (район нынешнего проспекта Мира). Всего на фабриках числилось 900 рабочих.

На Всероссийской мануфактурной выставке в 1839 году была представлена продукция прохоровских предприятий: шлафоры (широкие теплые мужские домашние халаты, надевавшиеся поверх рубашки или камзола), покрывала хлопчатобумажные и кашемировые, а также полубархат, шали и платки, кашемир, другие сорта тканей: гро-гро, кембрик, муслин-делен, материи с персидским рисунком...

Екатерина Прохорова умерла в 1851 году, прожив 71 год.

КУПЕЦ-ПРОСВЕТИТЕЛЬ

История династии Прохоровых показывает, насколько неустойчивым и рискованным был бизнес в России в начале XIX века. В случае болезни или смерти главы семейства семью нередко ждало банкротство. Хорошо, если эстафету могла подхватить энергичная вдова или сын-подросток.

В семье Прохоровых из-за болезни Василия Ивановича дело пришлось возглавить второму сыну – 16-летнему Тимофею. Он встал у руля фабрики в трудное время. В Москве царил разруха после войны 1812 года, надо было заново налаживать поставки сырья, искать рабочих, завоевывать клиентов, чья покупательная способность резко упала.

Тимофей Прохоров, как сообщает его биография, рос «болезненным и нервным ребенком», но живость и пылкость пересиливали нехватку здоровья. Его учили грамоте с 5 лет, а позже его прекрасное домашнее образование заключалось в занятиях со студентами-репетиторами.

С 12 лет Тимофей уже работал на фабрике, осваивая премудрости крашения тканей. А с 15 ему пришлось ездить на ярмарки для продажи товара, преодолевая страх опасных переездов на лошадях через леса и поля. Позже Тимофей Васильевич, вспоминая, как сверкало у его шеи лезвие ножа разбойника, обокравшего его, скажет: «Мне неоднократно угрожала смерть, но Бог сохранял меня».

В биографии Прохорова сообщается, что «по наружности Тимофей Васильевич не походил на купцов своего времени: одет он был всегда в сюртук с шелковыми отворотами, белую манишку, высокие воротнички, которые подпирали подбородок. Воротничок обхватывался черной шелковой косынкой, которая спереди повязывалась бантом. Лицо он брил, оставляя лишь небольшие баки. Все это резко отличало его от большинства русских купцов того

Тимофей
Васильевич
Прохоров
(1797–1854)

Мануфактурно-техническое училище при Прохоровской Трехгорной мануфактуре. Фото начала XX века

времени, носивших длинные до самых пят черные сюртуки и высокие сапоги, с голенищами бутылкою».

Но, несмотря на успешное руководство делом в молодые годы, Тимофей Васильевич видел свое призвание в интеллектуальных занятиях и в просвещении народа. Современники считали его крупным мыслителем своей эпохи. Он – автор двух написанных в духе евангельских истин трактатов – «О богатении» и «О бедности».

Когда в начале 1830-х годов Тимофей почувствовал, что братья могут справиться на фабрике без него, он передал им руководство. Сам же сосредоточился на подготовке квалифицированных образованных рабочих в устроенной с 1816 года на предприятии Прохоровых ремесленной школе.

В вышедшей в 1915 году истории прохоровского дела сообщалось: «Еще в первые годы своей деятельности Тимофей Васильевич обратил серьезное внимание на грубое и невежественное состояние мастерового народа. Не только хорошо грамотные, а даже умеющие кое-как читать и писать попадались в то время среди рабочих очень редко. <...> В начале своей промышленной деятельности умный юноша явно видел, что русскому рабочему, при врожденной его сметливости, недостает общего развития для усвоения технических знаний; он понимал, что без образования рабочей массы не может развиваться наша промышленность. И вот, сам с жаром предаваясь чтению и публицистике, Тимофей Васильевич берется за дело просвещения своих рабочих». Часть дня дети обучались в фабричных мастерских, а другую часть дня проводили в школьных классах, где изучали Закон Божий, русский язык, чистописание, арифметику и выкладку на счетах, рисование линейное и узорчатое, теоретическое объяснение фабричного производства, церковное пение.

После холеры 1830 года в школу было принято 100 детей, оставшихся сиротами после эпидемии. В 1832 году Тимофей Васильевич устроил специальную «фабрику-школу» в Яузской части Москвы. Там были рисовальное, резное и красильное отделения для фабричных учеников, преимущественно происходивших из детей бедных мещан. Проведя на фабрике пять-шесть лет, дети становились востребованными мастерами и приказчиками. Тимофей Васильевич был крупной личностью своего времени. Современниками он воспринимался как нравственный пример, и его биография с 1862 года была включена в школьную хрестоматию, чтобы дети понимали, как вести полезную и благодетельную жизнь.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

НА ЕВРОПЕЙСКИЙ МАНЕР

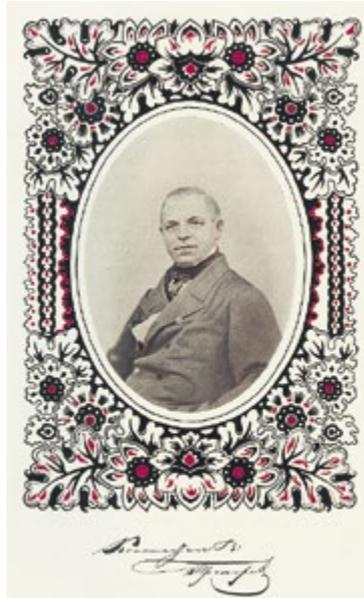
Константин Васильевич Прохоров, родившийся в 1798-м, был на год моложе своего брата Тимофея. Как и брат, он получил звание мануфактур-советника, присуждавшееся лишь нескольким персонам в год за выдающиеся заслуги на предпринимательском поприще.

Константин был столь же набожен, как и его мать. Биограф писал: «Константин Васильевич был настолько религиозен, что не проходило нескольких месяцев, чтобы он не посетил какой-либо обители. <...> На собственную фабричную работу он смотрел, как на некоторое послушание, данное ему Свыше. В нем замечательным образом сочетались такие качества, как трудоспособность и деловитость с религиозною мечтательностью, мягкость и деликатность в обращении с людьми с настойчивым стремлением к достижению намеченной цели». Современники отмечали талант руководителя, присущий Константину Васильевичу, четко формулировавшему задачи производства. «На своей фабрике К.В. был таким хозяином, который умел предъявлять точные и определенные требования к мастерам; все детали и особенности ситценабивного дела он знал в совершенстве».

Константин Прохоров не только руководил семейной фирмой. Будучи членом Московского отделения Мануфактурного и Коммерческого советов, он регулярно проводил экспертизы по выдаче патентов для изобретателей.

Идейное погружение в православию сочеталось у Константина Васильевича с европейским образом жизни в быту. Для изучения новейших технологий в текстильном производстве он дважды предпринимал долгие путешествия в Европу вместе с детьми, в том числе в 1851 году ездил с сыновьями Василием и Николаем на Всемирную выставку в Лондон. В Англию Прохоровы плыли морем, а назад ехали через всю Европу – Константин Васильевич ре-

Константин Васильевич Прохоров (1798–1885)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Русский павильон на Всемирной выставке. Лондон. 1851 год

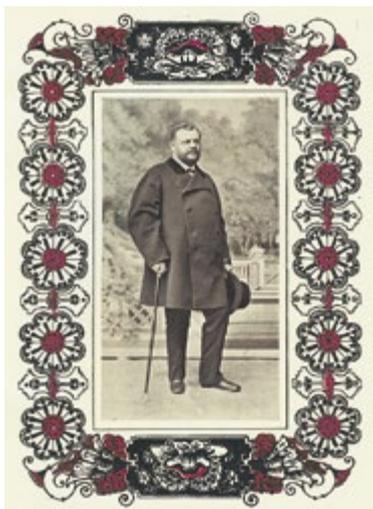
ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

шил показать сыновьям Париж, Швейцарию, Эльзас и промышленные центры Германии. Экономист, председатель биржевого и ярмарочного комитетов Нижегородской ярмарки Александр Шипов в своей книге «Хлопчатобумажная промышленность и важность ее значения в России» писал о Прохоровых так: «Теперь на фабриках нет ни одного иностранца-мастера, заведение идет отлично и со всяким годом совершенствуется, потому что отец, не жалея денег, нанимал иностранцев-мастеров, чтобы они учили сына его ино-

странному языку и своему искусству, своим познаниям, основанным на началах естественных наук». Константин Васильевич дал детям прекрасное образование, обучая их по курсу гимназии, а также иностранным языкам – немецкому, французскому и английскому. Когда каждому из трех его сыновей исполнилось 16–17 лет, он отправлял их на практику на лучшие фабрики Германии и Эльзаса.

С 1867 года Константин Васильевич удалился от дел из-за нездоровья. Его карета резко дернулась, и он, выпав из экипажа, сильно повредил ногу и долго болел. В 1867 году он передал дела племяннику Ивану Яковлевичу, а его сын Константин Константинович после женитьбы на Прасковье Хлудовой стал директором хлудовских предприятий – Егорьевской фабрики и Норской мануфактуры в Ярославской губернии (см.: «Русский мир.гу» №1 за 2016 год, статья «Дневник фабриканта». – Прим. ред.).

Хотя во время болезни, наступившей его в 69 лет, Константин Васильевич сильно пал духом, судьба отпустила ему еще полтора десятилетия счастливой жизни. Имея добрый оптимистичный нрав и уравновешенный характер, он прожил 86 с половиной лет.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Иван Яковлевич Прохоров

КУПЕЧЕСКИЙ ТРИУМВИРАТ

В 1843 году был учрежден торговый дом «Братья И., К. и Я. Прохоровы». В договоре братья Иван, Константин и Яков написали: «После кончины родителя нашего московского купца Василия Ивановича Прохорова, в оставшемся после него движимом и недвижимом имении и капитале, за выданием из всего оногo следуемой части брату нашему мануфактур-советнику Тимофею Васильевичу Прохорову, состоим с родительницей нашей московской 2-й гильдии купчихою Екатериною Никифоровною Прохоровой единственными наследниками, и хотя упомянутый капитал был как наследственный объявляем от имени родительницы нашей, а мы, состоя при ней, занимались под ее надзором издавна производимою нами торговлею. Но ныне, принимая во внимание преклонные ее лета и нежелание заниматься далее торговыми делами, и при том, не желая делить между собою имение и капитал, по согласию и благословиению родительницы нашей для распространения торговли бумажными произведениями наших фабрик вознамарились открыть с объявлением по 1-й гильдии капитала, на основании законов, с сего 1843 года на неопределенное время в образе полного товарищества Торговый дом под фирмою «И., К. и Я. Прохоровы Братья».

Яков
Васильевич
Прохоров

Контора фирмы находилась в собственном доме Прохоровых на Пресне и просуществовала там последующие 75 лет.

По данным 1846 года, Прохоровым принадлежали четыре лавки в Китай-городе, в Зеркальном ряду – наиболее престижном месте для продажи хлопчатобумажных и шелковых тканей. Одну лавку Прохоровы использовали для собственной торговли и торговали в ней кашемировыми шальями, которые производили на своей фабрике. Три другие лавки сдавались внаем, что было важным источником дохода семьи.

С января 1848 года фабрикантам Прохоровым было разрешено иметь государственный герб на вывеске и изделиях набивной фабрики, как было объявлено в указе императора Николая I, «за обширное производство отличного качества изделий».

Торговый дом под управлением триумвирата братьев Прохоровых благополучно действовал пятнадцать лет.

Вид Зеркального
ряда в старом
здании Средних
торговых рядов
в Китай-городе

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

НОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

С 1 января 1858 года, после смерти брата Ивана, был учрежден торговый дом «Братья К. и Я. Прохоровы». Отношения между со-владельцами семейной фирмы были по-родственному нежные. В дошедших до наших дней письмах Константин Прохоров называл брата Якова, который был моложе его на семь лет, не иначе как «Любезнейший братец Яков Васильевич!» и подписывался так: «Любящий Вас брат Константин Васильевич Прохоров, мануфактур-советник, почетный гражданин и временный московский 2-й гильдии купец». Но, несмотря на сентиментальное общение, в фирме царила жесткая дисциплина. Обязанности между руководителями были строго распределены.

С конца 1850-х годов управление семейным бизнесом, формально оставаясь в руках Константина и Якова Прохоровых, перешло к сыну Якова Васильевича – Ивану Яковлевичу. Он имел доверенность от отца и дяди. В 1858 году в одном из пунктов договора значилось: «Так как оба мы, договаривающиеся, по летам нашим и слабому здоровью не можем всегда лично управлять всеми торговыми и фабричными делами нашими в Москве и на ярмарках, то уполномочиваем сим договором совершеннолетнего старшего сына из нас Якова, Ивана Прохорова, управлять всеми общими торговыми и фабричными делами нашими согласно доверенности на каждый год ему от нас выдаваемой».

В момент подписания договора Константину Васильевичу было 63 года, Якову Васильевичу – 53 года (вскоре он скончался), а Ивану Яковлевичу – 22 года. Во главе семейного бизнеса не только фактически, но и официально Иван Яковлевич стоял с 1866 по 1881 год.

Десятилетие 1860-х было тяжелым для Прохоровых. Сначала фабрика несла потери от промышленного кризиса 1862–1865 годов, а затем в феврале 1866 года на предприятии случился сильнейший пожар. Огонь унич-

Сергей
Иванович
Прохоров
(1858-1899)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Николай
Иванович
Прохоров
(1860-1915)
с семьей на даче.
Вероятно,
1907 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

тожил два корпуса с дорогостоящими ситцепечатными машинами. Это настолько расстроило дела фабрики, что пришлось сократить объем производства и число рабочих. Предприятию понадобилось несколько лет, чтобы восстановиться.

15 марта 1874 года было учреждено «Товарищество на паях Прохоровской Трехгорной мануфактуры» с основным капиталом 1,5 миллиона рублей (500 паев). В дальнейшем основной капитал, по мере укрепления фирмы, возрастал и составлял с 1908 года 6 миллионов рублей, а с 1914 года – 8,1 миллиона рублей.

ЧЕТВЕРТОЕ ПОКОЛЕНИЕ

С 1881 года Товарищество Прохоровской Трехгорной мануфактуры управлялось директором из трех человек – сыновей Ивана Яковлевича Сергея и Николая Прохоровых и Н.В. Васильева. Сергей Иванович окончил физико-математический факультет Московского университета, а Николай Иванович – юридический. С 1899 года, после внезапной смерти брата Сергея, главой семейной фирмы стал мануфактур-советник Николай Иванович Прохоров.

За годы управления братьев Сергея и Николая в последней четверти XIX – начале XX века предприятия Прохоровых постоянно наращивали свою мощность. В 1884 году годовое производство Товарищества составило 4,8 миллиона рублей

при 1000 рабочих; в 1903 году – 10,3 миллиона рублей при 5263 рабочих, в 1910 году – 35 миллионов рублей при 7500 рабочих. Продукция фабрик Прохоровых широко продавалась по всей России, экспортировалась в Иран и Турцию. Прохоровы имели сеть оптовых складов – в Москве (на Никольской улице), а также в Петербурге, Баку, Харькове, Варшаве, Тегеране, Самарканде и Коканде. Восемь розничных магазинов с роскошными интерьерами и выставками коллекций действовали в Москве, Петербурге, Киеве, Харькове, Варшаве. Главный фирменный магазин находился в Верхних торговых рядах.

Ассортимент товара, как следует из каталога, в начале XX века включал: ткани хлопчатобумажные, кашемировые и шелковые – сатин, батист, кисею, бархат, фланель, разные плательные и костюмные; модную мебельную многоколерную материю; одеяла; платки головные; немецкие и саксонские платки и шали; шарфы. Про-

дукция Прохоровской Трехгорной мануфактуры славилась качеством производимых тканей, прочностью окраски, что было отмечено золотыми и серебряными медалями на российских и международных выставках.

Николай Иванович Прохоров был директором правления Прохоровской Трехгорной мануфактуры с 1885 года до своей смерти в 1915 году. 24 августа 1912 года за заслуги на промышленном и общественном поприще Николай Иванович вместе с семьей был возведен в потомственное дворянство. У Николая Ивановича было восемь детей – Иван, Тамара, Григорий, Александр, Людмила, Тимофей, Владимир, Татьяна.

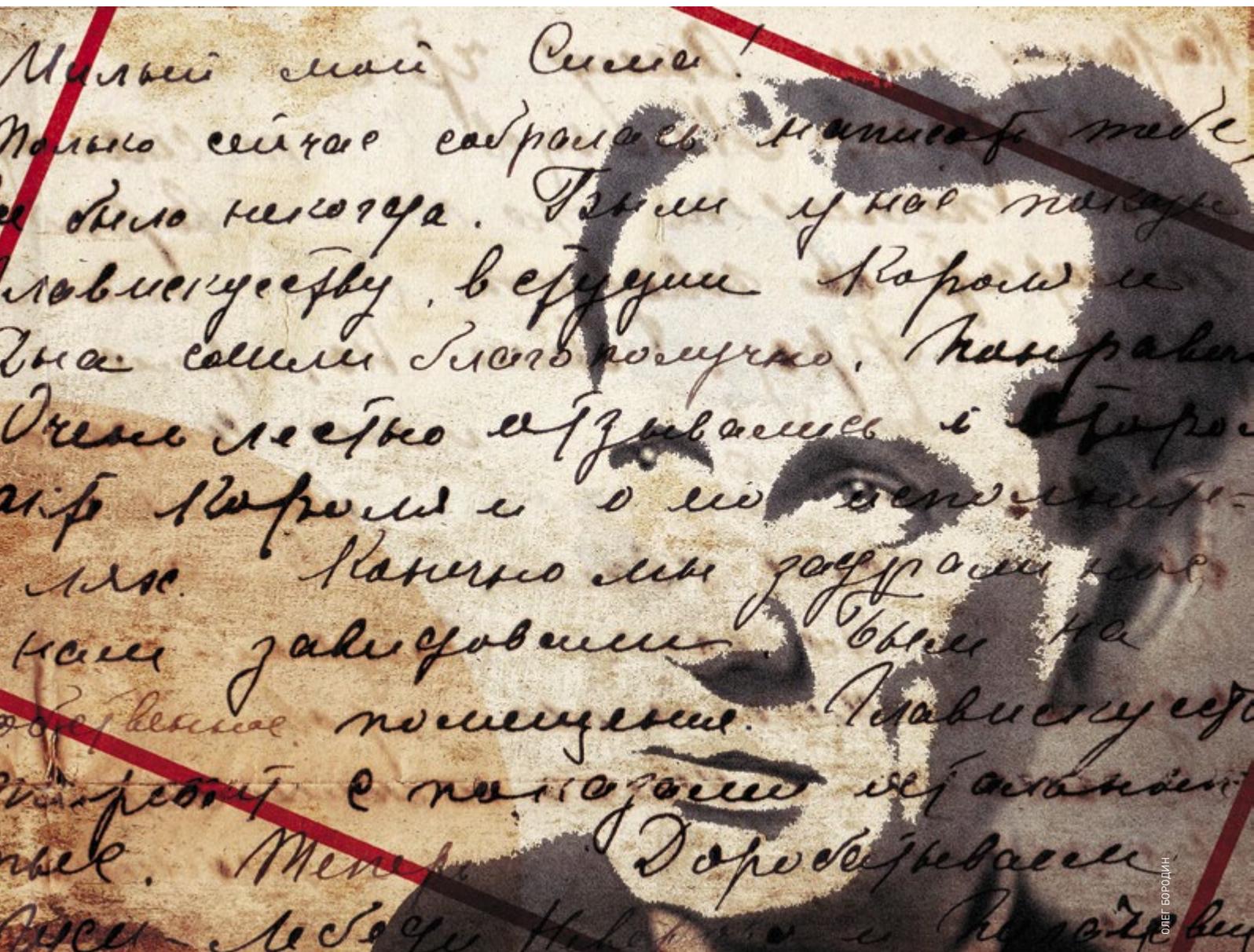
Знаменитая прохоровская Трехгорка просуществовала почти двести лет. Длительный успех дела обеспечивался благодаря усердию и труду ее хозяев и рабочих, инженеров и художников. Трехгорная мануфактура работала и в XX веке, после революции 1917 года. Добротный текстиль ценился и во времена СССР. К сожалению, после двухсот лет существования фабрики во время промышленного коллапса в 1992 году ее территория и здания в Москве были проданы. Сейчас изделия с маркой Трехгорной мануфактуры производят в городе Гаврилов Ям Ярославской области. 🍷

* Автор – доктор исторических наук.

Товарный знак
Трехгорной
мануфактуры

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ТЕАТР В МУСОРНОМ БАКЕ

АВТОР
ДМИТРИЙ УРУШЕВ*

ТАТЬЯНА ТОЛСТАЯ
В РАССКАЗЕ «МИЛАЯ ШУРА»
ЗАМЕТИЛА: «В МУСОРНЫХ
БАКАХ КОНЧАЮТСЯ СПИРАЛИ
ЗЕМНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ.
А ВЫ ДУМАЛИ – ГДЕ?
ЗА ОБЛАКАМИ, ЧТО ЛИ?»

О ДНАЖДЫ МОЙ ДРУГ ИЛЬЯ УШАКОВ случайно увидел в мусорном баке старые исписанные бумажки. Он не прошел мимо, не побрезговал и подобрал. Это были письма без конвертов. Рассказы и расспросы о том о сем. В том числе и о театральной жизни. Несколько лет Ушаков бережно хранил бумаги. А потом любезно передал мне свою находку. Она оказалась чрезвычайно интересной. Но чьи это послания? В них упоминался некий Сима-Серафим и пьеса «Пушкин». Это помогло найти адре-

ОЛЕГ БОРОДИН

сата писем – Серафима Александровича Зайцева, артиста Театра имени Ермоловой. К сожалению, Зайцев не принадлежит к числу тех актеров, чьи биографии подробно расписаны в книгах или в Интернете. Сведения о нем приходится собирать по крупицам.

Серафим Александрович родился в 1904 году в семье врача-психиатра Александра Миновича Зайцева. В 1927 году окончил драматические курсы под руководством Завадского. Затем служил в разных театрах, пока не оказался в Театре имени Ермоловой. Здесь Зайцев был занят во многих спектаклях. В пьесе Андрея Глобы «Пушкин» он исполнял роль Никиты Козлова – камердинера поэта.

Умер Серафим Александрович в 1978 году. Вскоре его имя оказалось, к сожалению, незаслуженно забыто.

Между тем Зайцев не только успешно служил в театре, но и удачно снимался в кино. Например, в таких известных картинах, как «Каменный цветок» (1946) и «Дерсу Узала» (1975), в фильме «Метель» (1964) по одноименной пушкинской повести. Однако это не уберегло имя Зайцева от забвения. В мусорном баке оказались письма самого Серафима Александровича, его отца Александра Миновича, сестры Галины Александровны Зайцевой и других людей, с которыми артист дружил, которых любил.

Наиболее интересны письма Галины Зайцевой – актрисы Студии народно-героического театра. Они относятся к 1930–1931 годам. В это время Серафим Зайцев со своим театром находился за Уралом – в Челябинске и Миассе. В посланиях упоминаются Константин Сергеевич Станиславский, его сестра Зинаида Сергеевна Соколова (З.С., Зиночка), режиссеры Алексей Васильевич Жильцов и Юрий Александрович Завадский. Письма написаны живо, не без определенного таланта. И поэтому я предлагаю читателям ознакомиться с некоторыми из них. Но чтобы не превращать свой рассказ в нудное академическое исследование, воздержусь от подробных комментариев. Только замечу, что письма Галины Александровны не датированы, обозначены лишь числа. Уточнить дату можно по косвенным признакам – по событиям, упоминаемым в письмах. Например, врач Константин Витольдович Цераский умер в сентябре 1930 года. Завадский был арестован в ночь с 11 на 12 сентября того же года. Жильцов работал над пьесой «Гуси-лебеди» по произведениям Александра Неверова с октября 1930-го по январь 1931-го. А премьера спектакля «Последний решительный» состоялась в Театре Мейерхольда в феврале 1931 года.

Письма публикуются без изменений (исправлены только явные ошибки и опiski. – Прим. авт.) и без сокращений – сохранены даже бытовые подробности. Пусть эти послания станут своеобразной иллюстрацией к «Театральному роману» Булгакова.

И
«20-го [октября 1930 года]

Милый Сима!

Почему ты не пишешь о себе ничего? Как твоё здоровье и как ты переносишь челябинские морозы?

Я писала тебе насчет таза резинового – его в продаже нет. Может быть, тебе прислать маленький эмалированный таз? Можно прислать и маленький матрас, который остался у Камышовых, если тебе жестко спать.

В Москве продаются мужские гетры. Напиши размер твой и я вышлю тебе их. И потом можно у нас достать теплые перчатки. Какой твой размер? Напиши поскорей. Напиши непременно, а то я куплю наугад и пришлю тебе. Давно бы выслала тебе посылку, да нам не платили денег. Сейчас стали выплачивать. И потому в скором времени я вышлю тебе, что будет можно. Напрасно ты забрался в такую даль. Наверно, питаешься плохо и к тому же мерзнешь.

Наш героический театр идет в гору. Нам дали бывший Введенский народный дом. И сейчас идет наше окончательное прикреплении к нему. К концу зимы мы все будем на жалованье.

Если бы ты захотел, то ты мог бы очень легко поступить к нам. Тем более, что у Жильцова на тебя есть виды. Он мне говорил, что очень бы хотел тебя иметь в труппе и хотел тебе писать, как только у нас все окончательно оформится. Напиши пока мне твой взгляд на эту комбинацию. Он уж и роль для тебя приготовил Пугачева в «Пугачевщине».

Вообще, о нас очень хорошие отзывы в Главискусстве. Неверовскую вещь «Гуси-лебеди», которая через месяц у нас пойдет, уже разобрали клубы.

Как только спадет горячка у нас, и у меня будут готовы дублеры, я постараюсь навестить тебя. Напиши, что тебе надо выслать. Если можно будет достать, то я пришлю. Напиши поскорей.

Теперь вот какие дела. Если ты уже знаешь местопребывание Тани в Ленинграде, то напиши ей насчет закладной. Где она? Дело в том, что я просила Таню оставить мне закладную и твою доверенность на тот случай, если она задержится в Ленинграде, чтобы я смогла выкупить вещи. И потом, т.к. она уезжает, я хотела иметь закладную у себя, чтобы она не потерялась.

Таня сказала, что она не помнит, где у нее закладная и что она где-то в бумагах – где, она точно не знает – и что она должна ее поискать. Хотела поискать и дать мне, но так, вероятно, и не отыскала и мне ее не отдала. Я не могла ее проводить, т.к. была больна и не знаю, когда она уехала и где квитанция. Напиши ей, пожалуйста, и узнай, где находится квитанция. Будет жалко, если пропадут вещи по небрежности.

У нас наступили зимние холода. Снега пока еще нет, только немного на крышах. Станиславский приехал и заболел малярией.

Цераский отравился и умер. Жена Тарханова Е.Д. умерла от горловой чахотки.

23-го начну смотреть премьеры и тогда напишу, где, что и как идет. Завадский был арестован за знакомство с какими-то анархистами.

Будь здоров. Пиши скорей о себе и что тебе надо прислать. Гриша тебе шлет поклон. Целую тебя. Смотри, не отморозь себе ноги и лицо. А.Н. шлет привет для Тани. Папа выглядит плохо. Пиши.

Гаяля.

II

«28-го [декабря 1930 года]

Милый мой Сима!

Только сейчас собралась написать тебе, все было некогда. Были у нас показы Главискусству в студии «Короля» и «Дна». Сошли благополучно. Понравилось. Очень лестно отзывались о втором акте «Короля» и о его исполнителях. Конечно, мы задрали нос и нам завидовали. Бьем на собственное помещение.

Главискусство торопит с показами остальных пьес. Теперь дорабатываем «Гуси-лебеди» Неверова и «Пугачевщину». Через две недели будем показывать «Гуси-лебеди». Работали с 8 ч. вечера до 1 или 2-х ночи. Часто приходится идти пешком, т.к. трамваи уже не ходят.

«Дно» тоже понравилось. Хотя, на мой взгляд, «Дно» прошло слабей «Короля». В «Дне» я дублировать буду или Наташу, или Анну, что лучше выйдет. Жильцов ходит сияющий. Но я почему-то не очень верю тому, что он говорит. Очень много громких фраз.

Были на «Пароле» кто-то от Завадского. И им спектакль понравился. Симоновцы были на «Дне» и тоже хвалили. Насколько искренно, не знаю.

Завадского студия ездила в подмосковные провинции с пьесами и успеха не имела. Театр был пустой. Посещалась публикой только «Любовью не шутят».

Видела Фивейского. Он и девочки шлют тебе привет. Они нигде не устроились и по-прежнему сотрудничают у Станиславского.

В театре Станиславский до сих пор не показывается и не хочет показываться пока не пройдет премьеры «Лед и сталь». Пьеса ужасная. Станиславский лежит в постели и пишет книгу о системе и придумывает что-то новое в своей системе. Но что, он даже Зиночке не показывает.

З.С. шлет тебе привет и очень рада твоим успехам. Она занимается все по-прежнему. И все надеется показать своих учеников Косте.

В театрах интересного ничего нет. Во II X[художественном] прошла удивительно нудно «Светите звезды». Хорош был только Азарин в беспризорном да актер Гуров, который играл еврея-студента.

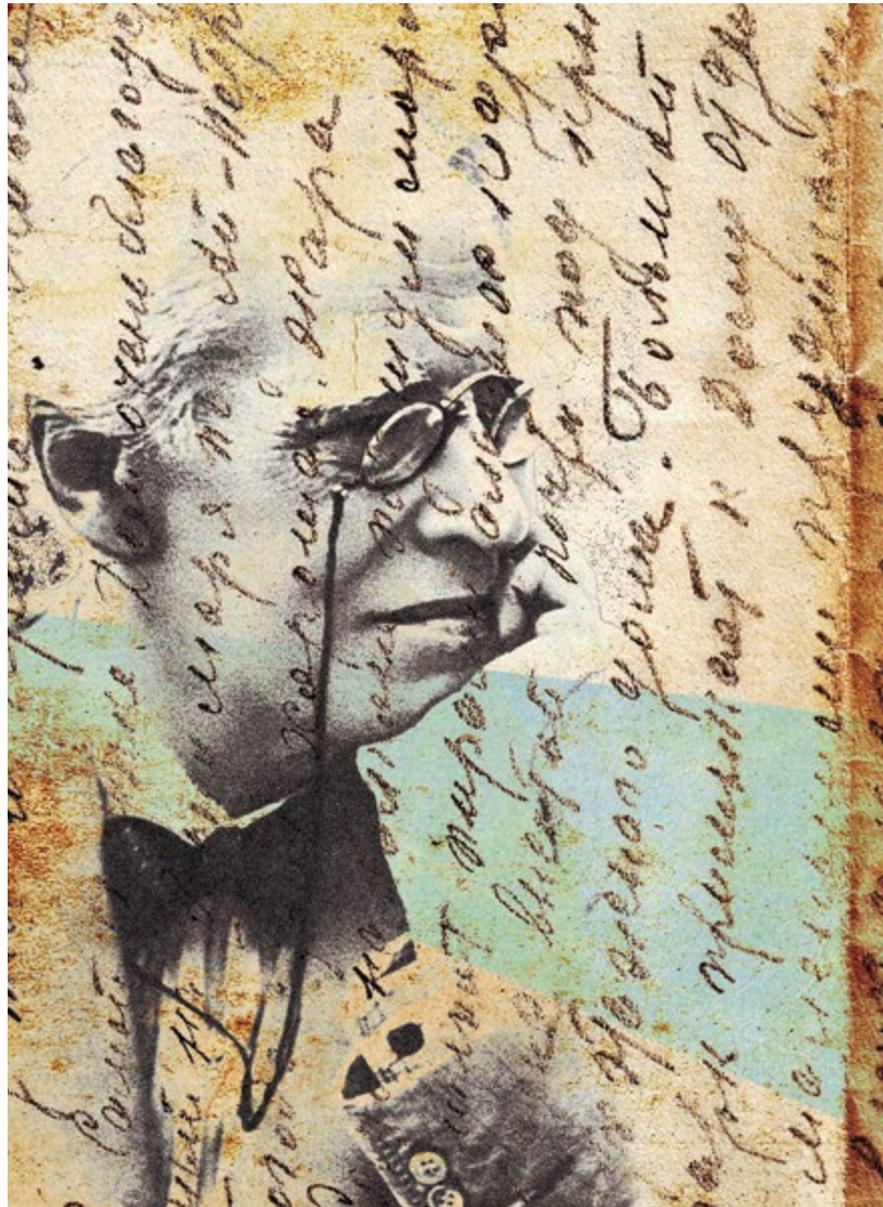
Лучше всех был «Темп» у Вахтангова. Хорошо на этот раз играли, и хорошая была декорация. Ее делал муж Макарихи. Она теперь замужем за этим художником Исаковым и ждет ребенка.

В I X[художественном] идет «Хлеб». Это в десять раз скучней «Блокады» и «Бронепоезда». Одним словом, тихий ужас.

Интересных премьер нет. Говорят, в Малом неплохо идет «Штурм кулис». Но, кажется, хотят снять пьесу, потому что очень наглядно показан весь ужас безработного актера. Собираюсь пойти. Пока еще не была, было некогда. Ну вот пока все театральные новинки.

Жильцова зовут Алексей Васильевич. Я пока ему еще не говорила относительно твоего письма, т.к. с показами мы все затыркались.

Теперь вот что. Папа просил передать тебе, что ты свинья, потому что ему ничего не пишешь. Пожалуйста, пиши чаще, т.к. я и отец беспокоимся во время твоего молчания. И дело дошло до того, что в день, когда я получила твое письмо, я хотела посылать теле-

грамму Семенову, чтобы узнать, что с тобой. Мы с отцом и Гришей так и хотели делать. Пожалуйста, пиши чаще. Хотя бы открытку присылай, если нет времени на письмо.

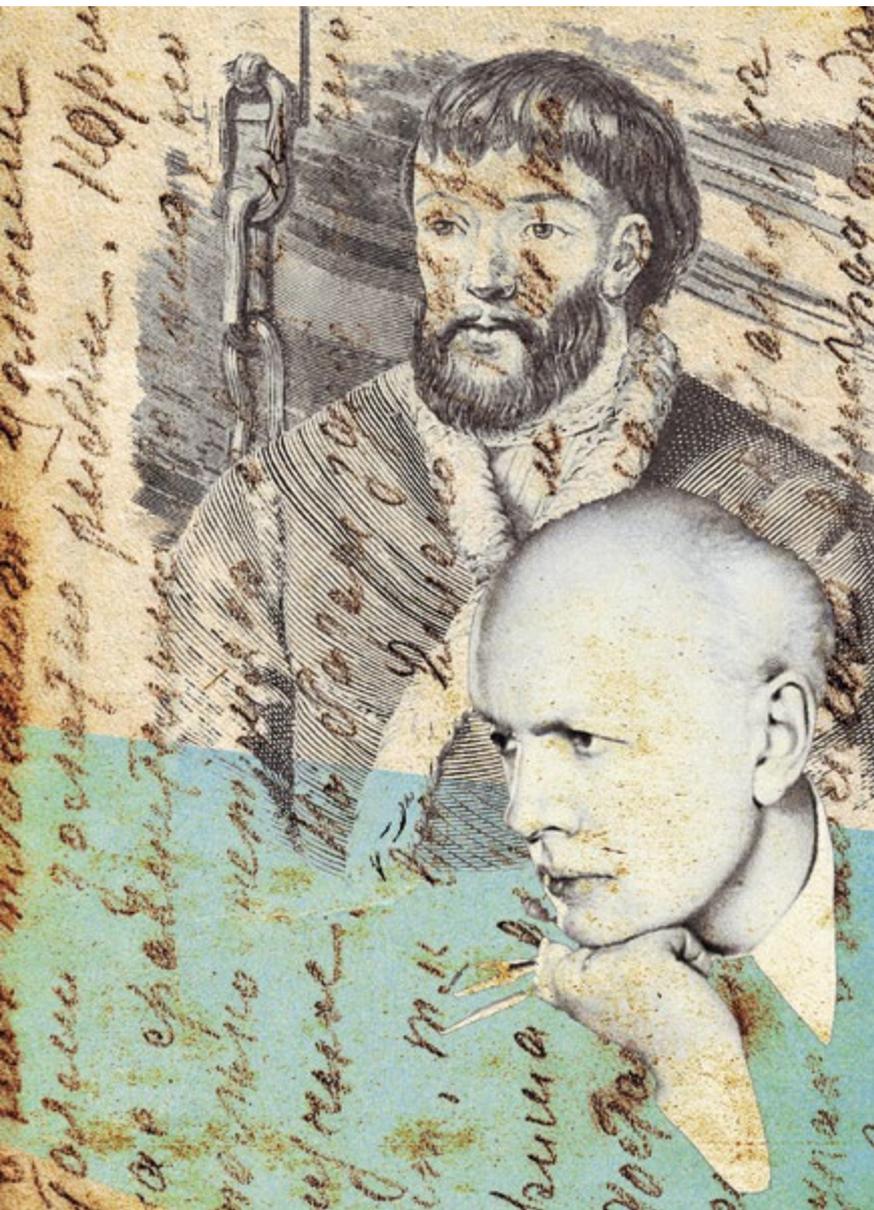
Как ты питаешься и как переносишь холода? К сожалению, не нашли твоей шапки. Но у меня будет возможность достать тебе шлем. Как только достану, так и вышлю.

Перчатки стоят с покрышками 9 р. Других нет у нас. Гетры тоже достала с большим трудом в день посылки. Думала, что и совсем не достану. Стоят они 10 р.

Носки шлет тебе папа. Также он послал тебе булки и 2 пачки печенья и засахаренные фрукты. Остальное от меня. Если выйдет все хинное мыло, напиши. Я вышлю тебе еще.

Носки носи непременно, а то отморозишь себе пальцы. Они не кусаются. И до шлема шарфом закрывай уши и лицо.

Я очень рада твоему успеху. Продолжай в том же духе. Только, пожалуйста, не студишься и ешь получше.

Я научила его говорить:

– Пошел вон с острова, мерзавец!

Отец в ужасе.

Я была больна, и мне делали операцию, вырезали на шее ангиому. Это что-то вроде кровяной родинки или увеличенные поверхностные сосуды. Выросли они в родинку кровяную. Потом лопнули и кровоточили 4 дня, никак не могли затянуться. Хирург сказал, что нужно вырезать. Резали под местным наркозом в Бахрушинской больнице. У Гриши было лицо такое, как будто меня распинали. И он тукал себя по голове и говорил:

– Опять номеруля <sic!>.

Два дня после операции не могла говорить и есть и вертеть шеей как следует. Теперь все прошло, только маленький шрам.

Гриша шлет привет. Поздравляет тебя с успехом и желает большего в дальнейшем. Сейчас он уехал в командировку в Ленинград на неделю.

Гр. Иванович понемногу, но верными шагами идет по пути в психиатрическую больницу. По папиным словам он душевно больной человек, распущенный морально, без всяких сдерживающих центров. Главный пункт у него – это происхождение и мания преследования.

Совсем забыла. Поздравляю тебя с Новым годом. Крепко целую и желаю всего-всего хорошего. Не болей, не студишься и пиши, пожалуйста, чаще. Напиши непременно, как дошла посылка.

Анна Николаевна шлет тебе привет. Писал ли ты Тане насчет закладной? Где она? Как живет Таня и как ее здоровье?

Целую тебя крепко. Всего хорошего.

Галя.

P.S. Цераский отправился карболовой кислотой и умер. Причина – измена жены».

III

«4-го [марта 1931 года]

Вчера получила твою телеграмму, милый Сима!

Дело в том, что здесь известно, что против вас ведется кампания, что спектакли ваши срывают, на сцену во время действия бросают бутылки и что в Должанского стреляли, и что театр посещается только известной частью публики. И главное, что вас хотят закрепить за Уралом на несколько лет, хотя актеры как единичные личности и имеют право не оставаться.

Дело в том, что один такой же вот коллектив, как ваш, год тому назад закрепили за провинцией. Так что они до сих пор открепиться не могут не только все, но даже каждый в отдельности. Надо надеяться, что, может быть, с вами этого не случится. Но, во всяком случае, имей это в виду и при первом удобном случае уезжай оттуда в Москву.

Здесь сейчас в театре такое положение с мужчинами, что лучше и желать нечего. Ермоловская студия МГСПС переманивает где только возможно мужчин. И берут прямо в кадры на роли и жалование. Например, Ермоловская студия платит вновь поступившим на небольшие роли начинающим юнцам 100–175 р. Наша студия и та даст тебе сразу, если ты придешь, 100 р., если бы ты захотел прийти. Художественный

И вообще, думай о себе больше. Что будет нужно, пиши, вышлю. Сосчитаемся потом.

У нас открылось 2 магазина казенных, где можно покупать закуску по дорогим ценам, но все же выходит дешевле, чем у частника. Есть икра красная 5 р. кило и консервы рыбные гр. 50 коробка. Вышлем пополам с папой.

Одевай рейтузы и фуфайку непременно. У нас начались морозы только недавно, недели две. И сегодня 25 градусов. Санный же путь начал устанавливаться только дня два-три тому назад.

Как отапливается у тебя комната? Тепло или нет? Мне почему-то кажется, что у тебя в комнате не очень тепло.

Отец здоров. Книгу его приняли по всем пунктам. И, кажется, на днях он ее сдаст в печать.

Юлька стал большой, бегаёт и говорит:

– Сима в Ибири, я поеду к нему на у-у (поезд).

Говорит:

– Попася, котолый кусяся (попался, который кусался).

ОЛЕГ БОРОДИН

театр принимает хромых мужчин (как Курочкин), потому что нет мужчин на приличный оклад, а Шныров уже имеет роли там, и их продвигают.

Так неужели ты думаешь, что ты остался бы без работы и оплаты? Ведь здесь в Москве все преимущества для тебя особенно.

Думай лучше и серьезней. А то может случиться то, что ты очень надолго не увидишь Москву, так как с прикреплением актеров в провинции вопрос стоит очень жестко. Все почти коллективы театральные расформировывались и выслали в провинцию и там закреплялись до конца пятилетки без права работать в Москве.

В Москве осталось три коллектива. Из них третьим считается Ермоловская студия. Симоновский ни то ни се – ни студия, ни коллектив. Так вот почему я и послала тебе телеграмму.

И потом даже в смысле продовольствия и хоть маленького комфорта здесь же лучше. Приезжай. Таня мне передавала все новости. И она того же мнения, что и я, что ты здесь устроишься лучше, чем ты сейчас там. И она даже думает, что ты вообще скоро приедешь, не дожидаясь августа, учитывая все то, что у вас там творится.

Получил ли ты от нее письмо и мои посылки? В пору ли кальсоны? Напиши об этом, пожалуйста. Привез ли тебе проводник хлеб и конфеты <sic> и варенье? Сколько ты пробудешь в Миассе? Может быть, мне удастся послать тебе кое-что? Ответь поскорей.

Как здоровье и самочувствие? Писал ли отцу? И он тебе? Я его не видала, и он меня тоже. Вероятно, все это серьезно с его стороны. Таня хотела съездить на разведку туда. Не знаю, ездила или нет. Я не видала ее уже неделю. Было много работы, и я очень уставала.

Да еще она немного что-то хандрит и думает, что ты на нее в обиде, так как она тебе долго не писала, и обиженно так говорит:

– Конечно, он прав, что так долго мне не пишет. Он обиделся, что я ему не писала.

Напиши ей непременно.

А вот и семейная новость. Ты, наверное, глаза вытаращишь. Валентина ожидает второго ребенка. Уже на шестом или пятом месяце беременности. Не ожидал?

Пиши, пожалуйста, а то я могу думать, что тебя убили там бутылкой на сцене. Как прошли «Слоны» и как

удалась тебе роль? Может быть, тебе надо что-нибудь из белья? У нас в магазинах понемногу все появляется. По дорогим ценам, но почти все можно купить кроме галош. Так что галоши береги. На рынке они стоят 35 р. сейчас, а будут дороже.

Видала в Художественном «Хлеб». Хорошо поставлено, и хорошо играют. Места есть очень захватывающие. Хотя тема – сбор хлебного налога в деревне – и должна казаться скучной.

И интересна постановка Мейерхольда «Последний решительный». Пьеса не знаю чья. Очень патриотична. Особенно патриотичный конец. Смысл тот, что все мы должны дать и дадим Европе последний и решительный бой, если она нападет на нас. Должна встать вся страна на защиту.

Хорошо сделана стрельба из пулеметов, вернее, перестрелка с неприятелем через головы публики. Очень хороши эпизод первого акта – сатира на наших морячков за границей. Почти весь эпизод происходит на мимике, слов очень мало, под объяснения актера, загримированного под режиссера или автора. Он говорит:

– А вот сейчас будет то-то и то-то. В капитане происходит борьба между долгом и чувством. И т. далее.

11-го иду смотреть в [Театр] Революции «Поэму о топоре», на утренний спектакль.

Ну, всего хорошего. Целую тебя крепко. Будь осторожен. И напиши, пожалуйста, о посылках, получил или нет. Подумай да приезжай. Ведь кое-кто из актеров уже приезжает сюда. А что с Семеновкой?

Смотри не студишься. У нас уже понемногу начинается весна. Зима еще продолжает не уступать и бороться. Но все же появились потоки.

Жду Нину Александровну числа 15-го – 20-го марта на неделю.

Не пей сырую воду. И если есть возможность, мойся чаще, т.к. сейчас появилась эпидемия брюшного тифа и сыпняка. В Персии свирепствует чума, и соседние наши области с ней на особом положении.

Гриша тебе кланяется и шлет привет. Его мнение – ехать тебе в Москву, а там не сидеть.

Пиши, пожалуйста, сколько где вы будете. Может, мне удастся послать тебе пасху и кулич?

Целую тебя крепко.

Галя.

Почему в телеграмме ты подписался вместо Сима Сижара? Или это перепутал телеграфист? Получилось что-то ультравосточное: Миасс, Энергия, Сижар.

Вещи выкупила».

IV

«16-го [сентября 1931 года]

Милый, милый Сима!

Пишу тебе из Крыма. Живем в самой Алушке. Дом очень благоустроенный, на берегу моря под Ай-Петри. Погода стоит хорошая. Жара. Сплю на балконе под шум моря и шепот пирамидальных кедров, которые высотой почти под крышу двухэтажного дома. Большой парк примыкает к дому отдыха с маленькими прудиками, и в них плавают целыми стаями золотые рыбки.

Кормят нас сравнительно хорошо, но только нет мяса. Овощи и мучное. На базаре здесь ничего нет, т.к. все велено сдавать. Гриша встает рано и где-то достает виноград по 1 р. 50 кило и молоко – добавочное питание.

На руках в киосках виноград продают по 2 р. 50 кило. Конечно, если бы не он, я сидела бы без молока и винограда. Больше никаких фруктов <sic!> нет в продаже. Все поставляется в кооперативы и раздается по местным членским книжкам.

Ехали мы ужасно. Поезд опоздал на 8 часов. С большим трудом достали места на последнем автомобиле. А то пришлось бы ночевать в Севастополе.

Купить здесь из еды еще трудней, чем в Москве, т.к. базар состоит из трех человек, продающих тихонько из-под полы масло и яйца, иногда молоко. Но все-таки солнце, море, тепло и воздух отодвигают все остальное на второй план.

Ну, а ты как доехал и как устроился? Какая погода? И как твое самочувствие? Пиши твой адрес подробный. Пишу тебе в городской театр.

Анна Николаевна отказалась чинить фуфайку. Я чиню ее сама. Одну сторону починила. Завтра докончу и вышлю тебе из Крыма ее, чтобы ты мог скорей получить ее. Не ленись написать как можно скорей свой адрес, чтобы я смогла послать фуфайку.

Ездил в Тарасовку за керосинкой для Тани, т.к. папа позабывал каждый раз ее привезти, и должно быть там простудилась, т.к. поехала с гриппом в Крым. И только здесь насморк начинает проходить понемногу. А в дороге плохо было.

Купаться мне запрещено категорически, ходить тоже. Солнца немного и лежать. Дело мое вообще обстоит неважно. Вероятно, придется бросить все на полгода и только лежать и лечиться. А это для меня равносильно нравственной смерти, т.к. без дела и работы я не представляю себя совершенно.

Приехал 15-го Станиславский. Зиночка будет показывать ему «Власть тьмы». Я буду играть Матрену.

Уехала я из Москвы с большим трудом. Не отпустила студия. Отпустила только с тем, что я обязалась по первой телеграмме приехать в Москву, т.к. будет общественный показ и надо показывать «Короля» и «Гуси-лебеди» Неверова (переделка смерти Захара), где я включена в первый состав. А просмотр может быть не сегодня – завтра.

Мой адрес: Крым, Алушка, дача «Дом отдыха РЖСКТ», комната № 14. Г.Г. Попову для Г.А. Зайцевой.

Пиши, пожалуйста, привезла ли тебе семеновская бабка хлеб? И в каком виде?

Будь здоров. Целую крепко.

Галя.

Дорогой рыцарь изгнания!

Привет от моря, солнца, ветра и тепла, но не с жирных щей и фруктов. Можно-таки сказать, устроились и греем пузо, а там будет видно. Желаю серьезного успеха в Васье-коте. Жажни его как следует, с выдержкой, памятуя Бориса Годунова и ваше заводское <заводское?> кино. Навестил «твою» и познакомился с ее мамой. Очень нервная. Черкни чернокожим с севера. Целую.

Гриша. ❶

* Автор – сотрудник Государственного музея А.С. Пушкина.

СИБИРЬ: НАСЕЛЕНИЕ НАРОДОМ

АВТОР
ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

ЕСЛИ ОСВОЕНИЕ СИБИРИ РАССМАТРИВАТЬ СХЕМАТИЧЕСКИ-ОТВЛЕЧЕННО, КАК, СКАЖЕМ, КОМПЬЮТЕРНУЮ ИГРУ «ЦИВИЛИЗАЦИЯ», ТО ПРОЦЕССЫ, ЗАНИМАВШИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ И СТОЛЕТИЯ, ОКАЖУТСЯ ТОЛЬКО ЛОГИЧЕСКИ ОБУСЛОВЛЕННЫМИ ХОДАМИ, НЕОБХОДИМЫМИ ДЛЯ ПЕРЕХОДА НА СЛЕДУЮЩИЙ УРОВЕНЬ ИГРЫ: ПОСТРОЕНИЕ КУЛЬТУРЫ.

КРАТКАЯ ЭПОХА ЗАВОЕВАНИЯ Кучумова ханства сменяется историей первопроходцев, казачьей вольницы и служилых казаков, занявшей весь XVII век и оставившей по всей Сибири первые остроги. Некоторые

из них со временем развиваются в города, которые становятся стартовыми площадками для экспедиций, изучающих присоединенное пространство. Появляется его контур, он наполняется заводами, рудниками, ярмарками и поселками. Доль-

ше всего внутри цивилизации вызревает культура. Если бы не Петр Павлович Ершов, уроженец сибирской деревни Безруково, написавший волшебную сказку о Коньке-Горбунке, то Сибирь не услышала бы собственного голоса до самого конца XIX века, когда здесь родились первые художественные произведения. Тогда же возник интерес к эпическим сказаниям коренных народов Сибири, в Томске открыт первый сибирский университет и политехнический институт, появились гимназии, реальные училища, газеты, журналы, музеи... Что же произошло? Цивилизация перешла на уровень культуры. Для этого потребовалось решить самую сложную задачу предыдущего уровня: наполнить Сибирь народом.

Е.М. Корнеев.
Каторжники
на общественных
работах в Усть-
Каменогорске.
Акварель.
1810–1812 годы

БУКВИЦЫ ИСТОРИИ

Гений Ломоносова, полагавшего, что в Сибирь следует отправлять «людей обоего пола, которые здесь в России напрасно шатаются или за преступления сосланы быть должны», вполне соответствовал духу XVIII столетия. Ссылка в Сибирь, начиная с Петра, на протяжении почти двухсот лет была главным способом «колонизации» края. Предполагалось, что сосланные или вышедшие на поселение по окончании каторжного срока останутся в Сибири навсегда, ну а уж там «новое место и новые обстоятельства обычай их переменят...». Этот рискованный прогноз не сбывся. «Принудительная колонизация» не сыграла в освоении Сибири главенствующей роли. Хотя ссылали широко, с размахом. Перечисляя категории сосланных на поселение или в каторжные работы, невольно ловишь себя на мысли, что перебираешь буквицы российской истории.

Стрельцы: после Стрелецкого бунта их было сослано так много, что в Сибири, как пишет Матвей Любавский в книге «Русская колонизация», «в это время не существовало почти ни одного острога, где бы не было сосланных стрельцов».

Казаки донские и запорожские: первые отправились в Сибирь после Булавинского бунта, вторые – после разгона Екатериной II Запорожской Сечи.

Пленные шведы: высланы в Сибирь в 1711 году за попытку бегства из определенного им места жительства в Казанской губернии. Среди них, кстати, был Филипп Иоганн фон Страленберг, страстно увлекшийся Сибирью, принявший участие в первой научной экспедиции, которая была предпринята сподвижником Петра ботаником Даниилом Готтлибом Мессершмидтом, и составивший одно из лучших описаний Сибири того времени.

Староверы: в 70-е годы XVIII века Екатерина II выслала из Стародубских лесов раскольни-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Александр Сохачевский. Прощание с Европой. 1894 год. Польские повстанцы 1863 года на пути в Сибирь

ков, ранее бежавших из Московщины в Речь Посполитую. Их выселили на Алтай и на впадающую в Байкал Селенгу. Везде они обустроились наилучшим образом: до революции считались самыми зажиточными крестьянами Сибири и из-за крепких семей назывались «семейскими».

Поляки: не желавшие быть подданными Российской империи и с периодичностью раз в тридцать лет поднимавшие восстания...

Сосланные по политическим соображениям: первым был, кажется, Александр Радищев, путешествие которого из Петербурга в Москву закончилось поездкой в Тобольск. Позднейших трудно охватить: здесь и декабристы, и петрашевцы, и революционеры 1870–1880-х годов, затем – эсеры и социал-демократы всех мастей.

Беглые крестьяне: множество пойманных беглецов ссылалось в Сибирь в эпоху расцвета крепостного права (на рубеже XVIII и XIX веков).

К. Гайнцманн (?). Несчастные каторжники просят милостыню в сибирском селе Никольском. Сепия. 1810–1812 годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Особой статьей следует считать сосланных «за продерзости»; указ, позволяющий помещикам ссылать своих крестьян за одну лишь видимость непослушания, вышел в 1760 году. Этими поселенцами были заселены местности по Барабинской степи до Томска.

В общем, как и указывал Ломоносов, Сибирь оказалась огромным мешком, куда можно было сбрасывать разные «беспокойные элементы». Даже крестьянские и мещанские общества по закону имели право сослать в Сибирь неугодных им членов деревенской общины или разрушителей городского спокойствия. В 30–40-х годах XIX века таким образом попало в Сибирь около 6 тысяч человек с семьями. Любопытно, что за это время чуть больше народу отправили в Сибирь и помещики: в общей сложности около 8 тысяч человек за все время царствования Николая I. Картина будет неполна, если из нее исключить преступников, ссылаемых за уголовные преступления, и каторжных, которых отправляли в рудники и на горные заводы за преступления особо тяжкие. До 1760 года ссылка «на каторгу» означала отправку на каторжные работы в балтийский порт Рогервик; после «каторга» – однозначно Сибирь. По приговорам уголовных судов и распоряжениям местных властей в годы николаевского царствования было отправлено в Сибирь более 350 тысяч человек.

ТАЙНЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

Тем не менее число людей, ссылаемых в Сибирь за мыслимые и немыслимые грехи, было во много раз меньше количества тех, что пробирались за Урал самостоятельно. Для кого-то Сибирь была синонимом изгнания и унижения, для кого-то, напротив, территорией свободы и самостояния. Как пишет Матвей Любавский, «каждая подушная перепись открывала в Сибири так называемых «прописных людей», не попавших в предшествующую перепись»: то были беглецы от рекрутчины, от крепостного права. Иногда беглые основывали в Сибири целые колонии, которые долгое время оставались неизвестными властям. Так, в недоступной части Бухтарминского края, известной под именем Камня, в горах возникло 30 поселков вольных поселенцев. «Каменщики жили тихо и смиренно и лишь изредка в одиночку являлись в селения округа Алтайских заводов доставать себе соль». Они хотели вступить в китайское подданство, но в 1790 году объявили правительству о своем существовании и были прощены. История почти в точности повторилась через несколько десятков лет в Тарском округе Тобольской губернии, где долгое время тайно жила деревня Кириллинская, приписанная к Казенной палате лишь в 1860 году; в Томской губернии было множество

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

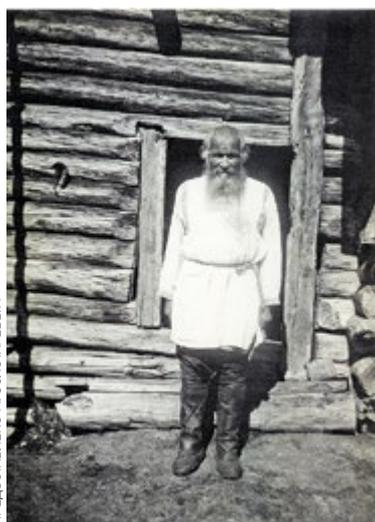
С.В. Иванов.
В пути. Смерть
переселенца.
1889 год

деревень, о существовании которых местная администрация узнавала, только приступив к межеванию земли.

В чем тут дело? А в том, что уже в начале XIX века крестьяне средней полосы России стали ощущать нехватку земли. Павел I увлекся идеей переселения в Сибирь государственных крестьян, которых он именовал – в мечтах! – «государственными поселянами» и которыми предполагал заселить Сибирь, завести здесь правильное земледелие и скотоводство и настроить юфтевые фабрики (юфть – специально выделанная кожа. – Прим. ред.) для торговли с Китаем. Поселенцам обещано было 30 гектаров земли, орудия и семена, хлеб на полто-

ра года и освобождение от податей на десять лет; но в силу ли убийства Павла или потому, что вопрос еще не назрел, он так и остался фантазией.

Однако с каждым десятилетием он становился все острее; его сначала не замечали, потом откладывали, но поток своевольных переселенцев в Сибирь не иссякал. За активное переселение крестьян на плодородные земли Южной Сибири стоял Михаил Сперанский, бывший ближайший советник Александра I, удаленный им из Петербурга на пост генерал-губернатора Сибири. Для него уже ясно было, что ссыльными этот край «не обнародить». Он сумел добиться для государственных крестьян

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«Каменщик».
Фотография
конца XIX века

Вид церкви и городской
управы в Томске. Фотография
Д. Кеннана. 1885–1886 годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

права переселяться в Сибирь, но оно было сформулировано слишком общо и какого-то реального движения за собою не повлекло. Лишь в 1839 году правительство Николая I смогло предложить простую, выгодную и доступную программу переселения. Было создано Министерство государственных имуществ, глава которого, граф Киселев, велел организовать ряд мер по переселению крестьян в Тобольскую, Томскую и Енисейскую губернии. Переселенцам выдавалась безвозвратная ссуда деньгами, земледельческими орудиями и скотом и предоставлялась восьмилетняя льгота от податей и повинностей и трехлетняя – от рекрутчины. С переселенцев даже снимали недоимки по прежнему месту жительства. Всего за годы царствования Николая I в Сибирь переселилось, как говорили тогда, 32 тысячи душ: это оказалось в десять раз меньше, чем было сослано, и тем не менее эта мера стала несомненным успехом правительства. Все эти крестьяне устроились прекрасно на местах своего нового жительства. Данные, собранные в 80-х и 90-х годах XIX века, показывают, что поселки, основанные «киселевскими» переселенцами, достигли цветущего состояния...

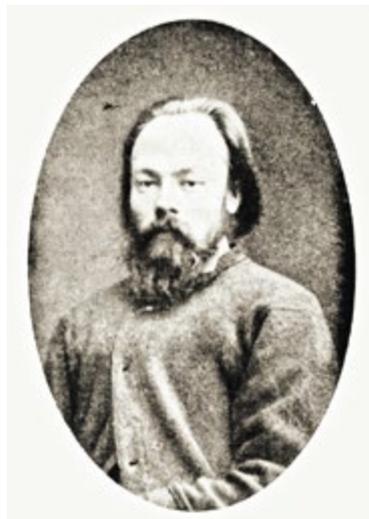
Однако вопрос так и буксовал до самого освобождения крестьян и даже после него. Лишь с 1889 года, когда, по сути, были сняты все ограничения, число крестьян-переселенцев начало заметно расти: в 1892 году в Сибирь переселилось 84 200 крестьян, в следующем – 61 435, в 1896-м – уже 202 тысячи, в 1898-м – 206 тысяч, в 1899-м – 224 тысячи. Причиной переселения назывались обычно «невозможность существовать» и желание «работать на себя». В губерниях Центральной России крестьянский мир начал распадаться: не хватало то пашни, то выпасных лугов, то леса. Отхожим промыслом жило 2 миллиона человек.

Граф Павел Дмитриевич Киселев (1788–1872), министр государственных имуществ

«РОМАН» ГЕННАДИЯ СОЛОВЬЕВА

Лет двадцать назад, когда я гостил у писателя Михаила Тарковского в деревне Бахта Туруханского района, вышел из меня любопытный разговор с охотником-промысловиком Геннадием Соловьевым. Он уважительно относился к писательству, но рассказы Тарковского о Бахте и ее жителях, казалось, не вполне его удовлетворяли. Ему бы хотелось увидеть нечто большее. Роман. Скажем, о том, как из России отправляют сюда, в Туруханский край, ссыльного. Какого-нибудь социал-демократа. Или нет, на социал-демократов Гене, пожалуй, наплевать. Лучше крестьянина. И вот мужик, пока тащится этапом, пока та-

Дмитрий Александрович Клеменц (1848–1914), русский этнограф, революционер-народник

щит баржу с переселенцами пароход, все думает, что непременно погибнет здесь, сгинет в пустыне, в холоде. А приезжает – и вдруг видит, что попал... на чудесную землю. Обильную, вольную. Леса – навалом, дичи – навалом, рыбы – навалом. Климат бодрый, здоровый. Люди сильные, свободные, не заезженные российской жандармерией, не зажатые. Только радуйся! Только живи! И он начинает жить... Сам Геннадий Соловьев в Бахте родился и вырос, он Сибирь не измысливал, он любит ее органически. Но вот что интересно: стоит задуматься над замыслом такого «романа», как неизбежно открываются очень интересные вещи.

Во-первых, Гена прав: никто из политических ссыльных для предполагаемого им беспорочного житья и радости на лоне природы не годится и, следовательно, не может стать героем его романа. Их здесь проходили *тысячи*, но никто, кажется, даже не обнаружил интереса к краю, где суждено ему было прожить пять или десять лет. Все стремились обратно в Россию или за границу, все так и остались в шорах своих политических верований. Исключения единичны. Например, Дмитрий Александрович Клеменц, земледелец, который, будучи сосланным в 1879 году в Восточную Сибирь, вскоре совершил несколько научных экспедиций по Сибири и Монголии, а вернувшись в конце века в Петербург, стал сначала старшим этнографом Музея антропологии и этнографии Академии наук, а затем – организатором этнографического отдела Русского музея... Схожий путь проделал Владимир Германович Богораз-Тан, народоволец, сосланный в 1889 году в Среднеколымск: здесь он внезапно был поглощен интересом к культуре чукчей, занялся их изучением, а по освобождении из ссылки вернулся на Чукотку с экспедицией под руководством американского антрополога Франца Боаса. В результате появился классиче-

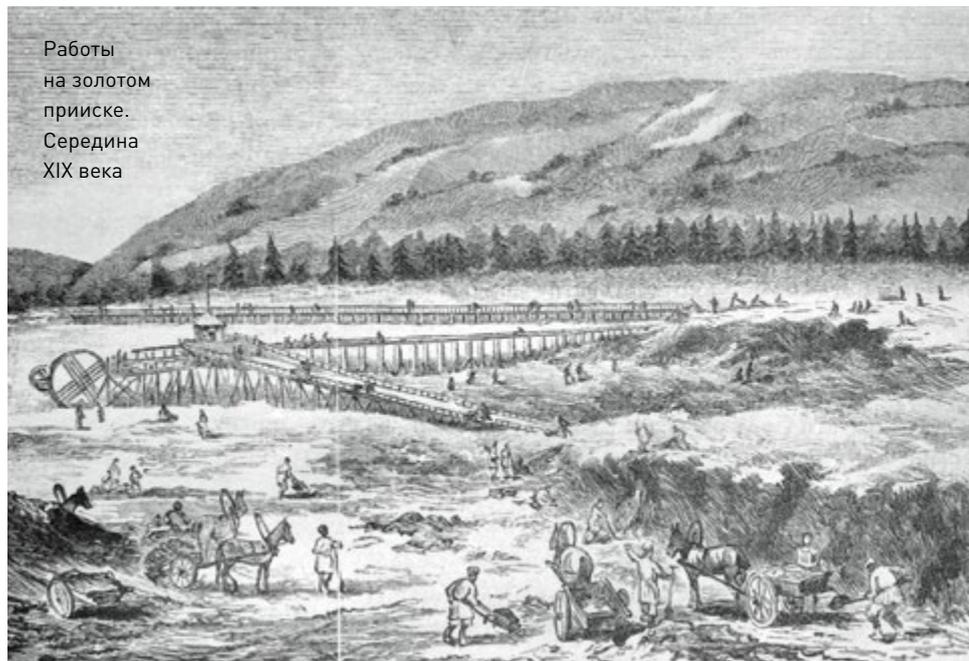

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Владимир Германович Богораз (Богораз-Тан; 1865–1936), революционер, писатель, этнограф и лингвист, северовед

ский и, кажется, до сих пор непревзойденный труд Богораз «Чукчи». Но – что немаловажно – и Клеменц, и Богораз-Тан в конце концов вернулись в Россию, в Сибири не остались. Подлинной Родиной Сибирь стала только для крестьян.

Поразительно, что, несмотря на титанические усилия самодержавия, роль каторжан, ссыльных и поселенцев в освоении Сибири оказалась удручающе мала. Роль каторги свелась к нулю, когда были выработаны нерчинские серебряные рудники, а золотые прииски на Каре истощились настолько, что их сочли возможным отдать в руки частных промышленников. Отвод на поселение оказался чисто бюрократической утопией. Один из исследователей каторги и ссылки, будущий «апостол анархии» князь Петр Кропоткин, после окончания Пажеского корпуса поступивший в Амурское казачье войско, пишет, что из полумиллиона человек, высланных в Сибирь за шестьдесят лет XIX столетия, лишь 130 тысяч числились позже в административных списках – остальные исчезли неизвестно куда. Были попытки строить за казенный счет поселенцам дома – в результате целые поселки оставались пустыми; давали крестьянам по 50 рублей, если кто выдаст дочь за по-

Работы на золотом прииске. Середина XIX века

селенца, но, как правило, это никого не соблазняло. Испорченные этапами, не имеющие навыков жизни в этих краях зятья были никому не нужны. Не менее 100 тысяч человек ежегодно находилось «в бегах», пробираясь из Сибири на запад или неизвестно куда. В некоторых районах охота на «горбачей» (как прозывали беглецов) у местных охотников-метисов превратилась в вид жестокого промысла. В целом, по заключению Кропоткина, помимо некоторого положительного влияния русских и польских политических ссыльных на развитие ремесел и такого же влияния на развитие земледелия крестьян-сектантов и украинцев, полуторавековая история государственной колонизации Сибири не дала ничего...

А между тем Сибирь оказалась заселенной миллионами русских, которые пришли сюда самостоятельно, без чьей бы то ни было помощи: и если в Америке движение на запад стало символом жизнестойкости и вечной молодости легкой на подъем нации, то в России восток не стал таким же символом лишь оттого, что изначально был испоконен рабством и каторгой и потом, в советское время, в еще большей степени – опытом ГУЛАГа.

ЧИТАЯ КРОПОТКИНА

Упомянутый князь Кропоткин, окончив Пажеский корпус, мог бы, в силу происхождения и блестящих успехов в учебе, оказаться пажом в свите одного из великих князей или самого императора. Однако время Великих реформ и, как казалось ему, великого преобразования России в 1862 году еще не минуло, и он легко променял «блестящую» жизнь придворного пажа на собачью папаху и форму офицера Амурского ка-

Князь Петр Алексеевич Кропоткин (1842–1921), русский революционер, теоретик анархизма, географ, литератор. Фотография сделана в 1864 году во время службы Кропоткина в Амурском казачьем войске

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

зачье войска. Тем более что «политический климат» Восточной Сибири был довольно своеобразен. «В 1862 году, – пишет Кропоткин, – высшая сибирская администрация была гораздо более просвещенной и в общем гораздо лучше, чем администрация любой губернии в Европейской России. Пост генерал-губернатора Восточной Сибири в продолжение нескольких лет занимал замечательный человек граф Н.Н. Муравьев <...> Он был очень умен, очень деятелен, обаятелен как личность и желал работать на пользу края. Как все люди действия правительственной школы, он в глубине души был деспот; но Муравьев в то же время придерживался крайних мнений, и демократическая республика не вполне бы удовлетворила его. Ему удалось отделаться почти от всех старых чиновников, сметавших на Сибирь как на край, который можно грабить безнаказанно...». То было время, когда из-за ослабления Китая Россия получила во владение Амурский (ныне Хабаровский) и Приморский края. Нужно было спешно заселить эти места хотя бы по линии российско-китайской границы. Губернатор Муравьев действовал в свойственной ему манере: «Ссылно-каторжным, отбывшим срок в каторжных работах <...> возвратили гражданские права и обратили в Забайкальское казачье войско. Затем часть их расселили по Амуру и по Уссурри. Возникли, таким образом, еще два новых казачьих войска. Затем Муравьев добился освобождения тысячи каторжников (большею частью убийц и разбойников), которых решил устроить как вольных переселенцев, по низовьям Амура. <...> Русские крестьянки почти всегда добровольно следуют в Сибирь за сосланными мужьями. <...> Но были и холостые <...> Генерал-губернатор <...> велел освободить каторжанок и предложил им

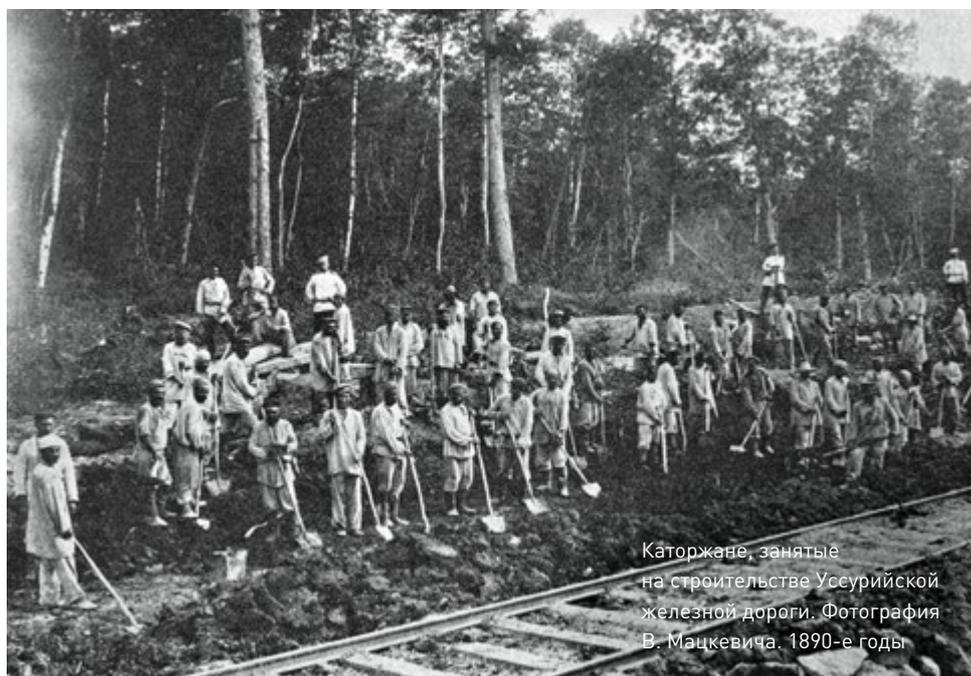

Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский (1809–1881), российский государственный деятель, с 1847 по 1861 год служил генерал-губернатором Восточной Сибири

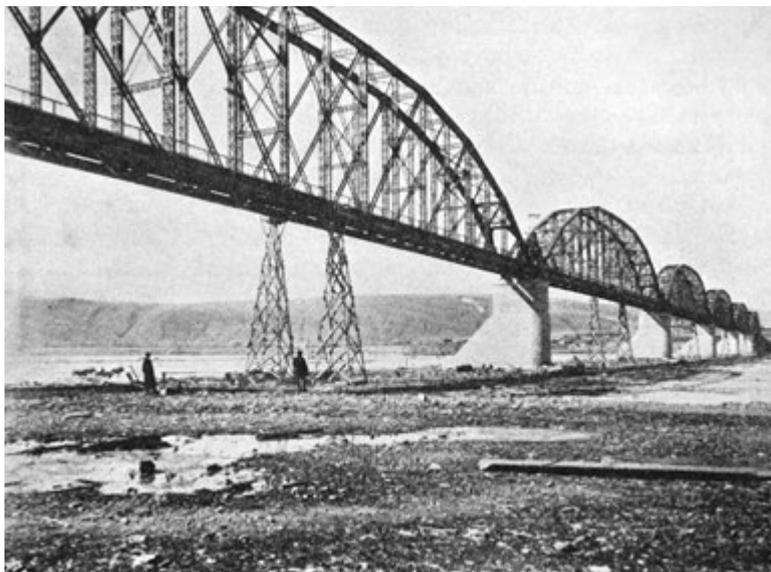
выбрать мужей. Времени терять было нельзя. Полая вода спадала в Шилке, плотам следовало сниматься. Тогда Муравьев велел поселенцам встать на берегу парами, благословил их и сказал: «Венчаю вас, детушки. Будьте ласковы друг с другом; мужья, не обижайте жен и живите счастливо». Я видел этих новоселов шесть лет спустя после описанной сцены. Деревни были бедны; поля пришлось отвоевывать у тайги, но, в общем, мысль Мура-

вьева осуществилась, а браки, заключенные им, были не менее счастливы, чем браки вообще...»

Кропоткин прослужил в Сибири пять лет, участвовал в доставке хлеба поселенцам на Амур, в двух экспедициях и в результате написал о себе: «...Я стал понимать не только людей и человеческий характер, но также скрытые пружины общественной жизни. Я ясно сознал созидательную работу неведомых масс, о которой редко упоминается в книгах <...> Я видел, например, как духоборы переселялись на Амур; видел, сколько выгод давала им их полукommунистическая жизнь и как удивительно устроились они там, где другие переселенцы терпели неудачу <...> Я жил также среди бродячих инородцев и видел, какой сложный общественный строй выработали они, помимо всякого влияния цивилизации <...> Путем прямого наблюдения я понял роль, которую неизвестные массы играют в крупных исторических событиях: переселениях, войнах, выработке форм общественной жизни. И я пришел к таким же мыслям о вождях и толпе, которые высказывает Л.Н. Толстой в своем великом произведении «Война и мир».

Каторжане, занятые на строительстве Уссурийской железной дороги. Фотография В. Мацкевича. 1890-е годы

Мост через
Енисей.
Конец XIX века

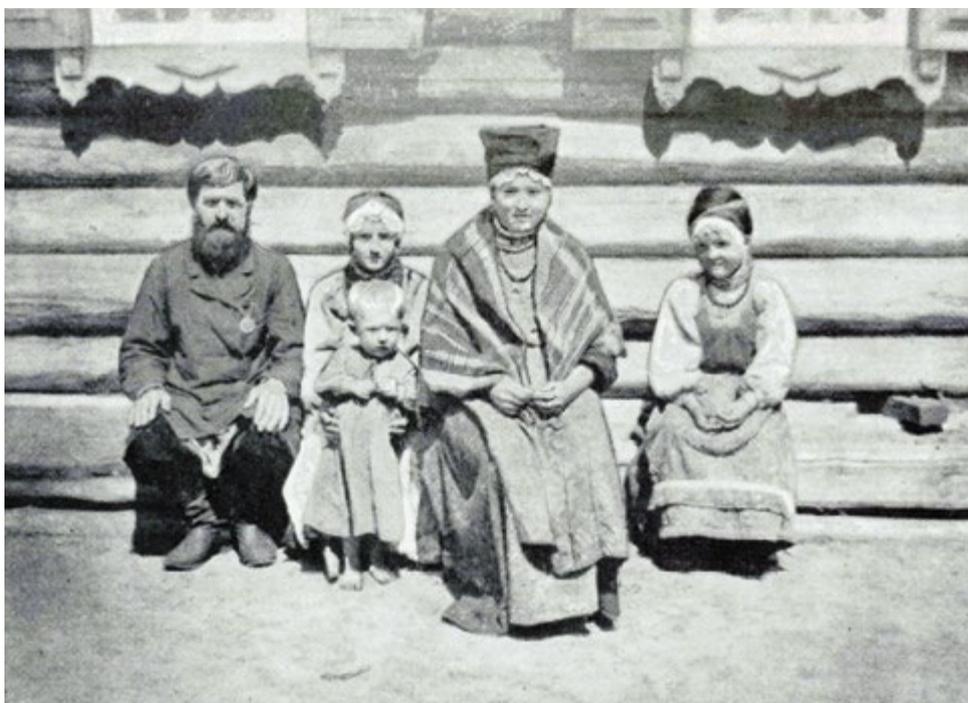
ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Ж/Д КАК ДВИГАТЕЛЬ ПРОГРЕССА

И все же некоторые выводы князя-бунтовщика следует считать крайними. Влияние администрации и частного капитала, очевидно, сказалось при заселении Приморского края, когда правительство с 1882 года ввело перевозку поселенцев за казенный счет на пароходах Добровольного флота (250 семей ежегодно). Затем настал черед Сибирской железной дороги, которая при всей своей колоссальной протяженности в 6500 километров была построена в

рекордные сроки (1891–1904 годы), при этом строительство ее сопровождалось геологическим исследованием большей части Сибири, от Урала и Алтая до Камчатки и Чукотского полуострова. Предприятие это было космополитическим: в нем приняли участие французские и американские компании, что, возможно, и вызвало волну эстетического внимания к магистрали, символизирующей соединение Запада и Востока. В 1901 году Луи Марен, будущий политический деятель времен Третьей республи-

Семья крестьян-старообрядцев («семейских») из забайкальского селения Дешулан в верховьях реки Ингоды. Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ки, ученый-этнограф и антрополог, совершил путешествие по только что проложенной магистрали в Россию и Маньчжурию, результатом чего стала серия фантастических фотографий. В 1913-м французский поэт Блез Сандрар, не выезжая из Франции, написал поэму «Проза о Транссибирском экспрессе...», в которой в пафосных строфах выражал свои впечатления от экзотического путешествия. Несколько позже по его ментальным следам отправился другой искатель экзотики, Жозеф Делтей. Он описывает порт Николаевск-на-Амуре в выражениях крайней экзальтации, которая не может не вызывать улыбки: «Два юноши-тангута, беспечные и чистые, пели песнь снегов, взобравшись на крышу вагона, где размещалось правление международной компании порта. Женщины-сарты (сарты живут в Узбекистане. – Прим. ред.), одетые в шубки из меха сови, пили кобылье молоко из фарфоровых стаканчиков. Старички-лоло (лоло живут во Вьетнаме и прилегающих странах Юго-Восточной Азии. – Прим. ред.) в молчании оглаживали свои бороды. Девушки Николаевска, с нарумяненными лицами, накрашенными ногтями и сосками груди, ходили взад и вперед посреди всего этого столпотворения, слегка задевая шелковыми платьями, расшитыми аистами, суровых тибетцев или калмыков и иногда обнимая своими тонкими душистыми руками молодого монгола...» О, фантазия поэта! Где Николаевск, где Тибет и где Калмыкия! Разумеется, одно только повторение названий сибирских и дальневосточных народов звучит как речитатив шамана и способно ввергнуть в транс чувствительную душу. Алтайцы, алеуты (жители Командорских островов), буряты, долганы, нганасаны, энцы (Таймыр), ительмены, киргизы, корейцы, коряки (Камчатка), кеты (Енисей), манси, ханты (Западная Сибирь), на-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

найцы, негидальцы, орочи, тувинцы, удэгейцы, ульчи (Амур), ненцы, нивхи (Сахалин, Нижний Амур), ороки (Сахалин), татары, телеуты (Алтай), тофалары (Иркутская область), хакасы, хамниганы (Забайкалье), чукчи, чулымцы (Томск, Красноярск), эвенки (Красноярский край, Якутия), эвены (Охотское побережье), эскимосы, юкагиры (Чукотка)...

Некоторые исчисляются несколькими сотнями человек, другие, как якуты, насчитывают несколько сот тысяч, одни принадлежат к палеоазиатским

народам и родственны индейцам Америки; другие – родичи тюрок, монголов, угро-финнов, третьи – неожиданно, как кеты, близки к китайцам и, как нивхи и ульчи, вовлечены в культурную орбиту дальневосточной цивилизации. Четвертые – типичные обитатели тайги, тундры и морских побережий с удивительными практиками жизни в чрезвычайно суровых природных условиях.

Кажется, что мы отклонились от темы, но это не так: строительство Транссибирской железнодорожной магистрали во мно-

Вид села с административным зданием и церковью под Иркутском. Фотография Д. Кеннана. 1885–1886 годы

Татары в деревне под Минусинском. Фотография Д. Кеннана. 1885–1886 годы

гом подвело итог 300-летнему заселению Сибири и Дальнего Востока. К началу XX века здесь жило до 4,5 миллиона русских и «сибиряков» (старожилов края) и полмиллиона коренных народов, которые сумели разделить свою культуру и опыт с опытом европейской цивилизации лишь в XX веке.

Пример Владивостока – одного из самых молодых городов Российской империи, основанного в 1860 году экипажем парусника «Маньчжур», – наглядно демонстрирует нам превращение форпоста в культурный и административный центр. В 1890 году население Владивостока составляло 14 тысяч человек. Кажется, от городка с таким населением нечего и ждать. Но газета «Владивосток» издается с 1883 года, в 1884 году образуется Общество изучения Амурского края, а в 1890-м создается музей Общества. Город стал стартовой площадкой для экспедиций Николая Пржевальского, Владимира Арсеньева. Почти неправдоподобно, что в 1899 году в этом крошечном городке создается Восточный институт. В своем роде институт культурологии. Россия встретила с большими культурами Дальнего Востока... и бросилась их изучать! Прежде всего языки: китайский, японский, корейский, маньчжурский. Во Владивосток переводится база Тихоокеанского военно-морского флота. Неудивительно, что вскоре после революции этот нервный узел быстро восстанавливается и население его в 1926 году исчисляется уже сотней тысяч человек! Нам еще предстоит увидеть, какие плоды принесла Сибирь в русскую культуру: Михаил Лунин и Федор Достоевский здесь обрели свое перо; северные экспедиции Георгия Седова, Владимира Русанова и Александра Колчака вернули героизм и романтизм культуре в момент ее «декаданса», картины Александра Борисова вбрызнули арктический колорит в палитру русской живописи. Но об этом, пожалуй, позже... ❶

ЗДЕСЬ НОЧЕВАЛ КАМЕНЬ МУДРОСТИ

АВТОР

ЛЮБОВЬ РУМЯНЦЕВА

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ХОЛУЙ И МСТЁРА – ЭТО НЕБОЛЬШИЕ СЕЛА В САМОМ СЕРДЦЕ РОССИИ, В ИВАНОВСКОЙ И ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТЯХ. ОТ МОСКВЫ ИХ ОТДЕЛЯЕТ ВСЕГО НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ ЕЗДЫ НА ПОЕЗДЕ, НО ЗДЕСЬ ИНАЯ ЖИЗНЬ И СОВСЕМ ДРУГИЕ ЛЮДИ. ЭТО САМАЯ НАСТОЯЩАЯ РУССКАЯ ГЛУБИНКА, ПРИЧЕМ УНИКАЛЬНАЯ: В КАЖДОМ ДОМЕ ТУТ ЖИВУТ ПОТОМСТВЕННЫЕ ХУДОЖНИКИ – МИНИАТЮРИСТЫ И ИКОНОПИСЦЫ.

ХОЛУЙ И МСТЁРА НАХОДЯТСЯ ВСЕГО В 30 КИЛОМЕТРАХ ДРУГ ОТ ДРУГА, НО УХАБИСТОЕ ШОССЕ ИДЕТ В ОБЪЕЗД, И ПУТЬ ЗАНИМАЕТ ОКОЛО ДВУХ ЧАСОВ. ВСЮ ДОРОГУ МЫ НАХОДИМСЯ В ПРЕДВКУШЕНИИ: ХОЛУЙ – НЕОБЫЧНОЕ МЕСТО СРАЗУ

ПО МНОГИМ ПРИЧИНАМ. ОКРУЖЕННОЕ БОЛОТАМИ, ЛЕСАМИ, ХОЛМАМИ И ПОЛЯМИ СЕЛО СУЩЕСТВУЕТ С XVI ВЕКА, В СМУТНОЕ ВРЕМЯ ЖИТЕЛИ ХОЛУЯ ПРИНИМАЛИ АКТИВНОЕ УЧАСТИЕ В ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЕ. МЕСТНЫХ ЖИТЕЛЕЙ В ОКРЕСТНЫХ ДЕРЕВНЯХ УЖЕ СОТНИ ЛЕТ ЗОВУТ

В БАНКАХ ХРАНЯТСЯ НАТУРАЛЬНЫЕ ПИГМЕНТЫ – ОТ ХАРАКТЕРНОЙ ДЛЯ ЭТИХ МЕСТ ОХРЫ ДО ДОРОГИХ ИНДИГО И КИНОВАРИ

ФАРАОНАМИ – ВО-ПЕРВЫХ, ИЗ-ЗА РЕКИ ТЕЗЫ, КОТОРАЯ КАЖДЫЙ ГОД РАЗЛИВАЕТСЯ В ЛУЧШИХ ТРАДИЦИЯХ ЕГИПЕТСКОГО НИЛА. ЭТА НЕШИРОКАЯ И НА ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД БЕЗОБИДНАЯ РЕЧКА В КОНЦЕ МАРТА ПОДНИМАЕТСЯ ТАК, ЧТО ЗАЛИВАЕТ ПОЛДЕРЕВНИ, И ХОЛУЯНАМ ПРИХОДИТСЯ С КРЫЛЬЦА СРАЗУ САДИТЬСЯ В ЛОДКУ. А ВО-ВТОРЫХ, ЖИТЕЛИ ХОЛУЯ ВСЕГДА ЖИЛИ БОГАТО – «КАК ФАРАОНЫ», ПОТОМУ ЧТО ЗАРАБАТЫВАЛИ СЕБЕ НА ХЛЕБ НЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕМ, А ИКОНОПИСЬЮ. «НЕ ИМЕЯ ХЛЕБОПАШЕСТВА, ОНИ С ПЛУГОМ И С СОХОЮ ВОВСЕ НЕ ЗНАКОМЫ, РЕДКИЙ ИЗ НИХ УМЕЕТ ЗАПРЯЧЬ ИЛИ ВСПАХАТЬ ЗЕМЛЮ, ПОСЕЯТЬ И СОБРАТЬ ХЛЕБ. ГЛАВНОЕ ИХ ЗАНЯТИЕ – ИКОНОПИСЬ. С МАЛЫХ ЛЕТ ДО ГЛУБОКОЙ СТАРОСТИ ЖИТЕЛЬ ХОЛУЯ НЕ РАССАЕТСЯ С КИСТЬЮ», – ПИСАЛ В 1854 ГОДУ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

ции художники переняли у иконописи. Сюжеты на шкатулках могли быть светскими – от сказок и былин до парадов в честь 40-летия ВЛКСМ. Но техника и мастерство оставались прежними, иконописными. Получается, иконописные традиции помогли родиться новому виду искусства – лаковой миниатюре. А лаковая миниатюра, в свою очередь, сохранила и пронесла сквозь советские годы эти традиции, благодаря чему сейчас они не забыты и восстановлены.

ОХОТА ЗА ПИГМЕНТАМИ

Традиции блюдуются свято: несмотря на возможности современных технологий, здесь продолжают писать миниатюры и иконы красками на основе яичного желтка. В одном из кабинетов нам показывают всю технологию изготовления (или, как здесь говорят, творения) яичной темперы.

– Сначала берем яичный желток, добавляем туда воду и несколько капель уксуса, – рассказывает художник и педагог, коренная холуянка Елена Носова. – Раньше добавляли квас. Это нужно для того, чтобы краски дольше хранились. Получается эмульсия. Затем берем пигмент – например, охру – и на стеклянной плите ствариваем краску с помощью куранта. Курант – тяжелый камень, обычно гранитный, им водят по плите, смешивая пигмент с эмульсией. В процессе изготовления темперы много нюансов и секретов: например, курант и плита должны быть «родными» друг другу, иначе камень будет заедать. Получение разных пигментов – непростая задача. Минеральные пигменты покупали, что-то каждый художник добывал сам, «охотясь» по окрестностям, – какие-то корешки, цветы, глину, чтобы потом перетереть их в порошок. Неудивительно, что у каждого мастера палитра красок отличалась от конкурентов. Но творение красок – это еще цветочки по сравнению с изготовлением позолоты.

– Ее делают из листов сусального золота, которые на блюдечке

Готовая яичная темпера хранится в баночках, после работы ее закрывают влажной тканью и прячут в холодильник

Иван Лядов. Секреты мастерства передавались из поколения в поколение, сохранившись и сегодня. В какой дом ни зайдешь, везде будут жить художники, чьи деды и прадеды тоже были художниками. Но мы не стали стучаться во все дома, а направились в Холуйский филиал Высшей школы народных искусств (ВШНИ).

Первое, в чем хочется разобраться: почему получилось так, что Холуй сейчас, наравне с Мстёрой и Палехом, славится во всем мире как центр лаковой миниатюрной живописи, в то время как еще сто лет назад о ней никто и слухом не слыхивал?

– Не было бы счастья, да несчастье помогло, – говорит директор филиала ВШНИ Анна Николаева. – После революции

иконописные мастера оказались никому не нужны. А ведь работать на земле холуяне не умели, да и земля здесь не очень плодородная. Художники бедствовали, пытались найти выход из положения, расписывали коврики, какие-то деревянные площадки, но без успеха. Первыми нашли выход наши соседи в Палехе в конце 20-х годов. Там тоже испокон веков был центр иконописи, и палехские художники придумали создавать лаковые миниатюры на шкатулках из папье-маше, заимствовав эту идею у художников из Федоскина. В начале 30-х годов эту же идею взяли на вооружение в Мстёре и Холуе. Так что искусство лаковой миниатюры еще не вышло из «детского возраста», но все тради-

Урок живописи в Мстёре: студенты рисуют портрет своего однокурсника

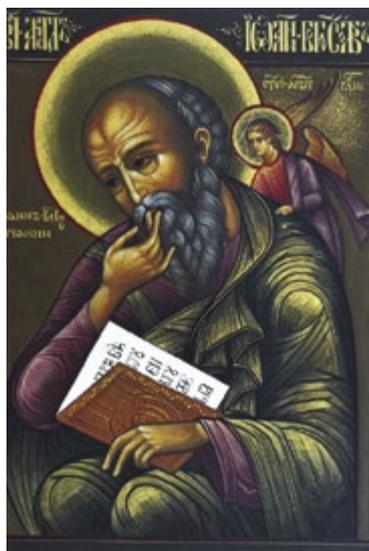
Работа будущих иконописцев кропотливая, требует терпения, выдержки и тишины. Наушники с музыкой не разрешаются

пальцем стваривают с гумми-рабиком в течение часа, – объясняет Елена Носова. – Недаром у всех художников мозоль на пальце! Несколько неверных, слишком сильных движений – и золото может «сгореть» и свернуться в шарик, такой шарик остается только выбросить. Это умение передается от мастера к ученику. Имеет значение даже кожа на пальцах – у некоторых мастеров кожа рук слишком пористая, и стваривать золото они уже неспособны. Полируется золото настоящим волчьим зубом – чтобы блестело.

Результаты трудов: расписанные шкатулки и иконы. Темы могут быть самые разные – от сказок и реалистичных сюжетов до житий святых. Но техника выполнения одна

Холуяне – одни из немногих, кто сохраняет старинные традиции. – Многие художники, претендующие на звание мастеров лаковой миниатюры, предпочитают не возиться с яичными желтками и сусальным золотом, а покупать акриловые краски, – говорит Елена Носова. – Но это грубое нарушение технологии и профанация.

«СТАЛ СТУДЕНТОМ НА СТАРОСТИ ЛЕТ»

В аудитории начинается занятие: студенты рисуют миниатюру на тему «Холуй». Одна работа привлекает взгляд: у реки сидит женщина с девочкой и коляской, на заднем плане – местная церковь. Работа студентки-первокурсницы Вероники Бердник. Маленькая девочка на рисунке – она сама.

– Мой отец был многие годы священником в нашем храме, мы с мамой и младшими детьми – нас в семье семеро – часто гуляли на берегу Тезы, – говорит Вероника. – Вот я и решила взять этот сюжет – здесь прошло мое детство, каждый кустик для меня родной.

Семья Вероники несколько лет назад уехала из Холуя, поэтому девочка успела пожить и в Киеве, и в Москве.

– Города меняют людей, мне было там тяжело, – признается она. – Я иногда даже плакала, так мне хотелось вернуться обратно в Холуй.

История Вероники – скорее исключение, чем правило. Большинство из тех молодых людей, что окончили Холуйское училище и уехали в крупные города за высшим образованием, обратно уже не возвращались. Да и искусство лаковой миниатюры вдали от центра народного искусства забывали, хотя могли стать и художниками, и дизайнерами. Лишь несколько лет назад, когда Холуй стал филиалом петербургской Высшей школы народных искусств, у местной молодежи появилась возможность получить высшее образование по своей специальности.

Одним из первых студентов стал, как ни странно, 50-летний член Союза художников Лев Никонов. Он живет в Холуе более сорока лет, занимаясь лаковой миниатюрой и иконописью. Не раз проходили его персональные выставки, многие его работы находятся в частных коллекциях за границей... До сих пор односельчане не понимают, как он не побоялся «на старости лет» пойти получать высшее образование.

– Когда мне было 20 лет, то высшего образования в нашей области просто не существовало, – говорит он. – Я окончил профтехшколу, и все. Когда выпускники нашего училища защищали дипломы, меня часто приглашали в качестве рецензента. И тут приезжает из Петер-

бурга ректор ВШНИ Валентина Федоровна Максимович и предлагает выпускникам продолжить свое образование, а они молчат, боятся. Тут я возьми и ляпни: а мне, в 50 лет, можно пойти в вуз учиться? Она серьезно отвечает: конечно! Так я и стал студентом – поехал в Петербург, сидел за партой вместе с собственным сыном!

Новое здание Холуйского филиала ВШНИ обещают достроить к лету. Холуяне до последнего не верили, что в их селе и правда построят такие «хоромы»

Льву Леонидовичу пришлось непросто: вытерпеть насмешки односельчан-ровесников, которые за спиной ехидно величали художника «студентом», сдавать зачеты с 18-летними ребятами и быть с ними «своим», оторваться от любимой работы и уехать из тихого и привычного Холуя в суматошный мегаполис.

– Дома у меня идеи для картин рождаются буквально из ничего, – говорит он. – Возвращаюсь с реки, попал под дождь, знакомая при прощании поцеловала в щеку – все, уже есть тема: горячий поцелуй и холодный ливень. А в городе идеи мне даже в голову не приходили. И не придут никогда. Там другая атмосфера. В Петербург лучше приезжать в гости, как в музей. Но творить могу только здесь.

Получив диплом о высшем образовании, Лев Никонов стал преподавать. Студенты его любят – в этом усатом и уже немолодом художнике осталось очень много от озорного мальчишки.

– Мои ровесники-художники надо мной смеялись, а теперь мне завидуют, – говорит он. – Ведь у них не было возможности общаться с профессорами Академии художеств, утвердиться в правильности своих мыслей на темы искусства. Среднее профессиональное образование может научить вершинам мастерства, но высшее позволяет расширить свой кругозор, а это – бесценно.

Секреты холуйских мастеров хотели бы узнать многие молодые художники.

– Нам звонят абитуриенты и спрашивают, можно ли к нам поступить, – говорит Анна Николаева. – Пока нам приходится отказывать иногородним – нет общежития. Но уже в следующем году мы планируем переехать в новое здание, а учебный корпус перестроить в жилой. И тогда старинные холуйские традиции сможет перенимать талантливая молодежь со всей России.

Художник Холуя Лев Никонов и его студенты

«ЛИБО ЗАКРЫВАТЬ, ЛИБО ПОДНИМАТЬ»

Многое не успели мы еще посмотреть в Холуе, а нам уже пора ехать в Мстёру – еще один центр традиционного русского искусства. Расстояние между Холуем и Мстёрой всего 30 километров (еще столько же отделяет эти два центра от третьего – Палеха), а стиль письма совсем иной. Другие переливы цвета, фон, другие сюжеты. Мстёряки, холуйцы и палешане относятся друг к другу как хорошие соседи – любовно и немного ревниво.

– Палех всегда был первым, потому что именно там начали создавать первые работы по лаковой миниатюре, – говорит директор Мстёрского филиала ВШНИ Полина Гусева. – Это самый известный, самый «раскрученный» бренд. Но нельзя сказать, что лучше, а что хуже – все три народных стиля уникальны, ни один из них нельзя потерять или смешать с другим.

Еще несколько лет назад старинные традиции Мстёры были на грани вымирания – некому было передать накопленные поколениями художников знания, потому что учиться никто не шел.

– Здесь было среднее профессиональное училище, в котором учились всего 26 студентов, – вспоминает Полина Гусева. – Во дворе стояла печка, отапливалась какими-то гнилыми досками. Крыша текла, в торце общежития был магазин, а на первом этаже бар с

В Холуе и Мстёре сохранили не только иконописные традиции, но и традиции вышивки – мстёрскую гладь, владимирский верхошов

Каждая работа бесценна: даже на маленький расшитый батистовый платок уходит несколько месяцев работы

шестом, на ступеньках собирались местные алкоголики. Родители с абитуриентами приезжали, видели это безобразие и тут же уезжали. Здесь, как и в Холуе, помимо отделения лаковой миниатюры есть еще отделение художественной традиционной вышивки, так десять лет не было ни одного набора студентов.

Сама Полина Гусева до недавнего времени жила в Петербурге, заведовала кафедрой лаковой миниатюры во ВШНИ и не ведала, что судьба готовит ей роль директора в Мстёре.

– Когда Министерство образования передало Мстёрское художественное училище нашему институту, мы с ректором Валентиной Федоровной Максимович приехали с «ревизией», – говорит она. – Это было три года назад. Увидев плачевное состояние филиала, ректор вздохнула: «Либо закрывать, либо высоко поднимать!» «Конечно, поднимать!» – вскинулась я. Вот и отправили меня «поднимать». Тем более я много лет работала в иконописной мастерской Палеха и не чужая этим местам.

Сама Полина Вадимовна признается, что никто из местных не верил в успех «восстановления» Мстёрского училища. Когда новый директор шла по коридорам разваливающегося здания и вслух размышляла: «Здесь по концепции будет лаборатория, здесь – цеха по производству папье-маше, здесь – столовая для студентов», педагоги лишь крутили пальцем у виска. Но прошло три года – и все воплотилось в жизнь.

– Мы гордимся тем, что создали, – говорит Полина Гусева. – Мы получили лицензию как высшее учебное заведение, в прошлом году филиал был аккредитован на высшее образование и получил право выдавать дипломы. К студентам приезжают преподаватели из Петербурга, они сами ездят туда на курсы лекций. Мы отремонтировали учебный корпус и общежитие, абитуриенты приезжают и ахают – нигде они не видели таких

Шкатулки Палеха, Мстёры и Холуя отличаются друг от друга множеством деталей, но с непривычки в этом сложно разобраться. Нам показывают разницу: по центру – шкатулка из Холуя, справа – из Мстёры.

Директор Мстёрского филиала ВШНИ Полина Гусева – член Союза художников и иконописец

– говорит Полина Гусева. – Наш мастер-навивщик Сергей Куверзанов работал на фабрике мстёрской лаковой миниатюры вместе с отцом, отец умер, сегодня технология папье-маше почти утрачена. Сергей еще помнит, как создавалось настоящее папье-маше. Причем одних знаний для создания шкатулок мало, еще сила богатырская нужна.

Мастер-навивщик Сергей Куверзанов среди картонных листов и болванок для навивки папье-маше

– Смазанный клейстером картон надо навивать руками вокруг болванки в несколько слоев, – рассказывает и показывает мастер. – Три недели заготовка сушится при комнатной температуре, затем пропитывается льняным маслом, потом три недели сушится в специальной печи.

Процесс этот долгий и трудоемкий, но если соблюдать технологию, то получившаяся шкатулка становится прочной как кость.

– Что важно, у настоящего папье-маше нет швов, это единый монолит, – объясняет Полина Гусева. – Сейчас многие мастера от безысходности используют ДВП – древесно-волоконистые плиты. Несколько лет назад был скандал, когда один из миниатюристов продал американскому коллекционеру ларец, сложно расписанный, дорогостоящий. На эти деньги он смог себе построить новый особняк. А ларец через восемь лет просто развалился – расклеился, как карточный домик. Все-таки очень важно соблюдать проверенные временем технологии...

хороших условий. В этом году у нас был конкурс – желающих поступить учиться было больше, чем мест. Причем идут не только на лаковую миниатюру, но и на вышивку. Кстати, в области лаковой миниатюры было защищено шесть диссертаций – впервые в России!

ПОСЛЕДНИЙ ХРАНИТЕЛЬ ТЕХНОЛОГИИ ПАПЬЕ-МАШЕ

Лаборатория по воссозданию технологии создания папье-маше – это отдельная гордость для всего института, ведь подобной лаборатории нет больше нигде в России. – Нам удалось найти последнего обладателя уникального зна-

«СТОИТ ТОЛЬКО УВИДЕТЬ МСТЁРСКИЙ ЗАКАТ!»

Нам повезло – в день нашего приезда проходил просмотр дипломных работ. Свои проекты и эскизы студенты показывали экспертам – в том числе Владиславу Федоровичу Некосову. Каждый местный знает его в лицо, и это неудивительно: его портрет висит на главной площади Мстёры, ведь Владислав Федорович – заслуженный художник России, миниатюрист и иконописец, ювелир и почетный гражданин Мстёры.

Студентка выпускного курса Надежда Жирикова показывает эскиз дипломного проекта – большой и многофигурной иконы.

– Хорошая композиция, она и в цвете поможет, – хвалит ее Владислав Федорович. – Дерзай, удачи в цвете!

К кому-то мэтр не столь благосклонен – советует «изобразить все же настоящую избушку на курьих ножках, а не скворечник», объясняет, что «идея верная, но центр композиции провален». Студенты волнуются, кивают, обещают все к следующему просмотру переделать.

Просмотр дипломных работ в Мстёре комиссией во главе с Владиславом Некосовым

После смотра работ все немного успокаиваются и рассказывают, кто они и откуда. Например, братья-близнецы Максим и Михаил Уколовы – свои, мстёрские. Потомственные художники, пошли по стопам отца. Братья отучились в колледже, потом отслужили год в армии и теперь вернулись получать высшее образование.

– Хотим после учебы открыть с отцом собственную мастер-

скую, писать иконы и миниатюры, – делятся они планами. – Мы никогда и не думали ни о чем другом, кроме как о том, чтобы стать художниками: любовь к живописи у нас в крови. А для художника лучше Мстёры места не найти! Пока были в армии, жили в Подмосковье, и так домой тянуло... Да и кисти в руке не хватало, теперь приходится вспоминать, каково это.

Каждый будущий миниатюрист должен быть прежде всего живописцем

Дипломный проект студентки вышивают целый год

Один из братьев Уколовых: молодые мстёряки мечтают о собственной иконописной мастерской

Надя Жирикова родом из Калининграда – весь курс она училась в Петербурге, а сюда приехала писать свой диплом. – Здесь рисовать в разы лучше, – считает она. – Природа сама помогает, да и изоляция от города. Не пожив здесь, невозможно до конца понять стиль мстёрского письма. Например, теперь я знаю, откуда на работах мастеров такие желтовато-фиолетовые переливы фона: стоит только один раз увидеть мстёрский закат!

ПО СЛЕДАМ ДЖОКОНДЫ

Но нет большего патриота Мстёры, чем Владислав Федорович Некосов. О родных краях он готов рассказывать часами. – Еще Рерих говорил, что в Мстёре ночевал камень мудрости, – говорит художник. – Здесь годами намоленное место. Я, например, в Москве больше трех дней вообще находиться не могу – там вечное «стой-беги», «беги-стой». А здесь... Я как-то ехал за сыном на станцию, вышел на высокое место,

посмотрел в сторону поймы, там знаете какой пейзаж? Как за Джокондой! Смотришь с высоты, а там огромная низина, туманы и солнце встает. Владислав Некосов всю жизнь прожил в Мстёре и очень переживает за сохранение иконописной традиции:

– Я лично слышал, как патриарх Алексей говорил, что в конце XIX века в Мстёре был самый лучший иконописный центр, – рассказывает он. – Наши мастера писали для царской семьи, нигде не владели так золотым письмом, как у нас. Тончайшая работа. А потом в советское время какой-то художественный совет в Москве, не вникая в исторические традиции промысла, распорядился – пусть Мстёра больше золотом не пишет, это будет делать Палех. Теперь надо возрождать это мастерство.

...По дороге на станцию мы остановили машину и вышли еще раз взглянуть на Мстёру – на прощание. Знаменитый закат нам увидеть не удалось, но от вида на раскинувшуюся реку, монастырь и леса захватывает дух. И поневоле начинаешь верить, что именно в Мстёре ночевал камень мудрости и что здесь Леонардо да Винчи вполне мог написать свою Мону Лизу. Да и становится совершенно понятно, почему испокон веков мстёрские жители всю жизнь не выпускали кисти из рук. ❧

21-летний студент Анатолий Мясников учился и на повара, и на экономиста, но почувствовал в себе тягу к иконописи

АВТОР

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ЭТО ПРИЗЕМИСТОЕ ОДНОЭТАЖНОЕ СТРОЕНИЕ НА ОКРАИНЕ ВОЛОГДЫ, ПОХОЖЕЕ НА СТАРИННЫЙ ЛАРЕЦ, ГОРОЖАНЕ ЕЩЕ В XVIII ВЕКЕ ПРОЗВАЛИ ПЕТРОВСКИМ ДОМИКОМ. В ЭТОМ ГОДУ ИСПОЛНИЛОСЬ 130 ЛЕТ С ТЕХ ПОР, КАК В ДОМИКЕ РАЗМЕСТИЛСЯ МУЗЕЙ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ОДНОМУ ИЗ САМЫХ ВЫДАЮЩИХСЯ РОССИЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ – ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ.

ОН БЫВАЛ ЗДЕСЬ КАК минимум пять раз, в том числе с супругой Екатериной. А однажды даже ночевал. И хотя музей не может похвастаться обилием подлинных экспонатов и богатой экспозицией, однако здесь очень отчетливо понимаешь, насколько был прост и непритворлив император в быту.

В ГОСТЯХ У ГУТМАНОВ

«Хозяин» Домика Петра, то есть заведующий музеем Виктор Лисицын, встречает гостей в костюме XVIII века, сшитом в местном драматическом театре. Камзол, кафтан, треуголка... Брюки и обувь, правда, современные – для удобства передвижения. «Я изображаю человека той эпохи, хозяина дома, но посетители принимают меня за самого Петра I, хотя мы с ним ничуть не похожи», – смеется он.

До того как стать «Петром», Виктор Лисицын был известен в среде коллег-музейщиков под прозвищем Игумен: многие годы он возглавлял музейный объект «Спасо-Прилуцкий монастырь» и задолго до перестройки заменил там «историко-атеистические» экскурсии «православно-архитектурными». В зеленом кафтане Петровской эпохи он ходит уже двадцать

Виктор Лисицын возглавил музей Петра I в разгар 90-х годов

лет. Об истории музея рассказывает посетителям так, будто вспоминает былые дни. «Видите реку Вологду? – кивает он в окно на узкую полосу водоема, который сегодня бороздят разве что лодки – моторные и весельные, деревянные и резиновые. – Во времена Петра I наша река была стратегически важной в мореплавании и судостроении России». Эта важность реки Вологды и стала причиной того, что император нередко бывал на ее берегах.

До появления «окна в Европу», прорубленного Петром на Балтике, торговля Руси с Западом шла через Север. Путь на континент проходил через Белое море, а Москву с Архангельском как раз и связывала река Вологда. Товары из столицы везли по суше до Вологды, здесь перегружали на суда и доставляли в Архангельск. Это сделало Вологду крупным торговым центром, перевалочной базой международного значения. Плохие дороги и суровый климат нередко заставляли купцов пережидать до благоприятной погоды в Вологде. На ее улицах можно было услышать английскую, немецкую и голландскую речь, многие зарубежные купцы открывали представительства или селились здесь. По дан-

ным историков, в конце XVII века в Вологде постоянно проживало до сорока голландских семей, пять английских, столько же немецких, а кроме того, семь семей числилось под неопределенной формулировкой «иноземные гости».

Среди вологжан иноземного происхождения были и братья-голландцы Иван и Адольф Гутманы, которые разбогатели на торговле аптекарскими товарами. Бывая в Вологде, Петр I всегда останавливался в их небольшом домике, расположенном в слободе Новинки, населенной преимущественно иностранцами. Землю под домик и хозяйственные постройки (шесть амбаров, конюшня, лавка и пр. – Прим. авт.) Гутманы взяли в аренду на пятьдесят лет за «полуберемennую бочку вина», то есть за 20 ведер напитка и с выплатой 8 рублей ежегодно.

Надо сказать, что на стыке XVII и XVIII веков Вологда уже была крупным городом, и местные власти могли предоставить более комфортное помещение для остановки и проживания первого лица государства. И наверняка предлагали. Но жилище Гутманов отчего-то было императору дороже любых палат. «Петр и братья Гутманы познакомились еще в Голландии, куда царь ездил учиться судостроению и прочим наукам под именем Петра Михайлова, – рассказывает Виктор Лисицын. – С ним ездило и посольство, не одна сотня человек. Видимо, не рассчитали средства,

В музее рассказывают и об окружении Петра I, которое, возможно, также бывало в доме Гутманов

Надпись на фляге солдата петровской армии гласит: «Пей вино анисовое, да ума не пропей»

проели казну. Известно, что Петр вынужден был занимать деньги, и Гутманы оказали ему эту услугу – ссудили более 3 тысяч рублей и 10 тысяч талеров. Наверное, эти остановки в вологодском доме Гутманов были ответной благодарностью Петра за помощь и свидетельством особой милости царя семье голландских купцов».

МУЗЕЙНЫЕ МЫТАРСТВА

Впервые Петр посетил Вологду в 1692 году в возрасте 20 лет – приезжал на расположенное неподалеку Кубенское озеро посмотреть, подходит ли оно для строительства флота. В архиве значится, что прибыл он в сопровождении Меншикова и потешных полков. Кубенское озеро было отвергнуто за мелководность – пятиметровую глубину, необходимую для судостроения (в том числе потешного), нашли аж в сотнях метров от берега. Но кубенская рыба нельмушка, из которой для гостей сварили уху, молодому Петру понравилась, и местные рыбаки вмиг стали поставщиками царского стола. Таков был итог первого визита Петра в Вологду.

Прочие приезды царя были связаны с торговыми и судостроительными вопросами (по пути в Архангельск и обратно), кроме одного – в марте 1724 года Петр ехал из Архангельска в Москву через Вологду вместе с женой Екатериной (в мае того же года Екатерина будет коронована как соправительница. – Прим. ред.). Супруги провели в городе более суток и ночевали в домике Гутманов.

Кстати, голландские купцы навсегда покинули Вологду в 1731 году, и тут не обошлось без участия их друга Питера. Ведь благодаря военным победам и «прорубленному окну» торговля с Европой пошла через Балтийское море, и Вологда потеряла свое стратегическое значение...

О «домике Петра», как называли это здание в Вологде еще со времен визитов императора, вспомнили в 1872 году. Страна широко праздновала 200-летие со дня рождения Петра Великого, и Вологда решила не оставаться в стороне от государственных торжеств. Тем более что к этому имелись исторические основания. Поставить памятник? Банально. Уже в ту эпоху их было множество (сегодня памятников Петру, по подсчетам Виктора Лисицына, в России более 80. – Прим. авт.). Тут и вспомнили про чудом уцелевший домик голландских купцов Гутманов. В 70-е годы XIX века он принадлежал купцу Витушечникову и использовался как склад. В музее можно увидеть, как выглядело здание до петровского юбилея: ветхое, с дырявой крышей, вот-вот развалится. Городские власти приняли решение выкупить дом за 4 тысячи рублей и отреставрировать. «Город не только обрел музей, но и сохранил одно из старейших своих зданий, – говорит Виктор Лисицын. – Согласно описи, в Вологде сохранились всего четыре памятника XVII века». Реставрация заняла тринадцать лет, музей был открыт в 1885 году, на церемонии открытия торжественную речь произнес великий князь Владимир Александрович.

Уцелел дом Гутманов и после революции. Новые власти долго не могли решить: зачислить Петра в цари-узурпаторы или сделать исключение? В итоге бюст царя снесли, а музей работал до 1923 года. В конце концов экспозицию перевели в краеведческий музей, а в петровском домике сначала располагался картофелетерочный завод, а потом сапожная мастерская. Война и патриотический подъем помогли Петру вернуться в домик, музей открылся вновь в 1944 году.

С БОРОДОЙ, НО БЕЗ НАЛОГА

Еще купец Витушечников снес в доме Гутманов все внутренние перегородки, лишив здание комнат. Подробных данных о планировке этого дома не сохранилось, в описании он именуется «палатой о трех жителях». Исследование стен, чертежи похожих строений той же эпохи и здравый смысл позволяют предположить, что в доме были гостиная, спальня, кухня и сени. Как все это помещалось здесь, невозможно представить. Спальня, где ночевали Петр с супругой, не могла быть более 10 квадратных метров. Тесновато для царя, чей рост превышал 2 метра...

«Не секрет, что при таком росте Петр любил все маленькое, на это многие обращали внимание, – говорит заведующий музеем. – Я специально изучал этот вопрос и нашел немало подтверждений тому, что это так. Не только в походах и поездках, но и в некоторых из его петербургских дворцов встречаются полутораметровые кровати. Получается, спал согнувшись».

В петровском домике рост введен в культ. Первый экспонат, который видит посетитель, – подлинное платье Петра Великого. Его передал музею Эрмитаж в 1955 году к очередному юбилею. «Я неоднократно держал в руках одежду Петра, и это поразительно, каким худым он был при таком росте, – говорит Виктор Лисицын. – Не верится, что

Пушек Петровской эпохи в Домике Петра великое множество – на улице и в экспозиции

одежда таких пропорций была в пору живому человеку».

Рослых посетителей Виктор Лисицын не просто приветствует по-особому, он их фиксирует в специальной книге. Над входом (к слову, очень низким) повешен незаметный колокольчик на высоте 2 метров. Задели его макушкой – пожалуйста расписаться в книге высоких гостей императорского дома. Судя по количеству записей, за последние десять лет в музее побывала пара баскетбольных команд.

Колокол совершенно иного рода встречает далее посетителей в музейном зале: этот плоский кусок железа с клеймом «1706 г.» – било. Когда у церковью

по указу Петра забрали часть колоколов для литья пушек, то вместо них стали пользоваться билами: их звук заменял колокольный звон. Ударить в било в музее уже много лет не позволяют – стены трясутся, и прохожие пугаются. Хотя, несмотря на возраст и слой ржавчины, било находится в рабочем состоянии. А вот – два голландских стула 1704 года, хрустальный кубок Александра Меншикова, зеркало с законами, выставившееся на стол во время заседаний различных правительственных органов, солдатская фляга с надписью «Пей вино анисовое, да ума не пропей», мушкет и алебарда, а также отпечаток руки Петра Великого.

Многословные повествования о внешнеполитических свершениях царя и деталиные обсуждения его реформ Виктор Лисицын, гид и автор экскурсий последних двадцати лет, оставил большим государственным музеям. А он в своем домике тешит посетителей байками о Петровской эпохе – о зарплатах и ценах, о налоге на бороду и рационе питания. Рассказы о том, что корова стоила рубль, а на копейку покупали три буханки хлеба, и о том, что жен награждали орденами за достижения мужей, гости слушают очень внимательно.

Как утверждает Виктор Лисицын, это тот самый кубок, который был преподнесен А.Д. Меншикову, после того как он с отрядом русских воинов добил шведов в финале Полтавской битвы. На кубке выгравировано: «Виват князь Александр Данилович!»

«Посмотрите на этот жетон с изображением усов и бороды – это бородовой знак, – говорит Лисицын. – Он свидетельствовал о том, что налог на бороду уплачен и его обладатель имеет право не сбрасывать растительность на лице. Обычно в жетоне пробивали дырку и носили на шее. Когда я это рассказываю, экскурсанты, случается, подкалывают: мол, где же ваш знак? Я отвечаю, что мою бородку в петровские времена разрешили бы носить и без налога».

ПРОСТО И НЕПРИТЯЗАТЕЛЬНО

«То, что Петр Великий останавливался у друзей-купцов, говорит о том, как в те времена организовывались визиты и передвижения первого лица, – рассказывает Виктор Лисицын. – Известно, что Петра всегда сопровождала свита, но разместить большую охрану в таком доме, как у Гутманов, физически невозможно. Но планов царя останавливаться именно здесь это не нарушало. Наверное, в этом можно увидеть простоту и неприязнательность Петра».

Простота и неприязнательность в сегодняшнем музее истинно петровские, роскоши здесь нет и в помине. В штате музея всего два сотрудника – заведующий

(он же экскурсовод и научный работник) и кассир (она же смотритель и уборщица). Нередко Виктор Лисицын превращается в водовоза, и жители окрестных домов видят из окон человека в зеленом кафтане старинного кроя с ведрами в руках. В музее нет водопровода, и воду для уборки приходится носить из соседнего здания.

Музей расположен в тихом районе, посреди парка. Посетителей немного, случаются дни и вовсе без гостей. Сюда в основном приходят школьники, молодожены и иностранцы. «Американцы заходили, немцы, шведы, голландцы, – загибает пальцы Виктор Лисицын. – За рубежом Петра Первого хоро-

Виктор Лисицын нередко ведет с посетителями споры о личности Петра Великого

Голландские стулья с гравировкой «А.Г.» («Адольф Гутман») и гербом голландской королевы – старейшие экспонаты музея и, возможно, помнят Петра

шо знают, поэтому наш музей интересует их больше остальных. Со шведами, помню, говорили про русско-шведскую битву под Нарвой – Петр признал поражение, но также признал, что стрельцами войны не выигрываются, необходимо учиться воинскому делу и создавать армию. Гости из Голландии расшифровали мне надписи и знаки на стульях, которые остались от Гутманов, нашли здесь герб голландской королевы».

За королевскими ощущениями едут в музей и молодожены с гостями. Виктор Лисицын еще в 90-е годы, когда музею приходилось выживать, разработал специальную программу для брачующихся. Половина Вологды имеет в свадебных альбомах снимки на фоне портрета Петра Великого, а на стене – поздравительную грамоту с его подписью. «В жизни и деяниях Петра можно найти много темных пятен и прочего странного, – неожиданно серьезно говорит Виктор Лисицын. – Но его свершения на государственном поприще принесли огромное благо России, и это невозможно оспорить. А пытаются, знаете. Иногда приходится вступать в исторические споры, защищать Петра. Уговариваю себя не поддаваться эмоциям и не реагировать на уничижительные реплики в его адрес, но не могу удержаться. Особенно в конце 90-х годов пришлось тяжеленько. Каждая вторая экскурсия оканчивалась тем, что кто-нибудь произносил: «Царь, реформатор... На кой черт эти реформы, лучше бы народ накормил сперва, а потом за реформы брался». В последние годы Петр I снова герой и снова любимый монарх. Посмотрите, что сегодня утром в книге отзывов написали, вот: «Спасибо, что бережете память о великих людях великой России».

Виктор Лисицын светится от счастья, а я промахиваюсь взглядом и читаю соседнюю запись того же утра: «Больше всего мне понравился кораблик. Андрюша, 6 лет». ❶

MORBUS ROSSICA

АВТОР
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

ЗАМЯТИН, КАК И МНОЖЕСТВО ДРУГИХ РУССКИХ ЛИТЕРАТОРОВ, – ИЗ ПОПОВИЧЕЙ. ОТЕЦ ЕГО БЫЛ СВЯЩЕННИКОМ В ЛЕБЕДЯНИ, НА ДОНУ, – ТОГДА ЭТОТ ГОРОДОК БЫЛ В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ, ТЕПЕРЬ В ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ. ОГРОМНЫЙ СОБОР, ДВУХЭТАЖНЫЕ ДОМИШКИ, САДЫ, ПАЛИСАДНИКИ, КУРЫ НА УЛИЦАХ – ТИХИЙ ГОРОДИШКО РУССКОГО ЮГА. ЛЕТОМ – ПЫЛЬНЫЙ, В МЕЖСЕЗОНЬЕ – ГРЯЗНЫЙ, СОННЫЙ И ДИКИЙ, КАК ГОГОЛЕВСКИЙ ГОРОД И, КАК ГОРЬКОВСКИЙ ОКУРОВ, КАК ГОРОД КАЛИНОВ У ОСТРОВСКОГО – ИМЕННО ЗДЕШНИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ЛЕГЛИ В ОСНОВУ ЗАМЯТИНСКОГО «УЕЗДНОГО», ЖУТКОЙ В СВОЕЙ ОБЫДЕННОСТИ ИСТОРИИ ИЗ ЖИЗНИ ТАКОГО ГОРОДКА.

Е. И. Замятин.
1920-е годы

ДОМ, ГДЕ ЖИЛИ ЗАМЯТИНЫ, – одноэтажный, деревянный, с резными наличниками и палисадом – сохранился, сейчас в нем музей. А вот сад не сохранился.

Отец, Иван Дмитриевич, служил в соборе Покрова Пресвятой Богородицы. Про маму, Марию Александровну, Замятин говорил, что она была хорошей музыкантшей, а сам он «рос под роялем». Читать Евгений научился рано, в 4 года уже читал Гоголя. Ребенком он был одиноким, рос почти без товарищей, которых ему заменяли книги. А вокруг – «уездное – окна с геранями, посреди улицы поросенок привязан к кольшку и трепыхаются куры в пыли. Если хотите географии – вот она: Лебедянь, самая разрусская-тамбовская, о которой писали Толстой и Тургенев...».

Детские воспоминания Замятина – темные, таинственные: как потерялся, как мимо дома везли холерных больных... В 8 лет он отправился учиться в лебедянскую прогимназию, где его отец преподавал Закон Божий. Окончив четыре класса, 12-летний Евгений поступил в воронежскую гимназию. Гимназические воспоминания для него окрашены в серый цвет. Гимназия – серая. Одиночество и книги: «До сих пор помню дрожь от Неточки Незвановой Достоевского, от тургеневской «Первой любви». Это были – старшие и, пожалуй, страшные; Гоголь – был другом».

Подросток Замятин – одинокий, думающий, непростой. На ранних фотографиях у него буйная шевелюра, на некоторых уже появляется тот острый, испытующий взгляд искося, каким он смотрит с позднейших своих портретов. «Специальность моя, о которой все знали: «сочинения» по русскому языку. Специальность, о которой никто не знал: всевозможные опыты над собой – чтобы «закалить» себя». Он вспоминает, как в седьмом классе, когда его укусила бешеная собака, две неде-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ли ждал, сбесится он или нет, «чтобы испытать судьбу и себя». Гимназию он окончил с золотой медалью, отправился учиться в Петербург. Замятин был, скорее, гуманный, за сочинения свои получал пятерки и, по собственному признанию, не всегда ладил с математикой. Из упрямства, как сам он говорит, или из склонности ставить над собой опыты он выбрал кораблестроительный факультет Петербургского политехнического института – «самый математический».

Женя Замятин – гимназист. 1898 год

Лебедянь. Большая Дворянская улица. Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

БЫТЬ БОЛЬШЕВИКОМ

«Летом – практика на заводах, Россия, прибаутливые, веселые третьеклассные вагоны, Севастополь, Нижний, Камские заводы, Одесса, порт, босяки, – пишет Замятин в автобиографии. – Лето 1905 года – особенно синее, пестрое, тугое, доверху набитое людьми и происшествиями. Я – практикантом на пароходе «Россия», плавающим от Одессы до Александрии. Константинополь, мечети, дервиши, базары, бело-раморная набережная Смирны, бедуины Бейрута, белый Яфский прибор, черно-зеленый Афон, чумный Порт-Саид, желто-белая Африка, Александрия – с английскими полисменами, продавцами крокодиловых чулок, знаменитый Тартуш. Особенный, отдельный от всего, изумительный Иерусалим, где я с неделю жил в семье знакомого араба». Когда он возвращался домой через Одессу в июне 1905 года, вспыхнуло восстание на броненосце «Потемкин», за которым последовали бунт в порту, пожар, разграбление складов и расстрел толпы. Ошарашенный студент Замятин – «смытый, затопленный, опьяненный толпой – бродил в порту весь день и всю ночь, среди выстрелов, пожаров, погромов». События первой русской революции, сильные и тяжелые впечатления от Кровавого воскресенья в Петербурге и подавления восстания в Одессе, кипящая энергией бунта сту-

денческая среда – все это захватило Замятина: «В те годы быть большевиком – значило идти по линии наибольшего сопротивления; и я был тогда большевиком». В 1906 году он написал будущей жене о тех событиях: «И вдруг – революция так хорошо встряхнула меня. Чувствовалось, что есть что-то сильное, огромное, как смерч, поднимающий голову к небу, – ради чего стоит жить».

Однажды товарищ по партии, заметя за собой слежку, оставил у него дома мешочек с взрывчаткой. Замятин был арестован вместе с несколькими другими членами районного штаба прямо во время совещания. Он успел бросить в форточку записку, адресованную оставшимся на свободе товарищам, с просьбой убрать из его квартиры «все неподобающее». О том, что товарищи выполнили просьбу, он узнал гораздо позже, а до тех пор, сидя в одиночке на Шпалерной, постоянно видел во сне мешочек пироксилина, за который полагалась виселица. «В одиночке – был влюблен, изучал стенографию, английский язык и писал стихи (это неизбежно)», – вспоминал он. Еще в ноябре 1905 года Евгений познакомился с Людмилой Усовой, слушательницей женских медицинских курсов, но женился на ней только в 1917-м. Добавим, забегая вперед, что жена была Замятину верной помощницей; художник Юрий

Политехнический институт в Санкт-Петербурге. Начало 1900-х годов

Анненков, который провел с Замятинскими часть голодного лета 1921 года на Шексне, вспоминал: «Замятин всегда давал ей на прочтение первоначальные наброски своих рукописей, и она неизменно делала казавшиеся ей нужными замечания, которые приводили иногда писателя к некоторым формальным изменениям текста. Затем Людмила Николаевна, прекрасная дактилографка, переписывала окончательный текст на пишущей машинке».

В одиночке Замятин отсидел несколько месяцев, после чего весной 1906 года был выслан из Петербурга в Лебедянь, откуда очень скоро нелегально вернулся в столицу. Он возобновил занятия в институте, где продолжала бурлить политическая жизнь; одно время был председателем совета старост. Несколько лет увиливал от полиции, пытавшейся его выслать.

Ю.П. Анненков.
Портрет
Е.И. Замятина.
1921 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Евгений Замятин
с родителями
и сестрой
Александрой.
Лебедянь.
1904 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Несмотря на свое увлечение политикой, в 1908 году он успешно окончил институт и остался в нем работать на кафедре кораблестроения. «Три следующих года – корабли, корабельная архитектура, логарифмическая линейка, чертежи, постройки, специальные статьи в журналах «Теплоход», «Русское Судостроение», «Известия Политехнического Института». Много связанных с работой поездок по России: Волга вплоть до Царицына, Астрахани, Кама, Донецкий район, Каспийское море, Архангельск, Мурман, Кавказ, Крым», – писал он в автобиографии. В 1911 году его пригласили преподавать на кафедре кораблестроения, но как раз в это время полиция все-таки добралась до него и выслала из столицы.

...СТРАСТНОЕ ИСКАТЕЛЬСТВО ПРАВДЫ...

Замятин начал писать еще в студенчестве. В 1908 году в журнале «Образование» вышел его первый рассказ, «Один». Критика его не заметила, а сам автор всю жизнь стеснялся своего первого детища. Следующие три года, до высылки из Петербурга, он писал, но не печатал написанного: «не то». Нащупывал стиль, искал свою манеру. Поиски были трудными: «...в этом году – высылка, тяжелая болезнь, нервы перетерлись, оборвались. Жил сначала на пустой даче в Сестрорецке, потом, зимою, – в Лахте. Здесь – в снегу, одиночестве, тишине – «Уездное». Вот «Уездное» и сделало Замятина заметной фигурой в русской литературе. История совершенно лишнего этики, на каменную бабу похожего юноши Барыбы рисовала русскую сонную провинцию местом обитания персонажей, фантастических в своем великолепном безобразии, в своей беспробудной дикости. «Алатырь», следующая вещь, выдержана в том же ключе – вроде бы и глупо, почти смешно, а дико, даже страшно.

Молодой кораблестроитель оказался в прозе вовсе не строгим реалистом в традиционном обличительном духе минувшего столетия. Всякий внимательный читатель легко найдет в

Студенческая
сходка
в Политехническом
институте.
Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Иванов-Разумник и Алексей Ремизов. Разумник Васильевич Иванов-Разумник (настоящая фамилия Иванов; 1878–1946) – русский и советский литературовед, социолог, писатель

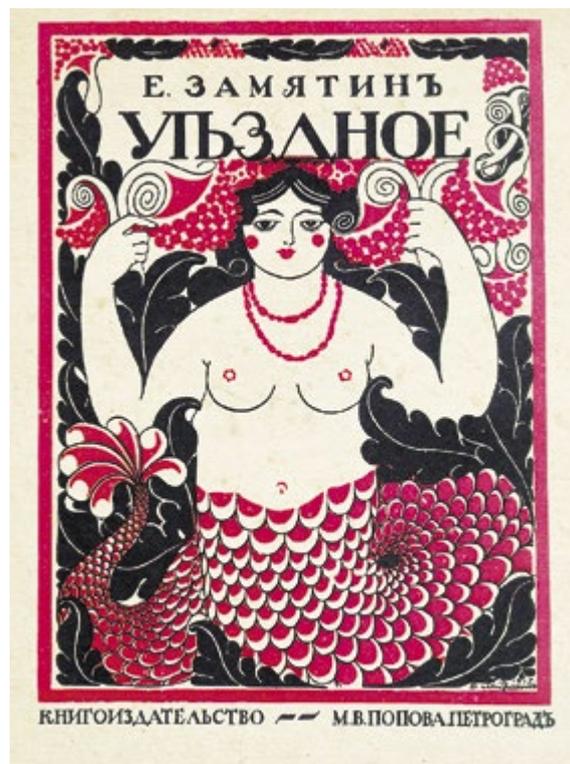
его прозе и гофманианское начало – перекличку с фантастической саркастической гротеском Салтыкова-Щедрина; увидит родство с Лесковым – не только стилистическое, но и тематическое; обнаружит поиски выразительности в общем русле с Ремизовым; заметит соловубовскую желчную тоску «Мелкого беса» – кажется, по страницам «Уездного», по улицам замятинского городка прокатилась серая недотыкомка. И родство с Булгаковым, который еще только появится десятилетием позже, тоже легко различить.

«Уездное» вышло в журнале «Заветы» в мае 1913 года. «Заветы» были журналом народническим по замыслу, но охотно печатали и модернистов; пожалуй, авторов объединял скорее талант, чем направление. Горький и Бунин – но и Сологуб, и Блок, и Гиппиус, и Андрей Белый. Но и Шмелев, и Пришвин, и Борис Зайцев. И Ахматова, и Северянин, и Есенин, и это еще даже не половина списка. Ближе всех в круту «Заветов» Замятину оказались Пришвин и Ремизов; направление их поисков потом будет обозначено термином «неореализм». Филологи спорят, модернистское ли это течение или этап развития реализма (вопрос, кажется, такой же неразрешимый, как и вопрос о том, кто кентавр – человек или лошадь). Ведущий сотрудник «Заветов» Иванов-Разумник, наверное, первым применительно к Замятину заметил, что «реализм

может пользоваться многими техническими завоеваниями модернизма».

Пожалуй, можно найти принципиальное сходство позиции Замятина и с позицией самого Иванова-Разумника (изложенной в нашумевшем очерке «Человек и культура»), в их отношении к русской и западной культуре: для них обоих, людей несомненно принадлежащих к европейской культурной традиции, русская культура – живая, дышащая, озабоченная последними вопросами, западная – мертвая, мещанская. Такой мещанской цивилизацией пред-

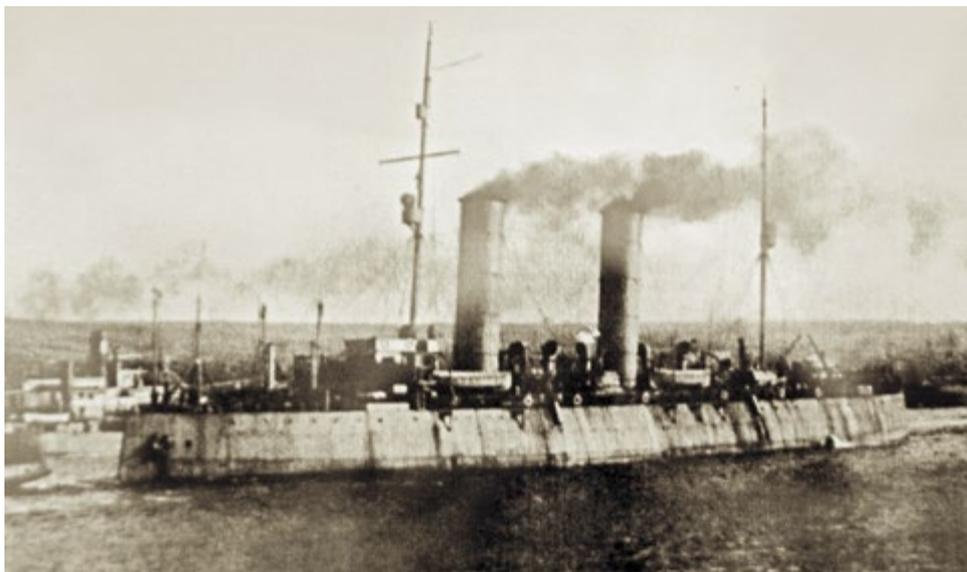
Е.И. Замятин. Уездное. Обложка художника Д.И. Митрохина. 1915 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

стает перед читателем Англия в замятинских «Островитянах» и «Ловце человек», написанных несколько лет спустя в Англии и по английским впечатлениям. И уже в 20-х, говоря о Федоре Сологубе, он опять заговорил об этом, о своем важном: «Если бы вместе с остротой и утонченностью европейской Сологуб ассимилировал и механическую, опустошенную душу европейца, он не был бы тем Сологубом, который нам так близок. Но под строгим, выдержанным европейским платьем Сологуб сохранил безудержную русскую душу. Эта любовь, требующая всё или ничего, эта нелепая, неизлечимая, прекрасная болезнь – болезнь не только Сологуба, не только Дон Кихота, не только Блока (Блок именно от этой болезни и умер) – это наша русская болезнь, *morbus rossica*».

Пожалуй, только больной этой болезнью мог написать знаменитую замятинскую повесть «На куличках» – тоже провинциальную, тоже полную безысходной русской тоски, отмеченную тем же серым следом недотыкомки. Кажется, тон всему рассказу задает фамилия денщика с рыбьими глазами, которого спровадил от себя главный герой Половец, – Непротошнов. То ли не протоснитесь, то ли не про то – и даже «так точно» у него тоже выходит «так тошно». Вроде бы и люди, не лишённые какой-то Божьей искры, – даже самый омерзительный злодей, генерал Азанчеев – и тот «картофельный Рафаэль», вдохновенный творец, когда готовит еду. Но то, что они делают с собой, друг с другом, с окружающими – так тошно, таким оборачивается безобразным мучительством... Один из рецензентов писал: «Со всех страниц немногочисленных произведений Замятина ярко и выпукло проступает негодующий лик нашей родины – больная запутанность русской «непутевой» души, кошмарная и гибельная беспорядочность нашего бытия и тут же рядом жажда подвига и страстное искательство правды...»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Повесть и была написана отчасти «на куличках» – правда, не на востоке, а на юге империи. Вернуться в столицу Замятину разрешили еще в 1913 году, по амнистии в честь 300-летия дома Романовых. Но он заболел, врачи настаивали на переезде в более мягкий климат. В Николаеве Замятин «построил несколько землечерпалок, несколько рассказов и повесть «На куличках»». Повесть должна была выйти в «Заветах» в 1914 году, однако была запрещена цензурой, которая нашла в ней «оскорбление армии» и нарушение «правил приличия и доброй нравственности». Автор был выслан на север, на него завели уголовное дело. Дело тянулось долго – только в начале 1917 года суд оправдал Замятина.

Любопытно, что многие воспринимали замятинский стиль как непосредственную манеру выражаться глубокого провинциала; Блок при встрече удивлялся: представлял его себе земским доктором с бородой, а оказался «англичанин... московский».

В 1915 году Замятин, которого врачи совсем недавно отправляли на юг, оказывается в Кеми и на Соловках; северные впечатления отразятся потом в нескольких его рассказах. Но Север наделяет его на всю жизнь грудной жабой – стенокардией, от которой он потом и умер.

АНГЛИЧАНИН

В марте 1916 года его, квалифицированного кораблестроителя, отправили в Англию, где строили корабли для воюющей России. Замятин потом с гордостью перечислял названия кораблей, которые он строил, среди них знаменитые ледоколы «Святой Александр Невский» и «Святогор», будущие «Ленин» и «Красин». В 1932 году Замятин с любовью рассказывал о них в эссе «О моих женах, о ледоколах и о России» (две жены – это техника и литература).

Замятин превратился в совершеннейшего англичанина: безупречная внешность, невозмутимость, вечная трубка во рту. В темном Лондоне, под грохот ночных бомбежек он писал своих «Островитян» – и это был совсем новый поворот в его работе. Николай Ашукин замечал: «В этой повести Замятин нашел свой стиль. <...> Замятин мог возникнуть только в современности. Динамика современности создала легкие, стремительные ритмы его прозы, красочный импрессионизм образов». Поэт Оцуп вспоминает о замятинском чтении новой повести в послереволюционном Петрограде: «Слушали, затаив дыхание. Потом устроили ему овацию. Ни у одного из выступавших в тот вечер, даже у Блока, не было и доли того успеха, который выпал Замятину. Чуков-

Ледокол
«Святогор».
1917 год

ский носился по залу и говорил всем и каждому: Что? Каково? Новый Гоголь. Не правда ли?» Удивительно, но на этого нового, европейского Замятина критики смотрели с некоторой опаской. Если раньше считалось, что Замятин «из прерусских русский», то теперь в нем все чаще видели насмешливого, отстраненного европейца. Хотя и матерая русскость Замятина, и его интеллектуальный европеизм, и его мастерские стилизации под старинные летописи и легенды – просто разные грани таланта. Он не пишет, «как дышит» – он пишет, как слышит, а слух у него отменный. Это позволяет ему писать об иноке Эразме слогом средневекового летописца, а о солдате Чурыгине – языком, который потом назовут зощенковским. У него нет узнаваемого замятинского стиля – стилистика всякий раз определяется творческой задачей.

Впрочем, как справедливо пишет Джули Кергис, после революции критиков больше занимала не стилистика Замятина, а «его позиция в отношении большевиков».

Узнав об Октябрьской революции, Замятин поспешил вернуться в Россию. Революцию он принял восторженно: казалось, впереди что-то новое и небывалое: «Веселая, жуткая зима 17–18 года, когда все сдвинулось, поплыло куда-то в неизвестность. Корабли дома, выстрелы, обыски, ночные дежурства, домовые клубы. Позже – бестрамвайные улицы, длинные вереницы людей с мешками, десятки верст в день, буржуйка, следки, смолотый на кофейной мельнице овес. И рядом с овсом – всяческие всемирные затеи: издать всех классиков всех времен и всех народов, объединить всех деятелей всех искусств, дать на театре всю историю всего мира. Тут уж было не до чертежей – практическая техника засохла и отломилась от меня, как желтый лист (от техники осталось только преподавание в Политехническом институте)». В «Воспоминаниях о Блоке» Замятин писал об этом

Е.И. Замятин
в своем
кабинете.
Ленинград.
1928 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

Герой Замятина в это время – еретик, идущий против инквизиции с ее правилами и запретами, человек ищущий и свободный; таков его Рюи в «Огнях святого Доминика», пьесе, созданной в 1921 году.

Он участвует в попытке издавать «Литературную газету»; пишет для нее статью «Пора»: «Пора снять с печати осадное положение. Свобода печати <...> будет самым убедительным доказательством, что власть действительно верит в себя и в свою прочность». Власть запретила газету сразу, на первом номере. Затем был журнал «Русский современник», запрещенный после четвертого номера, и «Современный Запад», еще одна обреченная попытка восстановить разрушенную культурную связь с миром.

Уже к 1920 году, вероятно, был написан роман «Мь»: журнал «Жизнь искусства» сообщал в это время: «Е.И. Замятин написал большую повесть, но, при существующих условиях, не надеется вскоре увидеть ее в печати». Роман (не повесть) читали коллеги – и не приняли, не одобрили, восприняли как клевету на социализм. Чуковский писал, что роман бьет по фурьеризму, а не по коммунизму, Горький сказал «отчаянно плохо» и «гнев старой девы», Пришвин считал, что Замятин «привел идею социализма к абсурду», и назвал роман обывательским памфлетом. Общее мнение, пожалуй, складывалось однозначное: Замятин – обыватель, который ничего не понял в величии русской революции. Сам он писал в 1932 году, что слышал на Кавказе басню о петухе, который пел на час раньше других; хозяину это было так неудобно, что петуху отрубили голову. Он сравнивает свой роман с этим петухом: «Этот вопрос и в такой форме поднимать было еще слишком рано, и поэтому после напечатания романа (в переводах на разные языки) советская критика очень даже рубила мне голову». Первая антиутопия, первое

времени: «Три года затем мы все вместе были заперты в стальном снаряде – и во тьме, в тесноте, со свистом неслись неизвестно куда. В эти предсмертные секунды-годы надо было что-то делать, устраиваться и жить в несущемся снаряде. Смешные в снаряде затеи: «Всемирная Литература», Союз Деятелей Художественного слова, Союз писателей, Театр...» Замятин принимает участие во всех «затях»: работает в горьковской «Всемирной литературе», возглавляя вместе с Чуковским англо-американский отдел, участвует в бесконечных заседаниях, обсуждает издательские проекты. Свою литературную позицию он формулирует просто: «Вся литература всегда о завтра и во имя завтра, и этим определяется отношение ее к вчера, к сегодня. И от этого она всегда – ересь, бунт». Это из его манифеста, написанного для журнала, который должен был называться «Завтра» и посвящаться борьбе за культуру и восстановлению порванных связей с Западом. Журнал не вышел.

Замятин возглавлял отделение прозы в открытой при «Всемирной литературе» студии перевода; довольно скоро вокруг него собрался кружок талантливых молодых прозаиков, которые называли себя «Серапионовыми братьями». Он читал лекции на кафедре Дома искусств – еще одного горьковского детища, призванного спасти остатки

культурной жизни Петрограда, да и просто жизнь литераторов. Затем появился журнал «Дом искусств», в первом номере которого Замятин выступил с программной статьей «Я боюсь», где предупреждал об опасности чиновничьего руководства литературой: «Я боюсь, что настоящей литературы у нас не будет, пока не перестанут смотреть на демократический, как на ребенка, невинность которого надо оберегать. Я боюсь, что настоящей литературы у нас не будет, пока мы не излечимся от какого-то нового католицизма, который не меньше старого опасается всякого еретического слова. А если неизлечима эта болезнь – я боюсь, что у русской литературы одно только будущее – ее прошлое».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Ю.П. Анненков.
Рисунок
к рассказу
Е.И. Замятина.
1921 год

М.В. Добужинский.
Портрет
Е.И. Замятина.
1921 год

предупреждение об опасности тоталитаризма, никем тогда не воспринятое всерьез; оценил разве что Оруэлл, который впоследствии воспользовался многими замятинскими находками. Замятина едва не выслали на «философском пароходе» в 1922 году. Троцкий тогда назвал его «внутренним эмигрантом». В созданном ГПУ в августе 1922 года «Списке антисоветской интеллигенции г. Петрограда» Замятин значился под девятым номером как «скрытый заядлый белогвардеец». В ночь на 17 августа Замятина арестовали; его должны были выслать, но вступился редактор «Красной нови» Воронский, и Замятина оставили на родине, а 7 сентября освободили и отменили высылку «впредь до особого распоряжения». Сам он был недоволен таким поворотом дела: он уже всерьез думал об отъезде. В 1924 году роман «Мы» был опубли-

кован на английском языке; отдельные главы на русском языке вышли в 1927-м без ведома автора в чешском журнале «Воля России»; с этого момента началась травля Замятина. В 1929 году он вместе с Пильняком стал одной из мишеней оголтелой рапповской критики.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Б.М. Кустодиев.
Лекарь-аптекарь
и второй Халдей.
Эскиз костюмов
к постановке
Е.И. Замятина
«Блоха»
по рассказу
Н.С. Лескова
«Левша».
1925 год

Афиша
«Театрального
матча» –
публичного
спора на тему
«Роль автора
и режиссера
в театре»,
с участием
Е.И. Замятина.
22 февраля
1925 года

Евгений Иванович был объявлен врагом; его пьесы были сняты с постановок, книги запрещены к выдаче в библиотеках, издание собрания сочинений приостановлено, издательства, которые принимали к печати его произведения, критиковали за политические ошибки. В своем заявлении в Совнарком в 1929 году Замятин жаловался, что «контрреволюцию» находят даже в его дореволюционных текстах, а критика его называет классовым врагом, кулаком, махровым реакционером и даже шпионом. Сам он был занят созданием масштабной пьесы «Атилла» и романа «Бич Божий» – о нашествии варваров и падении Римской империи. В замятинских текстах о закате Рима отчетливо видна советская Россия времен Гражданской войны – нашествие диких людей в тулупах, все ожидают бедствий, крестьяне не сеют хлеб, люди стекаются в церкви молиться... Но чего-то главного он не успел сказать в этих масштабных апокалиптических текстах – не прозвучали они, не выстрелили так, как внезапно выстрелил в перестройку роман «Мы». Пьеса «Атилла» была запрещена. От Замятина требовали покаяния, отказа от идей, выраженных в романе «Мы» (он недоумевал: «То, что сделано, что существует, – объявить несуществующим я не могу»). Он попросил о разрешении выехать за границу сроком на год: «При создавшемся положении продолжать оставаться здесь – для

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

тервью, что попутчикам переделывать себя в духе требований советской власти очень тяжело. Он не хотел закрывать для себя возможность вернуться. Нина Берберова вспоминала, что он говорил ей о необходимости «не бороться, а притаиться. Чтобы позже жить». Но отложить жизнь нельзя. Берберова написала: «Я вдруг поняла, что жить ему нечем, что писать ему не о чем и не для кого». Бенедикт Сарнов обратил внимание, что и Федин, бывший «серапионов брат», повидавшись с Замятиным во Франции в 1933–1934 годах, сказал по возвращении: если, мол, он не возвратится – «для него все будет кончено, он уже больше не напишет ничего значительного». Но Сарнов уверен: дело тут не в пресловутом отрыве от родной почвы. Нет, права Берберова, сказавшая о Замятине: «Если ты здесь, то скажи об этом громко, не тай, что с тобой случилось, как тебя там мучили, русский писатель, как тебя довели до отчаяния, и сделай открытый выбор». Но он предпочел «не бороться, а притаиться». Он уезжал, чтобы жить литературой, но жил возвращением. Его большая работа «Бич Божий» – тоже была мимо главного, мимо того, о чем он думал, чем жил, чего хотел. Возвращаться было некуда, не на что. Сидеть в Париже, если не писать, незачем.

Он умер весной 1937 года от сердечной недостаточности. *Moibus rossica* настигла и его.

«Литературная энциклопедия русского зарубежья» рассказывает: «Хоронили его 12 марта на кладбище Тие в пригороде Парижа, где находила себе вечный приют русская беднота. На похоронах присутствовали М. Слоним, Р. Гуль, Г. Газданов и М. Цветаева. Шел дождь, никакого церковного отпевания и даже никаких слов. Гроб опустили прямо в воду, залившую могилу. Цветаева о похоронах вспоминала: «Было ужасно, растравительно бедно – и людьми и цветами – богато только глиной и ветрами – четырьмя встречными». ❶

меня означает литературную смерть, молчание. Мне думается, что смертного приговора я все-таки не заслужил, и кое-что – хотя бы в моем прошлом – дает основания этот приговор смягчить». Он писал, что не собирается заниматься политической деятельностью, а хочет продолжать литературную работу и надеется, может быть, стать писателем английским. Ему отказали. Он обратился в ОГПУ к Ягоде. Тоже получил отказ.

В 1930 году вышел том «Литературной энциклопедии», в котором роман «Мы» был назван «грязным пасквилом на социализм».

В 1931 году в Россию вернулся Горький; он посоветовал Замятину обратиться лично к Сталину и даже пообещал, что сам отдаст ему письмо. Замятин писал Сталину примерно то же: «Обстоятельства сложились так, что продолжать свою работу я не могу, потому что никакое творчество немислимо, если приходится работать в атмосфере систематической, год от году все усиливающейся травли». Он настаивал на своем праве говорить что думает: «Я знаю, что у меня есть очень неудобная привычка говорить не то, что в данный момент выгодно, а то, что мне кажется правдой. В частности, я никогда не скрывал своего отношения к литературному раболепству, прислуживанию и

перекрашиванию: я считал – и продолжаю считать, – что это одинаково унижает как писателя, так и революцию». Выезд ему был разрешен. Замятин просил об отъезде на год. Он не отказывался от гражданства. В 1934 году, когда был создан Союз советских писателей, он прислал из Парижа заявление о приеме в его члены; Сталин предложил удовлетворить эту просьбу. В 1935-м Замятин принимал участие в конгрессе, посвященном борьбе за мир, в составе советской делегации.

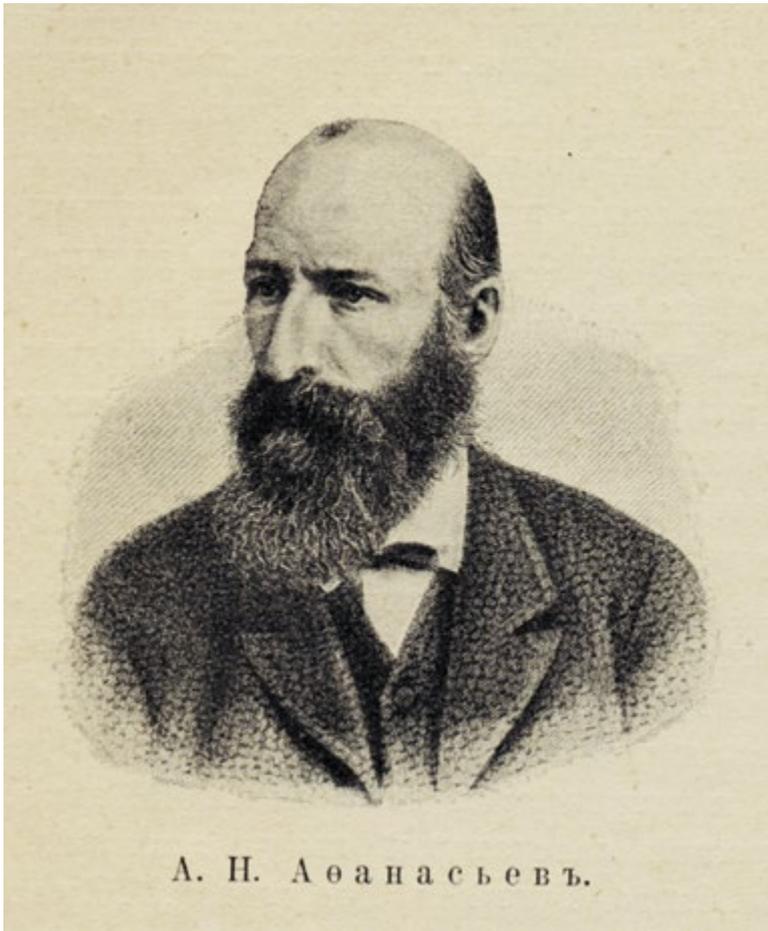
В Париже он писал для французских газет о новой русской литературе. Работал над романом и воспоминаниями. Антисоветских высказываний себе не позволял, хотя и замечал в ин-

Е.И. Замятин
с женой
в эмиграции.
1932 год

Обложка
первого
полного
издания
романа «Мы»
на русском
языке
(Нью-Йорк,
Изд-во имени
Чехова, 1952)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

НАШ ДОБРЫЙ ЗНАКОМЕЦ

АВТОР
ДМИТРИЙ УРУШЕВ*

НАВЕРНОЕ, ЭТУ СТАТЬЮ НАДО НАЧАТЬ ПО-СКАЗОЧНОМУ. В НЕКОТОРОМ ЦАРСТВЕ, В НЕКОТОРОМ ГОСУДАРСТВЕ ЖИЛ-БЫЛ... ВПРОЧЕМ, ПОЧЕМУ – В НЕКОТОРОМ ЦАРСТВЕ? В НАШЕМ ЦАРСТВЕ, В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ ДЕЛО БЫЛО.

В УЕЗДНОМ ГОРОДКЕ Богучаре Воронежской губернии 11 (23) июля 1826 года в семье мелкого судейского чиновника Николая Ивановича Афанасьева родился сын Александр. Впоследствии он напишет об отце: «Отцом мой, хотя сам был воспитан на

медные деньги, но уважал образование в других. <...> Отец <...> любил чтение и постоянно выписывал лучшие журналы. Он справедливо почитался за самого умного человека в уезде...» Николай Иванович служил уездным стряпчим – помощником прокурора по уголовным делам.

Его супруга, Варвара Михайловна, происходила из простолюдинов. В семье было семеро детей – четыре сына и три дочери. Саша стал последним ребенком. Родив его, мать заболела и в конце того же года умерла.

Забота о детях целиком легла на плечи Николая Ивановича. Саше было 3 года, когда семья переехала в уездный город Бобров той же губернии – сюда отца перевели стряпчим. Здесь прошло детство Саши. И когда он вырастет, то запишет: «Отсюда начинаются мои воспоминания».

Ну а наши воспоминания об Александре Николаевиче Афанасьеве начинаются не с 3 лет, а гораздо раньше. Мы с колыбели знаем его. Это наш добрый знакомец с младенчества. Наш Оле Лукойе. Наша Арина Родионовна. Ведь все русские сказки, которые нам читали родители, дедушки и бабушки, все народные побасенки, которые мы прочли сами, все они изда ны Александром Николаевичем. Почти все сборники фольклора, вышедшие в России за последние полтора столетия, основываются на «Народных русских сказках А.Н. Афанасьева». Народными сказками восхищался еще Пушкин. В ноябре 1824 года он писал из Михайловской ссылки брату Льву: «Знаешь мои занятия? <...> Вечером слушаю сказки – и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!»

Народные побасенки собирались и издавались и при Пушкине, и до него. Но это были любительские упражнения счастливых праздных, забавы и досуги пресыщенных литераторов. Афанасьев стал первым серьезным исследователем, издавшим русский фольклор не только по-настоящему научно, но и наиболее полно.

Именно ему мы обязаны сохранением словесного богатства русской души. И, открыв любой современный сборник сказок, мы восхищенно повторяем пушкинские строки:

Мастерица ведь была!
И откуда что брала?
А куды разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины!
Слушать, так душе отрадно.
И не тил бы и не ел,
Все бы слушал да сидел.
Кто придумал их так ладно?

Впрочем, Александр Николаевич, наверное, немало удивился бы, узнав, что в XXI веке его помнят преимущественно как сказочника. А ведь он издавал и народные русские легенды, и редчайшие архивные документы, и исследования по славянскому фольклору. Но все-таки широкому кругу читателей Афанасьев известен как издатель побасенок. И, пожалуй, только ученые-филологи знают его недолгую и непростую жизнь. Она трудна для рассказа, поскольку лишена каких-либо значительных внешних событий.

ОТРАЖЕННЫЙ СВЕТ

Александр Николаевич был благородным и честным человеком. И жизнь он прожил благородную и честную, но скромную. Поэтому мы не находим на ее страницах богатырских подвигов или пылких страстей. В 1855 году Афанасьев написал ценнейшие воспоминания. Он утверждал: «Я убежден, что записки частного человека могут быть весьма любопытны, если он сумеет представить характеристичные черты того об-

щества, какое в разное время окружало его детство, юность и старость». Но, занимательно рассказав о том, что окружало его в детстве и юности, Александр Николаевич почти ничего не поведал о себе.

Афанасьева можно сравнить с луной. Она светит не собственным светом, а отраженным солнечным светом, а отраженным солнечным. Так и герой наш. Его неяркая судьба отразила в себе яркий свет чужих судеб...

С детства Саша любил слушать сказки. А с возрастом полюбил и чтение книг. У отца была порядочная библиотека, оставшаяся от деда, который был членом Российского Библейского общества. Это собрание было составлено «из русских книг; между ними больше всего было переводных романов, но попадались и книги серьезные, исторического и мистического содержания».

Николай Иванович не одобрял увлечения сына. Он считал, что маленький Саша читает книги не по возрасту. Но тайком от отца ребенок уходил на мезонин, где стояли шкафы с книгами, и с восторгом проглатывал все без разбору. Впоследствии сам Афанасьев удивлялся: «Что нравилось в этих книгах, сказать нелегко; <...> Чтение это сменило для меня сказки, которые, бывало, с таким же наслаждением и трепетом слушал я прежде, зимой по вечерам, в углу темной комнаты, от какой-нибудь дворовой женщины».

Читать и писать Саша выучился на дому у одного из преподава-

телей уездного училища. Затем с детьми других чиновников ходил заниматься к двум местным священникам. «Это учение мне очень памятно, хотя из него вынес я очень немного. <...> Они выучили меня бегло читать по-русски и по-латыни, познакомили с десятками двумя латинских слов, несколько с арифметикою и священною историею, и только».

Николай Иванович хотел дать детям хорошее образование. Но когда увидел, что платит учителю в месяц по золотому, а толку от поповского учения ни на медный грош, то оставил Сашу дома. К нему стал ходить преподаватель из уездного училища, занимавшийся с мальчиком немецким языком.

В 1837 году Сашу отправили учиться в Воронежскую губернскую мужскую гимназию. Ей посвящено множество страниц в воспоминаниях Афанасьева. Но мы пропустим их. Герой наш не полюбил ни гимназических учителей, ни их науки. «Розги и своеручная расправа, не щадившая ни волос, ни ушей виновного, почитались необходимыми атрибутами учения. Корень его действительно был горек».

А каковы были плоды этого учения, можно понять по тому, что в 1844 году Афанасьев с трудом поступил на юридический факультет Московского университета: «Вступительный экзамен я выдержал пополам с грехом». В ту пору попечителем университета был граф Сергей Григорьевич Строганов. Инспектором – Платон Степанович Нахимов, брат прославленного адмирала. Инспектор любил студентов как своих детей. И они отвечали ему взаимностью, хотя за глаза шутливо называли «Флакон Стаканыч», намекая на его любовь к крепким напиткам. Настоятелем университетского домового храма, а заодно профессором богословия и церковной истории был протоиерей Петр Матвеевич Терновский. Именно ему довелось в 1852 году в университетской церкви Святой Татианы отпевать Гоголя.

Город Богучар
Воронежской
губернии.
Дворянская
улица.
Начало XX века

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ГОДЫ

Воспоминания Афанасьева об университете чрезвычайно любопытны. Остановимся на них. Студенты делили всех преподавателей на любимых и нелюбимых. Лекции любимцев посещались охотно: «Занять место на передней лавке, поближе к профессору, считалось весьма важным делом. Как рано, бывало, приходили мы для того в университет! Иногда толпою ожидали, когда солдат отворит в определенное время дверь аудитории, и тогда все наперебой бросались занимать места <...> Не успевшие занять места на передних лавках усаживались на ступенях профессорской кафедры».

Любимые преподаватели – молодые историки Сергей Соловьев и Тимофей Грановский. О лекциях Соловьева Афанасьев вспоминал: «Соловьев блистательно начал свое учебное поприще. Лекции его отличались и свежестью взгляда, и фактической полнотою». Впрочем, со временем у историка нашлись недостатки: «Соловьев самолюбив до излишка. С какою-то странною гордостью уверяет он, что критик на себя большею частью не читает. Еще не было примера, и вероятно не будет, чтобы он сознался в самой очевидной ошибке. И ради этой ложной щепетильности готов на всевозможные натяжки».

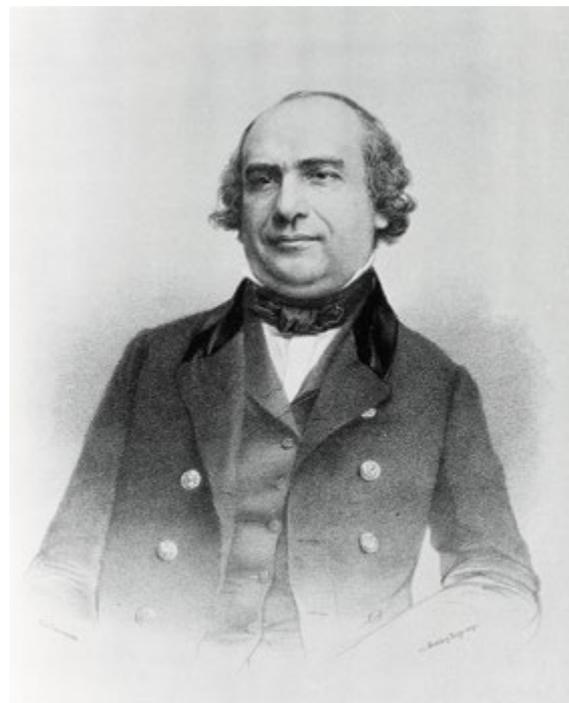
О Грановском Афанасьев писал: «Любимый и наиболее известный профессор Московского университета. Наделенный от природы счастливым талантом, он остроумен, любезен и обладает умением излагать свои рассказы в оживленных и картинных представлениях. Слог его мастерский и в лекциях, и в статьях». Впрочем, и у этого историка нашелся изъян: «Грановский пристрастен к карточной игре, наследовав эту страсть от своего родителя. И потому вечера проводит за зеленым сукном, подвизаясь в ералаш, крестики и палки. В клубе он играл

Старое здание Московского университета на Моховой. 1872 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Тимофей Николаевич Грановский (1813–1855), историк, общественный деятель, глава московских западников. С 1839 года профессор всеобщей истории Московского университета

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

по большой и не раз много проигрывал. Любит он жизнь вести рассеянную, в разъездах по городу».

Всеобщей нелюбовью студентов пользовался Степан Шевырев – историк литературы, критик и поэт, знакомец Пушкина. О нем Афанасьев вспоминал: «Помню, как, трагую о необходимости образовывать чувства, он приводил нам примеры из царства животного. И в числе других указал на развитость органа слуха ящериц: «Когда я был в Италии, я несколько раз читал в одном

пустынном месте стихи Пушкина. И всякий раз выползали ящерицы и, наслаждаясь мелодиею этих стихов, тихо прислушивались к моему голосу». Эти лекции Шевырев неизменно повторял каждый год даже с теми же примерами о музыкальном слухе ящериц и другими подобными».

Не любили студенты и протоиерея Терновского. О нем Афанасьев рассказывает такой анекдот: «Однажды в Великий пост, когда говели казенные студенты, поп Терновский объявил на исповеди двум студентам, что за какие-то важные грехи он не допустит их к причастию. Студенты-грешники обратились к Плутону Степанычу. Тот бросился к Терновскому уговаривать его быть снисходительнее. Долго отговаривался Терновский. Наконец сказал:

– Не могу... Иисус Христос сказал...

И уже был наготове текст, как Нахимов нетерпеливо и почти с отчаянием прервал его:

– Что Иисус Христос! Что графто (Строганов. – Прим. авт.) скажет?

Это последнее возражение возымело силу. И студенты допущены были к св. причащению». В 1848 году Афанасьев окончил университет. На этом кончаются и его воспоминания. Начинается жизнь благородная, но скромная.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

АРХИВНОЕ БЫТИЕ

Герой наш рассчитывал остаться преподавателем на юридическом факультете. В числе лучших студентов ему было поручено прочесть лекцию перед министром народного просвещения Уваровым, приехавшим инспектировать университет. В письме отцу Афанасьев рассказывал: «В Москве был министр Уваров. И в университете кандидаты и студенты читали в присутствии профессоров, министра и разных любителей лекции. Я прочел коротенькую лекцию <...> Лекция эта вызвала несколько замечаний со стороны министра, с которыми, однако, я не догадался тотчас же согласиться». Лекция не понравилась Уварову и вызвала критику профессоров Погодина и Шевырева. Молодой человек лишился надежды остаться на факультете. Тогда горячее участие в его судьбе принял университетский преподаватель Константин Кавелин. При его содействии Афанасьев поступил на службу в Московский главный архив Министерства иностранных дел. В 1855 году он занял должность правителя дел Комиссии печатания государственных грамот и договоров. И занимал эту должность до 1862 года. Годы службы в архиве – самые счастливые и плодотворные для Александра Николаевича. Он был хорошо обеспечен и имел

достаточно свободного времени для научных занятий. Чем были заняты его досуги? Об этом мы можем судить по многочисленным работам, опубликованным в прессе и научных сборниках. Афанасьевские статьи, рецензии и критические заметки одна за другой появляются в толстых журналах («Современник», «Отечественные записки», «Русский вестник» и др.), в столичных газетах («Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости»), в альманахах («Комета», «Атеней») и в научных изданиях («Временник Общества истории и древностей российских», «Известия Академии наук по отделению русского языка и словесности», «Чтения в Обществе истории и древностей российских» и др.). В основном работы Александра Николаевича посвящены русской истории и литературе. Современ-

Москва.
Здание архива
Министерства
иностранных
дел. Вид
с Моховой

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Константин
Дмитриевич
Кавелин
(1818–1885),
историк, правовед,
психолог,
социолог
и публицист.
С 1844 по 1848 год
преподавал
в Московском
университете

ные ученые особо выделяют его статьи о государственном хозяйстве при Петре I, о сатирической журналистике XVIII века, о литературной и издательской деятельности Новикова, о сатирах Кантемира, о Фонвизине, Батюшкове, Пушкине, Лермонтове, Кольцове и Лажечникове. Впрочем, плодовитый сочинитель Афанасьев часто страдал от цензуры. На страницах своего дневника он сетовал: «Современный литератор, принимаясь за перо, уже наперед чувствует над собою роковое действие цензуры. Желая высказать свою мысль так, чтоб она прошла в цензурные ворота без препятствий, он уже наперед творит над нею насилие, придумывает ей сколько возможно более увертливые формы, облекает ее в не совсем ясные фразы, и оттого-то в частую яркая, живая мысль обращается в загадочный намек».

В 1858 году Афанасьев с Николаем Щепкиным, сыном прославленного актера Михаила Щепкина, начал издавать собственный журнал – «Библиографические записки». Поскольку служба в государственном архиве считалась несовместимой с независимой издательской деятельностью, официальным редактором-издателем числился Щепкин. Хотя на деле душой журнала был Афанасьев.

В 1855 году Александр Николаевич приступил к предпрятию, которое стало делом всей его жизни, – к изданию русских народных сказок. Они выходили постепенно, восемью выпусками, и сразу же снискали одобрение читателей.

Например, известный ученый-языковед Срезневский писал Афанасьеву: «Кто из русских любителей своей народной поэзии не скажет Вам громко или про себя душевного спасибо за начало Вашего прекрасного труда о русских сказках? В это широкое море пустились Вы в добрый час и в доброй ладье, запасшись, как для Царьграда, и снастями, и брашном, и, верно, вывезете из-за него не одну дорогую багряницу. Дай Бог Вам всего хорошего на всем Вашем пути».

СКАЗКИ И ПОБАСЕНКИ

Ради побасенок герой наш отложил все дела, даже издание «Библиографических записок». В письме другу он признавался: «А уж воля твоя – сказки надо покончить. Это будет моя заслуга в русской литературе». И Александр Николаевич не ошибся. На его сборнике выросло не одно поколение благодарных читателей. Кто в России не знает сказок Афанасьева?

Впрочем, вопреки расхожему мнению, Александр Николаевич не был собирателем сказок. Он был только издателем. При подготовке сборника он пользовался рукописями архива Русского географического общества и многочисленными записями Владимира Даля, Петра Киреевского и Павла Якушкина. Летом 1860 года исполнилась давнишняя мечта Александра Николаевича: он побывал за границей. Это едва ли не самое яркое событие в его жизни. Три с небольшим месяца герой наш пробыл в Германии, Швейцарии, Италии и Англии, посетил Неаполь, Флоренцию, Пизу и Лондон.

В Лондоне Афанасьев тайно встречался с Герценом. Поэтому советские ученые, уделяя той встрече особое внимание, записывали Александра Николаевича чуть ли не в революционеры. Но, скорее всего, Афанасьев руководствовался не бунтарскими, а издательскими соображениями. В Лондоне действовала Вольная русская типография. И Александр Николаевич иногда печатал в ней архивные документы, которые невозможно было опубликовать в России из-за цензуры.

Например, в 1859 году в Лондоне был издан сборник «Народные русские легенды А.Н. Афанасьева». В следующем году он был напечатан в Москве с разрешения цензора Наумова. В книге немало противоречащих учению православной церкви легенд о Христе, Богородице и святых. Выход сборника вызвал негодование духовенства. В апреле 1860 года шеф жандармов Долгоруков отдал приказ о запрете книги.

Русские народные сказки А.Н. Афанасьева в 5 томах. Под редакцией А.Е. Грузинского. Т. 1. 1913 год. Титульный лист художника А. Комарова

Но опоздал, она была уже распродана. Тогда цензора Наумова уволили. Афанасьев и Щепкин на время вынужденно прекратили издание журнала.

Эта неприятность не помешала Александру Николаевичу съездить за границу. В Лондоне он передал Герцену некоторые материалы, собранные редакцией и сотрудниками «Библиографических записок». Естественно, это не осталось незамеченным царской полицией.

В июне 1862 года за составление антиправительственной прокламации под названием «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» был арестован и заключен в Петропавловскую крепость Чернышевский. Власти небезосновательно полагали, что революционный жар в Петербурге раздувается из Лондона. По данному делу была создана следственная комиссия под председательством Александра Федоровича Голицына.

Началось преследование всех, так или иначе связанных с Герценом. Эта беда не обошла стороной и Афанасьева. В ноябре

1862 года на его квартире произвели обыск. Но ничего предосудительного не обнаружили. В декабре Александра Николаевича в Петербурге допрашивала следственная комиссия. Но герой наш «на допросе не сознался и на очной ставке уличен не был». И все-таки Голицын счел нужным представить царю Александру II доклад, в котором Афанасьев был показан в самом неблагоприятном виде.

Сообщая высочайшее решение министру иностранных дел Горчакову – непосредственному начальнику Александра Николаевича, Голицын писал: «Чиновник этот, т.е. Афанасьев, по месту своего служения может содействовать неблагонамеренным людям к приобретению из архива таких документов, которые без разрешения правительства открыты быть не могут. Я предоставлял это обстоятельство на высочайшее усмотрение императора благоусмотрению и полагал обратиться на оное внимание непосредственно начальства над архивом. Его Величеству на всеподданнейшем докладе благоудно было написать «необходимо».

НАСМЕШКА СУДЬБЫ

Надворный советник Афанасьев был уволен с государственной службы. Несколько лет он не мог найти постоянную работу и перебивался случайными заработками. Чтобы выйти из бедственного положения, Александр Николаевич решил на отчаянный шаг – задумал продать свою прекрасную библиотеку. Он начал собирать ее еще студентом. Отец присылал ему немного денег, которых едва хватало на пропитание. Но молодой человек, экономя на всем, покупал книги.

Теперь библиотека из-за тесноты квартиры была сложена в сарае. Сначала Афанасьев хотел продать ее целиком, но был вынужден продавать по частям, за бесценок.

Книготорговец и издатель Кожанчиков, хороший знакомец Александра Николаевича, так описывал условия, в которых

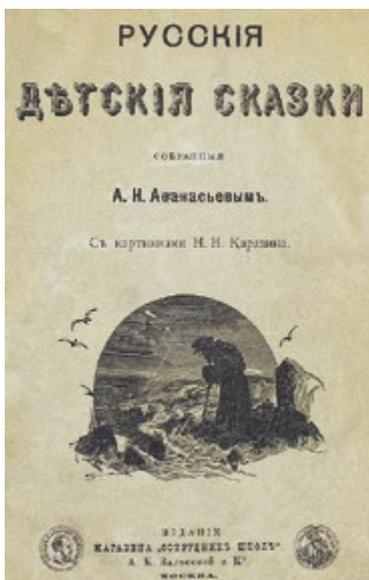

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

герой наш прожил последние годы: «Теснясь в холодной квартире, не зная, чем прикрыть пол, из-под которого страшно дуло, Афанасьев употребил вместо ковра все экземпляры недвижимой своей собственности – «Библиографические записки», для чего растрепал их по листам и ими толстым слоем покрыл пол. Когда же листы через некоторое время истерлись, то были выметены как сор». И в таких стесненных условиях Александр Николаевич не оставлял научной деятельности. Он по-прежнему писал и печатался, хотя и не так много, как

Группа учредителей Литературного фонда.
Сидят (слева направо): А.В. Никитенко, А.А. Краевский, Е.П. Ковалевский, И.С. Тургенев, К.Д. Кавелин, А.Д. Галахов. Стоят (слева направо): С.С. Дудышкин, Е.И. Ламанский, А.П. Заблоцкий-Десятовский, П.В. Анненков, Н.Г. Чернышевский, А.В. Дружинин

прежде. Теперь главная тема его исследований – славянский фольклор. В 1865 году выходит первый том знаменитого труда Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». В 1869-м – третий, последний. Александр Николаевич спешит, он как бы чувствует приближение смерти. Его последнее утешение – сборник

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Обложка и иллюстрация книги «Русские детские сказки, собранные А.Н. Афанасьевым». С картинками Н.Н. Каразина. Издательство магазина «Сотрудник школ» А.К. Залесской. Москва. 1898 год

«Русские детские сказки», изданный в 1870 году.

В конце концов герой наш поступил на службу. С большим трудом ему удалось занять место помощника городского секретаря при Московской думе. Потом служил секретарем мирового съезда. Затем работал в коммерческом банке.

Напоследок судьбе было угодно посмеяться над Афанасьевым. В Петербурге существовал Литературный фонд (Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым). Его члены докучали Александру Николаевичу письмами – просили навестить того или иного нуждающегося литератора, определить размер пособия. Но о помощи самому Афанасьеву речь зашла весной 1872 года, когда он уже лежал в могиле.

Увы, герой наш не снес коварства судьбы – заболел чахоткой. За год до кончины он писал другу: «Я же все продолжаю кашлять, отхаркиваться и отплевываться от моей болести, но не ведаю – удастся ли отплеваться. Ко всем этим неприятностям и грудь начинает болеть. А погода стоит такая, что о здоровье и думать нечего: грязь, дождь, слякоть и всякая мерзость».

Чахотка, укравшая у нашей литературы Чехова, Надсона и Кольцова, похитила и Афанасьева. Он умер 23 сентября (5 октября) 1871 года. А в январе следующего года Тургенев написал Фету: «Недавно А.Н. Афанасьев умер буквально от голода, а его литературные заслуги будут помниться, когда наши с Вами, любезный друг, давно уже покроются мраком забвения».

Мать-история пока еще не рассудила, кто для нее более ценен – Фет, Тургенев или Афанасьев. Но ее великой милостью можно почесть уже то, что на московском Пятницком кладбище сохранилась могила Александра Николаевича.

Давайте как-нибудь съездим туда. 📍

* Автор – сотрудник Государственного музея А.С. Пушкина.

ТУРЕЦКИЕ КАЗАКИ

ФОТО АВТОРА

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

В 1962 ГОДУ ОБЩИНА КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ, ПРОЖИВШАЯ В ТУРЦИИ ДВА ВЕКА, ПЕРЕЕХАЛА В СССР. ТАК ЗНАЧИТСЯ ВО ВСЕХ ЭНЦИКЛОПЕДИЯХ. В МУЗЕЕ ИСТОРИИ НЕКРАСОВСКИХ КАЗАКОВ В ПОСЕЛКЕ НОВОКУМСКИЙ НА СТАВРОПОЛЬЕ МНЕ СООБЩИЛИ, ЧТО В ТУРЦИИ НЕКРАСОВЦЕВ НЕ ОСТАЛОСЬ. И ВСЕ ЖЕ ХОТЕЛОСЬ ДОБРАТЬСЯ ДО ТОЙ ТУРЕЦКОЙ ГЛУБИНКИ, ГДЕ КАЗАКИ СТОЛЬКО ЛЕТ ХРАНИЛИ СВОЮ КУЛЬТУРУ, ВЕРУ, ЯЗЫК.

ДОЛГОЕ ВРЕМЯ поселение некрасовцев называлось «Эски Казаклар», то есть «Старые казаки». Иногда их именовали Майносской общиной – по названию озера Майнос, на берегу которого стояло поселение. Сегодня на карте не найти ни того, ни другого. Село переименовали в Коджагёль, озеро – в Куш.

Зачем я туда отправился? Да потому что появилась информация, что казаки там все же остались. Правда, человек, рассказавший мне об этом, видел их в последний раз лет двадцать назад. Быть может, некрасовцы уже давно переехали в другие края? И живы ли они?

«ПТИЧИЙ РАЙ»

Раннее утро в Стамбуле. На улице еще темно, льет ливень, а небо разрывают синие молнии. А мне нужно сесть на паром, чтобы пересечь Мраморное море. Но сначала необходимо найти пристань! Спросить бы дорогу, да только кто высунет нос на улицу в такой ранний час, да еще под ливень?

Наконец на плохо освещенной улице показался прохожий с огромной сумкой. Не раздумывая, я бросился к нему. И правильно сделал, поскольку мне несказанно повезло. Прохожий оказался парнем, который собирался сесть на тот же паром, что и я. Более того, Эмре в прошлом году окончил Нижегородский

университет им. Н.И. Лобачевского, поступил в аспирантуру и через несколько дней возвращался в Россию. И уж совсем невероятная удача: Эмре родом из деревни, что неподалеку от Коджагёля. Правда, мой рассказ о казаках-некрасовцах его сильно удивил: он никогда о них не слышал. Я приуныл...

Когда наш паром пришвартовался в порту Бандырма на азиатском берегу, Эмре вызвался помочь мне найти оказию в Коджагёль, ведь рейсовый транспорт в те края не ходит. Побродив полчаса по автовокзалу, Эмре нашел-таки попутку. Причем водитель старого микроавтобуса сказал, что он не только знает о казаках, но и подвозил позавчера одну из казачек, которую зовут Анютка.

Дождавшись нескольких пожилых пассажиров с авоськами, источавшими аромат свежего хлеба, мы тронулись в путь. По шоссе ехали недолго; вскоре свернули на узкую дорогу с разбитым асфальтом. Попетляли меж невысоких холмов и опустевших осенних полей. Два раза забирались в убогие деревушки, приютившиеся на холмах. Одни пассажиры выходили, другие, с мешками кукурузы, входили. Водитель ра-

ФОТО АВТОРА

МЕЛЬНИК И ЛЬВИНЫЙ КАМЕНЬ

До Коджагёля оказалось километров пять. Но и тут мне повезло с попутчиками. Семейная пара из того самого казачьего села доставила меня по нужному адресу. У большого красно-белого дома, спрятавшегося под шапкой девичьего винограда, стоял хозяин. «Здравствуйте! – поприветствовал он меня на русском языке и сразу представился: – Миша».

Пока мы шли по тропинке вглубь сада, стало ясно, что Миша не столь уверенно владеет языком предков. Но тут подросла жена Миши, Ирина, которая свободно говорит на русском с характерным южным акцентом.

– Говорю свободно, потому что родилась и выросла в Ростове-на-Дону, – объяснила Ирина. – Мы поженились в 1994 году. Миша с родителями приехал навестить своих друзей-казачков в Ростов – там мы и познакомимся.

Вскоре на старом седане подъехали и родители – Владимир Захарович и Анна Григорьевна. Старые казаки мой приезд восприняли как нечто должное, точно они специально для того и прибыли сейчас из Бандырмы – города, ставшего их основным местом жительства на старости лет...

Владимир Захарович рассказал, что родом он из Карсской

давал пачками свежих газет стариков, попивающих чай в деревенских забегаловках. И на турецком языке пытался провести небольшую краеведческую экскурсию. Я вежливо кивал, хотя понял только, что одна деревня славится овечьей шерстью, а в другой живут потомки «русских татар», видимо, переселившихся сюда из России после Кавказской войны, в середине XIX века.

Наконец мы поднялись на высокий уступ, с которого открылся вид на огромное синее озеро. Водитель высадил меня почти на его берегу – в селе Гё-

ляка, объяснив, что до Коджагёля отсюда всего километр. Большая часть озера сейчас является национальным парком «Куш дженнети», то есть «Птичий рай». А озеро «Куш», соответственно, «Птичье». Я заметил, что в районе Гёляка жизнь многочисленных пернатых райской никак не назовешь. Шуршащие по зарослям камышей и осоки лодки рыбаков то и дело поднимают в небо стаи пеликанов и бакланов. Цапли, важно восседающие на лодках у пристани, недовольно наблюдают, как из воды тянут сети, полные рыбы...

Михаил,
Ирина, Анна
Григорьевна
и Владимир
Захарович
в саду возле
дома

КАЗАКИ-СТРАННИКИ

В сентябре 1708 года, после подавления Булавинского восстания, от 2 до 8 тысяч донских казаков во главе с Игнатом Некрасовым ушли за границу – на Кубань, которая в тот момент являлась территорией Крымского ханства. Здесь они объединились с казаками-старобрядцами, создав первое казачье войско на Кубани. Их называли «некрасовцы»

или «игнат-казаки», по фамилии и имени лидера. Позже некрасовцы переселились на Таманский полуостров, откуда нападали на приграничные русские земли. В конце 30-х годов XVIII века российские власти неоднократно предлагали некрасовцам вернуться на родину, но все впустую. В итоге императрица Анна Иоанновна направила донских казаков для усмирения некрасовцев. И те бежали

в турецкие владения на Дунае. Последние некрасовцы ушли в Бессарабию и Болгарию, после того как русские войска взяли Анапу. К концу XVIII века некрасовцы разделились на две группы: одна поселилась на побережье Эгейского моря, в восточной Фракии, другая осела в азиатской Турции на озере Майнос. К 30-м годам XIX века сильно уменьшившаяся из-за эпидемий община некрасовцев из Фракии также переселилась на Майнос.

В начале XX века община некрасовцев сократилась до 175 семей. Несмотря на завет Игната Некрасова «при царе в Россию не возвращаться», многие некрасовцы желали вернуться на родину. За 1912–1913 годы в Россию вернулись 70–80 семей. В сентябре 1962 года из турецкого селения Коджагёль в Россию вернулись 215 семей некрасовцев. Сегодня их потомки проживают в Ставропольском крае. В Турции осталась только одна семья.

области, где осталась большая русская диаспора после передачи области Османской империи в 1918 году. Его дед, Афанасий Савельев, был полковником Русской армии, погиб в Первую мировую войну в Карпатах. Отец Владимира Захаровича держал в Карсе водяную мельницу, и, когда турецкие власти принудили русских менять фамилии на турецкие, ему досталась «Дегирменджи», что означает «мельник». Захар Афанасьевич впервые приехал в Коджагёль в 1956 году – проведать друга-казака, с которым довелось служить в турецкой армии. Жизнь здесь ему показалась более привлекательной, и он перевез свою семью в Коджагёль. В удел себе взял опять же мельницу – на этот раз дизельную. Уже давно семья Дегирменджи не имеет никакого отношения к мельницам, но во дворе их дома возвышается небольшой железный макет ветряка – так Владимир Захарович своими руками увековечил память о ремесле предков.

Анна Григорьевна – из коренных казаков-некрасовцев. Ее девичья фамилия Асланташ. Казачка признается, что не знает, отчего ее отцу была дана такая фамилия: Асланташ в переводе – «львиный камень». А ког-

ФОТО АВТОРА

да родители Анны Григорьевны в 1962 году уехали на Ставрополье, то вспомнили фамилию предков и снова стали Чижиковыми.

Анна Григорьевна говорит по-русски заметно лучше своего супруга. Причиной тому – правила казачьей общины. Если русские в Карсе во второй половине XX века даже в семейном кругу общались уже на турецком языке, то в Коджагёле говорили исключительно по-русски.

Макет ветряной мельницы – исторический символ семейного дела последних казаков Турции

На главной улице в Коджагёле еще стоят несколько казачьих хат

ФОТО АВТОРА

КАРАГОД – КРУГЛЫЙ ГОД

– Всё тогда встаринку у нас было, – вспоминает Анна Григорьевна. – На праздники наряжались красиво. Наряды сами шили: рубаху, подол, завеску такую, платки красивые; бисер нашивали – называли его «тараночки». Была здесь где-то моя шелковая завеска, да разошлась уж вся. Карагод (то есть хоровод. – Прим. авт.) водили – на праздник; крыло водили, обряды соблюдали. На карагод выстраивались кругом, за руки брались, песни пели. А если просватанные промеж нас были, то жених ухаживал за невестой, подарочки ей дарил. Тогда ведь в открытую ухаживать не принято было – только в карагоде. А мы песенки бывало поем:

*Я пусёсики вязала,
Время примеча-а-ла
Из под вили-вили-дон-дон-дон
Примет-примеча-а-ла.
Я пусёсики вязала,
Край дорожки кла-а-ла
Из под вили-вили-дон-дон-дон
Примет-примеча-а-ла...*

Еще песня была... Забыла. Да... Очень красивые свадьбы играли. Два дня и две ночи. Каравай пекли. Целыми кадушками вино на свадьбу привозили. А некоторые вино сами делали. Сначала гостям подносили каравай и сыр. Все отламывают по кусочку, берут сыр, а взамен дают денежку или подарок какой. В избе столы и скамейки настановишь, что надо приготовишь. Невеста наряжается, угощает... Ну-ка я тебе покажу, – завелась казачка, взяла стакан и наполнила его водой. – Я буду невеста, укрух меня тетка стоит, все сродники. Тетка наливает вино в стаканы и передает мне. Я подаю гостю. Вот ты гость. – Анна Григорьевна с поклоном дает мне стакан в руки. – Да пока гость пьет, невеста кланяется в землю... На здоровье! – потом говорит. И так всем. Потом свекровя подает стакан невесте, да говорит: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, невестушка хорошая моя, возьми стаканчик, выпей, да хорош что ты жила... Ну всякие пожелания. Невеста берет, пьет – и молится.

ИЗ АРХИВА СЕМЬИ ДЕГИРМЕНДЖИ

Девушки казаконекрасовцев в традиционных нарядах. Эски Казаклар. Начало XX века

КАЗАК-ФАСОЛЬ

– Тогда на всем своем жили, – продолжает Анна Григорьевна. – Всем земли хватало. Растили пшеницу, ячмень, овес. Для пахоты мы все быков держали. Турки-то другому – на буйволах пахали. Плуги деревянные были – наконечник окован железом. Собирали колос в снопы. Большими такими косами косили и серпами тоже ж собирали. Обмолачивали быками. Камни накладем, на них колос кладем, да по нему быки копытами идут, молотят. У быков к заду подвязывали мешочки, чтобы навоз не падал в зерно. Веяли лопатами деревянными – на ветер всё подбрасывали. Смелем муку да на закваске хлеб ставим. Пекли большие караваи в русских печах из кирпича. Тогда, правда, мы такой хлеб не любили – мука-то грубая получалась. Как в город поедем, так на базаре всегда брали воздушного беленького хлебушка. А сейчас так напротив – ищем темненького, из муки погуще. Настоящие большие русские печки у нас были; и бабушка там лежала. Теперь таких печей не осталось. Так вот и тыкушку в чугунах пекли. Потом ее в тесто завернешь – плесцинда получается, вкусная, как пахлава. Откуда уж чугуны были, не знаю, может, еще с собой привезли – здесь такого нет.

В саду опять же все свое: сливы, груши, яблоки, виноград, инжир, тутники (шелковица. – Прим. авт.), гранаты. Из винограда в больших чанах варили нарбек. Сладость такая с сока вываренного. Заливали нарбек в кувшины – на всю зиму хватало.

Сажали мы фасоль, кукурузу, подсолнухи, редьку, тыкушки, арбузы, дыни. Фасоль у нас была самая лучшая – белая, крупная. До сих пор тут на базаре хорошую фасоль называют «казак-фасоль».

Понимаешь, у всех всё было: коровы, быки, уты, куры, гуси. На озере сети, неводы распу-

– Как? На свадьбе и невесту напаяют? – удивляется Ирина. – А что ж ты думала, – смеется Анна Григорьевна. – Конечно, не сильно, но так чтоб пьяненькая была. Потом все уходят. А невесту берут и заносят в свою хату. Притом невесте положено плакать. По-разному бывало: иной раз и взаправду плачет, когда за немилого выдают. А на второй день жених собирается с друзьями да все за столом празднуют. Потом жених идет забирает невесту – тогда уж их перевенчают в церкви. Всё церковные праздники были: Пасха, Рождество, Крещение. На Крещение ходили с крестами к озеру. Как есть в платье во иордан окунались – лед иной год был, иной да и не был. А Пасху цельную неделю празд-

новали! Пасхи пекли, яйца красили, в игры играли. Шили такой месчик (видимо, мячик. – Прим. авт.), разлаживали яйца на сколько-то ступней друг от дружки. Да на сколько-то метров вставали с месчиком. Катнесь его на яйца, да и выходит: твоя битная или моя. И карагод водили. Так красиво и весело было!

– А каким образом вы «крыло водили»? – уточняю я.

– Ну, это как темно станет карагод водить, мы разводимся на два крыла и идем по домам. А ты что думал? Мы на крыльях как птички летаем? – Не договорив последнее слово, казачка залилась смехом.

– Так вот – артистка, – прокомментировала Ирина. – Пропал талант.

Владимир (крайний слева) и Анна (крайняя справа) в качестве свидетелей на свадьбе друзей

ИЗ АРХИВА СЕМЬИ ДЕГИРМЕНДЖИ

скали, винтера сажали. Сазанов здоровых ловили, щук, сомов, раков – не то что теперь. Вареники с сома мы особо любили.

А с осени и до Пасхи отцы наши ходили на заработок. Рыбу ловить нанимались на больших озерах: Бейшехир, Акшехир, Эбер, Маниса. На Бейшехире жили дунаки (липоване, филипповцы – старообрядцы, ушедшие в XVIII веке в Молдавское княжество на Дунай; небольшая часть из них затем переселилась в Турцию. – Прим. авт.). Мы с ними водились, замуж их девок брали сюда. И разговари-

вали они как мы, наряды одевали. Старинные имена тоже ж у них были: Терентий, Макарка, Поликарпка.

– А по имени-отчеству тогда обращались? – интересуюсь я.

– У нас такого не было. Пока в девках, звали Анютка – даже дети. Замуж выйдешь – тета Анюта или тета Анна, потом – баба Анюта.

По этой традиции Анна Григорьевна в своем селе так и осталась молодой девушкой. Турки знают ее исключительно как Анютку. Если сказать «Анна» – никто не поймет, о ком идет речь.

Казак
в Коджагёль
идут крестным
ходом. 1954 год

МУХТАР И ЗАХАР

– Исследователи Майносской общины писали, что даже и в XX веке некрасовцы жили своей замкнутой жизнью: турок в поселении не принимали, все вопросы решались казачьим кругом, каждый год избирался атаман, правда? – спрашиваю я.

– При нас никакого круга и атамана не было, – говорит Анна Григорьевна. – Мы выбирали голову села – мухтар здесь называется. Мухтар – всегда турок. Хоть и мало их было, но тогда мы уже с турками вместе жили. Все наши дети учились в турецкой школе, на турецком языке. Дома же говорили только по-русски, но писали трудно, да не все. А среди казаков никакого головы не было вообще. Попы были. Из своих казаков выбирали – кто грамотный был, любил читать. Посылали их в Стамбуле у греков учиться. Греки нам помогали и церкви устраивать, иконы привозили.

– Как же так, учились у греков? Некрасовцы ведь староверы? – удивляюсь я.

– А у нас все по старой вере было: похороны, обряды разные. Крестились двумя пальцами. Перед Великим постом выпаривали кастрюли, чтобы ни жиринки, никакого духу скоромного не было. Таскали их на озеро, песком терли. Семь не-

ИЗ АРХИВА СЕМЬИ ДЕГИРМЕНДЖИ

ИЗ АРХИВА СЕМЬИ ДЕГИРМЕНДЖИ

Семья казаков-некрасовцев. Начало XX века

Отец Владимира, Захар Афанасьевич. В Турции к нему уважительно обращались «Захар-эфенди»

дель поста держали все, даже дети. А корова-то хоть одна да в каждом доме была. В пост все молоко сдавали на сырную фабрику. Как уехали все, так церкви у нас близко нет. Только когда в Стамбуле бываем – ходим в церковь в Каракёй. У нас сын Александр и дочь в Стамбуле живут. Замечу, что старая эмигрантская церковь Апостола Андрея Первозванного относится к Вселенскому патриархату, с которым у старообрядцев нет евхаристического общения. На мои вопросы о других особенностях старообрядческого вероисповедания у некрасовцев Анна Григорьевна ответить затруднилась. Посоветовала съездить в поселок Новокумский на Ставрополье, куда переселились в 1962 году некрасовцы: «Там у них и церковь есть, и попы, и обряды соблюдают».

– Так почему некрасовцы решили покинуть место, где прожили двести лет?

– Пожениться трудно стало. У нас в селе – почти все родственники. Родословные хорошо знали, в церквях метрики строго вели. Жениться разрешали только родне в седьмом колене. Потому брали невест из Карса и своих туда отдавали. Женились с греками, вообще с христианами. Володи старшую сестру выдали за поляка в Полонезкёй (польская деревня в пригороде Стамбула. – Прим. авт.). Молокане – те только на молоканах женились, со стороны никого не брали. Они-то, молokane с Карса, начали первые переезжать. Потом и наших стали подбивать. Послали сперва в Россию четверых – посмотреть. Им там показывали красивые места, кормили, поили, хорошо принимали. Вот они всех и завели уезжать. Пришел большой пароход из России, ждал в Стамбуле. Чтоб так приготовиться – время не было, чуть ли за день собрались. Отдавали свои дома и земли туркам за бесценок. Уехали все, почти тысяча человек. Наши родители, братья, сестры – вся родня собиралась, а мы отказались. Так и остались одни: мне тог-

ИЗ АРХИВА СЕМЬИ ДЕГИРМЕНДЖИ

Как уж казаки на озере «винтера сажали», я не совсем понял, а вот ловля рыбы неводом запечатлена на старинной фотографии

Одна из крупнейших турецких газет, Hürriyet, за 1962 год. В центре – заметка с портретами казачек, уезжающих в СССР, чтобы найти себе мужей

да было 20 лет, Володе – 25 лет, Мише – пять месяцев.

После мы уж переписывались с родителями, а в 1966 году поехали в Новокумский проведать... Ох и тяжело им пришлось. Тут были хозяевами, а там – совхоз, все общее. Работа досталась тяжелая, на виноградах. Притом работали, как и привыкли, усердно. Местным то не нравилось, все по нормам приучали.

– Мой отец, – вспоминает Владимир Захарович, – здесь был богатый и почтенный «Захар-

эфенди» («эфенди» – уважительное обращение. – Прим. авт.). Туда поехал – стал «Захар-пастух». Тяжко было смотреть, и носков-то у них лишних не было. Притом никто никакого недовольства нам не смел сказать. Не позволяли то КГБ и следили.

Версию о том, что причиной переезда казаков стали проблемы с созданием семей, озвучивали и турецкие СМИ. Сохранилась вырезка из местной газеты 1962 года, где помещены портреты молодых казачек и сообщается, что эти русские девушки не могут найти себе мужей в Турции, потому и уезжают в Советский Союз. А вот священник некрасовцев отец Феофан (Бандеровский) вспоминает, что они всегда мечтали о России: «Как ветер с севера подует, так сердце и защежит». Говорит, без сожаления оставил благополучную жизнь, «свой ресторан», только бы вернуться на родину предков. Но и он с горечью вспоминал, как потом сильно их «коммунисты обидели». Как не позволяли церковь открыть, а дозволив, запрещали сыновей к религии приобщать; как с детей срывали кресты в детском саду...

ИЗ АРХИВА СЕМЬИ ДЕГИРМЕНДЖИ

**НОСТАЛЬГИЧЕСКОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ**

После 1966 года Анна и Владимир почти каждый год ездили в Россию. Вот и в 2015 году целый месяц провели в санатории в Ессентуках. Правда, в конце отдыха получили такой стресс, что вернулись домой измученные и расстроенные. В аэропорту Минеральных Вод их сняли с рейса: месячный безвизовый срок пребывания в России для граждан Турции оказался просрочен на три часа. Стариков отправили в миграционную службу города, где с них взяли штраф по 8 тысяч рублей и на пять лет запретили въезд в Россию.

У Владимира Захаровича пять братьев и две сестры сейчас живут в России. Из Новокумской они разъехались по всей стране. Ни с кем из общины некрасовцев последние русские Коджагёля связь не поддерживают. Старые казаки или их потомки всегда сваливаются на семью Дегирменджи как снег на голову. Приезжают постоянно – со Ставрополя, из Москвы, Сибири, Европы, Америки: в начале 60-х несколько десятков казаков выбрали не СССР, а США. Турецкие журналисты последние пятьдесят лет регулярно навещают

Владимир и Анна с малолетним Мишей (в центре) впервые приехали посетить родню в поселок Новокумский. 1966 год

ИЗ АРХИВА СЕМЬИ ДЕГИРМЕНДЖИ

Во время «ностальгического путешествия» гости из России ходили в традиционных нарядах, плескались в родном озере и бегло говорили на турецком языке, удивляя местное население

ся в Коджагёль. С одним из них, Серветом Сомунджуоглу, кануло в Лету немало старых фотографий Анны и Владимира. Журналист увез фотоархив в Стамбул, написал статью в журнале, затем выпустил книгу, а вскоре умер. Найти свои фотографии старики не могут до сих пор.

Бывает, заезжают просто любопытные русские, узнавшие о последних турецких казаках. Так, в 1969 году в гостях у Владимира побывал молодой Владимир Вольфович Жириновский. Тогда он работал переводчиком в пригороде Бандырмы, где советские специалисты строили завод по производству удобрений. Владимир слышал, что

потом этого гостя едва не посадили в тюрьму за советскую пропаганду. Как говорят, Владимир Вольфович подарил турецкому рабочему значок «Советскому цирку – 50 лет», а потом вынужден был отрекаться от этого идеологического, с точки зрения турецких властей, акта. На допросе Жириновский заявил, что выражение «советский цирк» нужно понимать иносказательно, как высмеивание советской действительности. А то, что тот молодой гость стал известным политиком, казакам рассказали не так давно. В 1994 году из Новокумского приехали сразу 40 некрасовцев. Община давно планировала «ностальгическое путешествие» в Коджагёль, приуроченное к 30-летию переселения. Но грянувшее лихолетье идею похоронило. На поездку денег не было, хотя официальное приглашение от администрации Бандырмы казаки получили. Семья Владимира Захаровича оказала помощь. Восемь человек они разместили у себя дома, а остальных расселили по турецким семьям. Принимали некрасовцев радушно, получился настоящий праздник, три дня в селе никто не работал. Казаки находили свои дома, знакомились с нынешними хозяевами, вспоминали былую жизнь. Отслужили панихиду на старом кладбище, где тогда еще можно было отыскать могильные плиты; провели богослужение возле здания бывшей церкви. Нарядились в яркие костюмы, пели старые песни и водили карагод.

ИЗ АРХИВА СЕМЬИ ДЕГИРМЕНДЖИ

«ВСЕ УСТРОЕНО»

За разговором подошло и время обеда. Гостеприимные казаки пригласили меня к столу.

– Вот, отведайте наших баклажанчиков, – угощала Анна Григорьевна. – Сама солила. В старину мы много соленья делали. Моя бабушка лучше всех капусту квасила, соседи ее приглашали на засол – показать да помочь. А погребов у нас не было. Все в сарайчиках хоронили, зимы здесь хорошие, сильного мороза не бывает. Сейчас мы такого хозяйства не держим. Все овощи в магазине можно купить, равно как и соленья.

– Здесь если кто большие огороды держит – так на продажу. Тут ведь все устроено! – не перестает восхищаться Ирина, сравнивая местное хозяйство с деревенской жизнью на родине. – Приезжают закупщики, частные фабрики. В каждой деревне стоят весы, взвешивают помидоры, яблоки – у кого что. Хорошо платят. Также и весы для рыбы имеются на берегу. Даже цистерны с молоком стоят в деревнях. Там и холодильник с дизельным генератором – на случай, если электричество отключат. По два раза на день принимают молоко. Проверяют, чтоб жирность соответствовала норме. Если жирность повышенная – премию назначают. Вечером с молокозавода привозят пустую цистерну, а с молоком забирают.

А мы курей разводим. Наша задача – только кормить и поить цыплят 45 дней, вырастить их до веса в 3,5–4 килограмма. Крупная фирма нам привозит молодняк. И через 45 дней забирает. Если нужен корм – звоним в ту же фирму, и нам сразу доставляют. Захворал цыпленок – только позвони, приезжает ветеринар, смотрит; если нужно, дает лекарство. Фирма, конечно, предъявляет определенные требования к условию содержания птицы, к площади помещения, вентиляции, температуре. Но мы заняты исключительно процессом выращивания, у нас совершенно голова не болит, чем кормить цыплят и как их потом сбывать.

ФОТО АБТОРА

Наверное, самая колоритная казацья хата в селе, почти нисколько не перестроенная ни снаружи, ни внутри

Еще старые казаки рассказывали, что в прежние времена почти все здесь держали пчел. Причем в колодах. И они так с детства привыкли есть сотовый мед, что и теперь покупают в магазине мед исключительно в сотах. И предложили мне попробовать такой мед. Аппетитный, с янтарный блеском мед в сотах действительно часто продают в турецких супермаркетах – на развес. Но на вкус он... Мало того что никакого аромата – таких медоносов довольно много. Никакого вкуса! Просто сладкая вязкая жидкость. Видимо, в местном сельском хозяйстве все до того «устроено», что и сотовый мед каким-то образом рафинируют.

СРЕДЬ КАЗАЧЬИХ ХАТ

Прогуляться по селу мы отправились вдвоем с Мишей. Коджагёл сейчас нисколько не напоминает казацью станицу. Обычная турецкая деревня: угловатые дома из железобетона с плоскими крышами, грязный асфальт на главной (она же единственная) улице, старые машины, мотоциклы, небольшие трактора, самодельные грузовые драндулеты. Электрических столбов едва ли не столько же, сколько и деревьев. Михаил вспоминал, как в его детстве по селу ходили с керосиновыми фонарями, в домах светили керосиновые лампы. Электричество здесь появилось только в 1974 году.

Михаил – единственный из детей Владимира и Анны, кто женился на русской и остался в деревне. Остальные создали семьи с турками и уехали в город

ФОТО АБТОРА

ФОТО АВТОРА

Старых казачьих хат в селе уцелело немало. Некоторые из них стоят уже с пластиковыми окнами, другие – словно картинка с Дона. Построены они добротно из самана – глины с соломой. Окна в каждом доме своего уникального размера и формы. Стены аккуратно выбелены. Черепичные крыши от времени заросли мхом и пустили волну. Некоторые турки по традиции даже забор из камыша делают, правда, в основном в загонах для скота. Приезжающие со всего мира старые некрасовцы бродят по этим пыльным переулкам в поисках своих домов. Удивляются порой: вот новый дом из бетонных блоков уже завалился, а наш как ни в чем не бывало – стоит.

В рабочий день люди на улице попадаются редко. Только небольшая группа сельских мужиков сидела без дела и попивала чай в придорожном кафе. Народ здесь добродушный и веселый. Нынешний хозяин самой живописной казачьей избы пригласил нас посмотреть старый дом изнутри. Показывая

Бывшая
Малая церковь,
несколько
десятилетий
служившая
школой, а теперь
пребывающая
в запустении

внутренний двор и старую кухню, он с гордостью хлопал рукой по стенам, приговаривая: казак-эв (казачий дом).

Мишу с неподдельной радостью приветствовали все встречавшиеся на пути местные жители. Возле одного казачьего дома к нам подскочил седой мужичок и поприветствовал по-русски: «Здравствуйте!» Оказался он не залетным некрасовцем, а любителем путешествий на пенсии. Бывал он и в России, потому и

знает несколько русских слов. Другой состоятельный пенсионер, сделавший карьеру в Германии и устроивший своих детей в Европе, сам на старости лет решил вернуться в родной Коджакгёль. Отремонтировал большой дом, но пожить в нем ему так и не довелось. Как выражается Миша, «не поспал одну ночь да помер».

Останавливались поздороваться с Мишей даже фермеры, спешащие по своим делам на трак-

Внутреннее
убранство
бывшей
Большой церкви,
превращенной
в мечеть

ФОТО АВТОРА

ФОТО АВТОРА

центра экотуризма – «Птичьего рая» – рукой подать. Сам видел, как группа европейцев на велосипедах прокатилась через село без остановки. Миша рассказывал, что недавно в Коджагёль заехали 20 туристов из Южной Кореи – они путешествуют по свету на велосипедах.

Не так давно воды озера Куш плескались совсем рядом с поселением казаков. Анна Григорьевна помнит, как во время паводка заливало их огород. Тогда жизнь без озера казаки не мыслили – как прожить без рыбы и питьевой воды? Хотя у всех во дворах имелись колодцы, для питья использовали озерную воду. Ходили на берег с коромыслами или привозили воду в бочках на телеге. Для хранения воды использовали большие глиняные кувшины, которые «сажали в землю».

Возле села был чистый пологий песчаный берег. Еще в 1994 году приехавшие из России некрасовцы с удовольствием купались в озере. Теперь этот берег не узнать. Местные власти построили дамбу, и вода больше не доходит до Коджагёля. От окраин села прорыт узкий канал к озеру, чтобы рыбакам было сподручнее добираться к месту лова. А там, где когда-то казаки набирали воду, теперь пасутся коровы и бараны, стоит камыш и кукуруза.

...Утром Коджагёль укутал густой туман. Раньше всех в доме казаков поднялся Борис – единственный сын Миши и Ирины. На попечении 20-летнего парня куриная ферма с 30 тысячами цыплят. Борис воспитан в казацкой традиции – он явно трудолюбивый и ответственный хозяин. Однако, как сам говорит, еще не решил, останется ли он в селе или переедет в город. В этом году Борису предстоит проходить срочную службу в турецкой армии. После чего он и примет решение. Ну а пока летопись жизни русских казаков в малоазийской деревне переваляла за два с половиной века, и имя последнего некрасовца еще не вписано в историю. ❊

торах и телегах. Дегирменджи помогли многим семьям в Коджагёле, так что последних казаков здесь уважают и любят. Только один местный юридивый выказывал нам неудовольствие. Мы уселись передохнуть в кафе, а он встал напротив, стучал своей палкой о землю и что-то ворчал. Кажется, он был недоволен тем, что Миша злоупотребляет пивом...

Как пишут исследователи, в селе стояли две церкви – Троицкая и Успенская. Анна Григорьевна говорит, что называли их просто: Большая и Малая церкви. Убранство храмов некрасовцы забрать с собой не смогли. Некоторое время после отъезда церкви так и стояли закрытые. Затем их ограбили. Все оставшееся власти вывезли в некий стамбульский музей. Большую церковь переделали в мечеть, Малую – в общеобразовательную школу. Здания церковью сохранились. Та, что стала мечетью, обзавелась минаретом, круглой беседкой для омовений, обросла масличными деревьями. Малая церковь внешне почти не изменилась. Правда, школа отсюда давно переехала, а внутри полная разруха. Глядя на это запустение, Миша вдруг бойко заговорил по-русски, только слова в основном были бранные. И предзназначались они тем, кто завалил

алтарь мусором. Казаки надеются на нынешнего мухтара села, который, по их словам, человек предприимчивый и активно продвигает проект создания в бывшей церкви музея казаков-некрасовцев. Туристический объект будет здесь весьма кстати. Жизнь села постепенно угасает. В прошлом году закрылась школа и в новом здании – детей в селе остается все меньше. А до

Сын Михаила и Ирины Борис на фоне семейного хозяйства – куриной фермы

Добраться до озера на лодке теперь можно только от окраин села по этому каналу

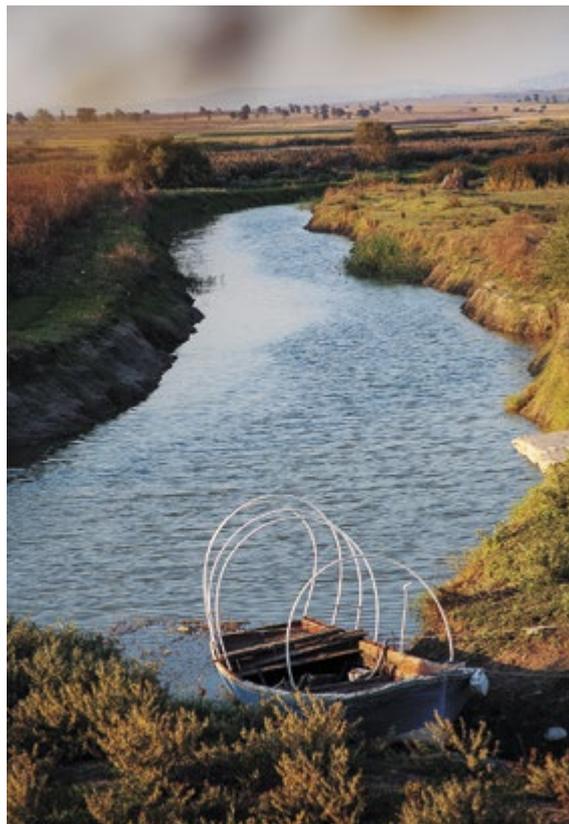

ФОТО АВТОРА

СРАЗУ ЗА РАЕМ

АВТОР

ДМИТРИЙ РУДНЕВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ЕСТЬ В ПОДМОСКОВЬЕ МАЛЕНЬКИЙ СТАРИННЫЙ ГОРОДОК, О КОТОРОМ МЕСТНЫЕ ЖИТЕЛИ ШУТЯТ: «НАШ ГОРОД НАХОДИТСЯ СРАЗУ ЗА РАЕМ». И ПРАВДА, СОВРЕМЕННОМУ ЧЕЛОВЕКУ ТРУДНО ПО-ДРУГОМУ ОБЪЯСНИТЬ НАЗВАНИЕ «ЗАРАЙСК». РАЗУМЕЕТСЯ, ОНО НЕ ИМЕЕТ НИ МАЛЕЙШЕГО ОТНОШЕНИЯ НИ К РАЮ, НИ К БЛИЗОСТИ К НЕМУ. НО ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ РУССКОЙ СТАРИНЫ ЭТО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО РАЙСКОЕ МЕСТО, ГДЕ БУКВАЛЬНО КАЖДАЯ ПЯДЬ ЗЕМЛИ ДЫШИТ МНГОВЕКОВОЙ ИСТОРИЕЙ.

ДОБРАТЬСЯ ДО ЗАРАЙСКА из Москвы без автомобиля – дело хлопотное. Со станции Выхино примерно раз в час туда отправляется автобус. Можно доехать на электричке до Луховиц и там сесть на автобус до Зарайска. И тот, и другой маршрут

займут около трех часов, так что какому-либо одному из них отдать предпочтение трудно. Мы ехали в Зарайск на машине, поэтому уложились всего в два часа. Но, несмотря на свою транспортную труднодоступность, этот городок – вполне известное туристическое место

в Подмоскowie. И все благодаря тому, что здесь стоит полностью сохранившийся каменный кремль, построенный в начале XVI века.

Несколько лет назад мне довелось снимать об этом городе фильм. Как и о любом историческом месте, о Зарайске есть общий набор информации, которая кочует из одного сценария в другой. Но неужели этим исчерпывается почти 800-летняя история этого места? Конечно нет!

БЕЗЫМЯННЫЕ ГЕРОИ

Начнем наш рассказ с людей. Тех, кто жил в этом городе сто, двести, триста лет назад, то есть в самую спокойную, не героическую пору Зарайска. Жаль, что поименно их всех вспомнить невозможно.

В Подмоскowie помимо Зарайска кремли стояли еще в восьми городах. В том числе в Коломне

можно не выковыривать из старинной кладки, а купить.

Именно так Зарайский кремль дожил до наших дней.

Но, как и любое другое творение рук человеческих, Зарайский кремль медленно разрушалось время. Уже в середине XIX века кремлю потребовалась серьезная реконструкция. Ее профинансировал уроженец Зарайска, купец 1-й гильдии и почетный московский гражданин Николай Андреевич Ланин. На ремонт крепости он выделил астрономическую сумму – 50 тысяч рублей серебром. В пересчете на чистый металл Николай Ланин потратил на восстановление и материалы 9 тонн серебра!

Были полностью восстановлены начавший осыпаться белокаменный цоколь кремля, кирпичная кладка стен и зубцов, приведена в полный порядок внутренняя сторона фортификации. Над боевым ходом и башнями появились крыши.

Сегодня они покрыты тесом. Это было сделано спустя более века после ланинской реконструкции, в 80–90-е годы XX столетия. Тес был выбран потому, что изначально крыши на башнях были покрыты именно этим материалом. Но дерево недолговечно, весь этот тес уже прогнил, и сегодня крепость снова заливают дожди и талые воды. А в 1863 году, когда ее реконструировали впервые, решено было покрыть крыши железом. Может, решение и не было правильным с точки зрения историчности, но оно обеспечило сохранность всех конструкций как минимум на шестьдесят лет. Однако после революции этой старинной крепости был нанесен серьезный удар. Новая власть решила проявить заботу о народонаселении, точнее, о той его части, что звалась пролетариатом. С кремля сняли всю жесь, для того чтобы пустить ее на банные шайки.

И вот в 20-е годы XX века кремль вновь оказался голым и заброшенным.

и в Серпухове. От Коломенского осталось несколько башен и два пролета стены, от Серпуховского – два крошечных кусочка. Уничтожили памятники средневекового фортификационного зодчества не враги, не революционеры, грозившиеся все разрушить до основания. Это сделали простые, тихие и благоразумные обыватели. И произошло уничтожение этих памятников немногим более двухсот лет назад.

В 1797 году император Павел I издал указ, по которому все старые крепости, в которых не стоят гарнизоны, можно разбирать на строительные материалы. И жители многих городов потащили в свое хозяйство кирпичи и тесаный

известняк со стен кремлей времен Василия III и Ивана IV. Это безобразие прекратил только Николай I, благодаря чему мы видим сегодня хотя бы часть коломенских укреплений. А серпуховским повезло меньше. В конце XIX века остатки стен даже подреставрировали, но, когда в 1934 году в столице начали строить метрополитен, потребовались материалы, и, конечно же, больше взять их было неоткуда, кроме как из остатков стен Серпуховского кремля.

А вот Зарайский кремль ждала совсем иная судьба. Мещане и купцы, населявшие этот городок, посчитали, что старинная крепость гораздо дороже любых частных нужд, что кирпичики

Торговые ряды Зарайска.

Память о купеческом прошлом

Когда-то воды Осетра вспенивала татарская конница. Сегодня их держит в плену бетонная плотина

НЕ ЩАДЯ ЖИВОТА СВОЕГО

В это время во всем уезде разоряются дворянские гнезда, горят усадьбы, искореняется все, что имеет отношение к старому режиму. Пролетариат, забыв про шайки и баню, грабит окрестные имения. Дальнейшая судьба кремля должна была бы оказаться незавидной. Но и в этот раз нашелся человек, который спас для потомков необыкновенный памятник средневекового русского военного зодчества. Им оказался Иван Петрович Перлов, уроженец села Куково, которое находится в 7 километрах от Зарайска. Сын священника, Иван Петрович окончил сначала Зарайское духовное училище, а затем Рязанскую семинарию. После революции поступил в Рязанское художественное училище, а затем Зарайский уездный исполком назначает его директором местного музея. Иван Петрович начинает метаться по уезду, пытаясь спасти то, что осталось, собирает удивительную коллекцию произведений искусства и архив документов. Все, что удалось спасти, губисполком передает рязанскому музею. Иван Петрович резко возражает против этого, его арестовывают. Находят дома некоторые музейные экспонаты и дают полтора года тюрьмы. Выйдя на свободу и вернувшись в Зарайск, Перлов сразу же начинает бороться против разорения кремлевских соборов. Вот тут-то ему и припоминают его «неправильное», поповское, происхождение и предписывают покинуть город. Но главное дело своей жизни Иван Петрович уже сделал. Его стараниями Зарайский сельскохозяйственный музей, созданный земством еще до революции, преобразован в краеведческий.

Перлов перебирается в Истру, занимается историей Ново-Иерусалимского монастыря. Но уже в 1933 году его вновь арестовывают – за попытки противодействовать разбазариванию истринского музея. Однако довольно скоро снимают обвине-

Троицкая церковь, неуместное пристанище музея

ния, выпускают на свободу и разрешают вернуться в Зарайск. Но в родном городе Иван Петрович пробыл совсем недолго. Видимо, ему было трудно видеть то, что было сделано с многовековым культурным наследием родного города. И он перебирается в Талдом.

Прожив там всего лишь несколько месяцев, Иван Петрович умирает. Ему был всего 41 год. Всю свою недолгую жизнь этот человек отдал родному краю. Искренне любящий Русь и русские древности, Иван Перлов вряд ли мог в те тяжелые годы избрать себе иную судьбу. Жернова новой власти

перемалывали людей и большего масштаба. Перемололи и классово чуждого ей зарайского музейщика. Но дело, которому он посвятил свою жизнь, с каждым годом становится все более бесценным для отечественной культуры.

Помимо музея Иван Перлов оставил нам небольшую брошюрку, всего в полсотни страниц. Называется она «Зарайские укрепления XVI–XVII веков». В ней Иван Петрович проливает свет на давно забытую страницу зарайской истории, объясняющую многие исторические загадки, связанные с этим городом.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

И здесь самое время рассказать, чем же так необычен Зарайск, помимо того, что в нем сохранился старинный кремль. Свою историю город ведет еще из домонгольской эпохи. Некоторые исследователи считают, что впервые он упоминается в

летописях под 1146 годом под именем Новгородок-на-Осетре. Но с названиями того времени происходит довольно странная кутерьма, поскольку Зарайск также называют городом Красным. Вплоть до XIV века эти земли принадлежат Рязани и находят-

ся в тихом северо-западном углу этого княжества. От усабиц с Владимиро-Суздальскими землями городок надежно прикрыт стоящей на 40 километров севернее Коломной.

Накануне татаро-монгольского нашествия здесь правит удельный князь Федор Юрьевич, из дома великих рязанских князей. И однажды во сне ему является святитель Николай и говорит: «Княже, гряди во сретение чудотворного образа моего Корсунского. Ибо хочу здесь быти и чудеса творити, и место сие прославити. И умолю Человеколюбивого Владыку Христа, Сына Божия – да дарует тебе, жене твоей и сыну твоему венцы Царствия Небесного». Наутро недоумевающий, неженатый и бездетный князь вместе с городским духовенством выходит за город и на небольшом

Северо-восточный угол кремля. Дозорная башня

Парадные Никольские ворота. Самое укрепленное и самое уязвимое место крепости

Прясло кремлевской стены и боевой ход. Все устроено в соответствии с новейшей инженерной мыслью XVI века

расстоянии от него встречает греческого священника Евстафия, шествующего ему навстречу с чудотворным образом святителя в руках.

Средневековая повесть «О Николае Заразском», донесшая до нас рассказ об этом событии, гласит, что изначально эта икона находилась в Корсуні (Херсонесе), в церкви, в которой святой князь Владимир Креститель принял крещение. А Евстафий был клириком этого храма. Несколько раз ему во сне являлся святитель и повелевал перенести его образ в землю Рязанскую. Но далекое путешествие, да еще с женой и маленьким сыном, пугало священника, пока святой за непослушание не наказал его слепотой. Тогда Евстафий взмолился Николаю Угоднику и пообещал немедленно отправиться в путь. Исцелившись от слепоты, Евстафий обогнул с образом всю Европу, пока наконец через Балтийское море не прибыл в земли Новгорода Великого. Далее священник вошел в устье Осетра и поднялся по нему до города Красного. В месте встречи князем Федором чудотворного образа забил источник. Сейчас это место называется «Белый Колодец».

Наугольная башня, вид изнутри. Сохранились только балки перекрытий

Конечно, всю эту историю можно назвать красивой средневековой сказкой, но с середины XIII по самый конец XVI века настоятелями Никольского собора и хранителями чудотворного образа был священнический род Евстафьевых, прямых потомков того греческого иерея, который принес образ святителя на берега Осетра.

В ЭПОХУ ПОТРЯСЕНИЙ

Продолжение истории князя Федора мы читаем в повести «О разорении Рязани Батыем». В 1237 году рязанский стол занимает отец Федора, Юрий, сменивший умершего в 1235 году родного брата, Ингваря. Когда на Русь приходят страшные вести о надвигающихся на нее полчищах неведомого на-

кремля. Уже в XIII веке над их могилой строится Иоанно-Предтеченский храм. Но во времена Ивана Грозного ветхую церковь разбирают и строят новую, чуть западнее, так что княжеская усыпальница оказывается вне стен храма. Нынешний Предтеченский собор построен в XIX веке. Местные предания, в подтверждение правдивости рассказа о поездке зарайского князя в ханскую ставку и гибели его и его семьи, приводят интересную деталь: в 13 километрах восточнее Зарайска стоит село Апонитищи. Это необычное название село получило потому, что оно было владением того самого «пестуна» князя Федора, Апоници.

рода, рязанский князь посылает своего сына Федора ублажить непрошенных гостей дарами и уговорить не идти воевать Русскую землю. Повесть говорит нам, что по пророчеству святого Николая князь Федор уже женат и его брак благословлен недавним рождением сына. Хан Батый принимает дары князя, но, узнав о том, что у Федора есть красавица-супруга греческого царского рода именем Евпраксия, требует ее к себе на ложе. Князь Федор сказал в ответ: «аще нас приодолеешь, то и женами нашими владети начнешь». Разгневанный Батый приказал изрубить мечами все рязанское посольство. Спасся один только «пестун», то есть воспитатель князя Федора, боярин или дружинник по имени Апоница.

Он похищает у татар тело князя и мчится в Зарайск, неся княжине изувеченные останки супруга и дурные вести. Евпраксия, увидев тело мужа и узнав о намерениях Батые, «ринуся из превысокаго храма своего с сыном своим со князем Иваном на среду земли и заразися до смерти». То есть выбросилась из очень высокого терема вместе с годовалым сыном своим Иваном и убила до смерти. И вот от этого «заразися», как полагают некоторые исследователи, и пошло название; сначала «Заразск», а потом более удобное для русского слуха «Зарайск». Князь Федор, его жена Евпраксия и их сын Иоанн – местночтимые святые Рязанской земли. Их тела похоронены на территории нынешнего Зарайского

Небольшой некрополь у кремлевской стены

ВЫЗОВЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Зарайск повторил судьбу Рязани. Зимой 1237 года он был razoren татаро-монгольским войском. Но образ Николы Угодника уцелел. В самые тяжелые годы ига перед ним находили утешение и ободрение многие тысячи наших предков. Уже в XV веке, во времена бьющейся в предсмертных конвульсиях Золотой Орды и возвышающегося Московского государства, этот образ становится всероссийской святыней. И тут начинается новая века в истории Зарайска. Когда при Иване III Русь сбросила ордынское иго, на осколках исчезнувшей империи возникло сразу несколько государств: Казанское, Астраханское и Крымское ханства, Ногайская Орда. Крымское ханство сближалось с Османской империей, самым ходовым товаром в которой были рабы. Мальчики требовались для пополнения янычарских корпусов, девочки и девушки для гаремов, мужчин использовали как гребцов на галерах. Спрос рождает предложение. И крымские ханы быстро сориентировались. У них под боком оказались три почти неистощимых источника «ясыря», как называли крымчаки людей, захваченных в плен для продажи. Первый – Великое княжество Литовское, оккупировавшее на тот момент земли Киевской

Некоторые участки стен находятся в откровенно аварийном состоянии

Иоанно-Предтеченский собор. Здесь хранится главная зарайская святыня

Руси и сопредельных русских княжеств. Второй – Великое княжество Московское, объединившее почти все северо-восточные и северные русские земли. Третий – Северный Кавказ, как и сейчас, населенный великим множеством разных народов. Наступила эпоха бесконечных татарских набегов на Московское государство. Начавшись в 1507 году, они перестали быть действительной угрозой государству лишь к концу XVII века, превратившись в мелкие наезды пугливых разбойничьих шаек, сдерживаемые появившейся Белгородской засечной чертой. Но в начале XVI века, когда положение Москвы было более чем зыбким, эти набег

проблемой номер один для всего государства. И Московия очень быстро мобилизуется. Создается поместное войско, не уступающее по своей мобильности татарским загонам, расписывается порядок «береговой сторожи» – защитной линии, проходившей по левому берегу Оки. Строятся новые деревянные и каменные крепости, спроектированные под оборону с использованием огнестрельного оружия. Все эти гигантские преобразования проводит великий князь Василий III, отец Ивана Грозного. Столько, сколько построил и оставил нам в наследство этот государь, никто и никогда из средневековых правителей Руси не строил.

Образ Николы Зарайского. Перед ним молились Иван Грозный и Дмитрий Пожарский

НЕПРИСТУПНАЯ ТВЕРДЫНЯ

Зарайск оказывается вне защитной береговой линии, но неподалеку возводится огромный 17-башенный Коломенский кремль. А перед великим князем встает нештучный вопрос: что делать с чудотворной иконой Николы Зарайского? Не оставлять же ее в маленьком незащищенном городке? Решили перенести образ в Коломну, в Никольскую церковь. В Зарайск же отправляется его список. Но, как гласит церковное предание, всего лишь за одну ночь оригинал и копия поменялись местами. Видя такое чудо, великий князь решает оставить образ на прежнем месте. А для его защиты возводит вокруг Никольского собора миниатюрный каменный кремль.

И действительно, такой крошечной, компактной и миниатюрной крепости в России больше не существует. Ее площадь – всего 2,5 гектара! Вот тут-то и начинаются вопросы, ответы на которые, похоже, нашел Иван Петрович Перлов.

Любой путеводитель по Зарайску сообщит, что первому нападению эта крепость подверглась уже через два года после того, как завершилось ее строительство. Всего же она отражала как минимум семь крупных осад, зафиксированных в документах того времени, и ни разу не была взята штурмом. Только раз неприятель проник в нее – из-за предательства и измены, но об этом позже.

Количество осад, имена тех военачальников, которые привели под стены Зарайского кремля немалые армии, перед любым добросовестным исследователем должны были поставить вопрос: как такое возможно?

Вот один из примеров для недоумения. В 1571 году крымский хан Девлет Гирей I разорил Москву с предместьями и привез в Старый Крым огромную добычу. За этот успех османский султан наградил его титулом Тахт Алган, то есть «взавший трон», хотя трона-то хан как раз и не

взял. В следующем году Девлет Гирей совершил свой самый грандиозный поход на Москву, окончившийся не менее грандиозным провалом.

Когда передовые отряды крымцев дошли до Васильевского брода на Пахре (см.: «Русский мир.ru» №11 за 2015 год, статья «Славное прошлое скромного уголка». – Прим. ред.), в арьергард его войска, находившегося в 23 километрах от брода, возле села Молоди, ударило русское войско. Завязавшееся после этого сражение длилось четыре дня. Войско Девлет Гирея было полностью разбито.

Но за два года до этого эпохального сражения, вошедшего в отечественную историю под названием «Битва при Молодях», в 1570 году, крымский хан осадил Зарайск, но город так и не взял. По подсчетам историков, Девлет Гирей привел тогда на берега Осетра не менее 50 тысяч всадников. Взять крошечную крепость такими огромными силами не так уж сложно. Если бы татары, не считаясь с потерями, одновременно представили лестницы по всему периметру стен и полезли бы на них, у защитников Зарайского кремля не было бы ни единого шанса.

Интерьер
Предтеченского
собора

Могила матери
Федора
Достоевского
Мари
Федоровны.
Писатель провел
детские годы
под Зарайском,
в имении
Даровое

СЕКРЕТ СТАРИННОЙ КРЕПОСТИ

Обостряя вопрос, как можно было удержать такую маленькую крепость, Иван Перлов поднимает данные по гарнизону кремля на конец XVII века.

Конечно, стратегическое значение Зарайска в середине XVI и в конце XVII века трудно сопоставить, но вряд ли за это время регулярный гарнизон был многократно усилен или ослаблен. Поэтому даже данные XVII века дают нам вполне адекватную

оценку военного потенциала этой крепости и для XVI века. По сметным спискам Разрядного приказа, в кремле несли службу 76 стрельцов и 51 служилый человек Пушкарского приказа. Даже если отбросить факт, что среди них были не только бойцы, но и мастера-оружейники и строители, и посчитать всех поголовно, получится, что защитников было всего 127 человек. Документы по военному искусству Руси XVII века гласят, что для успешной обороны крепости на

каждый аршин стены требовались по меньшей мере два человека. Следовательно, кремль, длина стен которого составляет 271 сажень, должны были защищать минимум 542 человека. Где взять еще 415? Но даже если бы воевода, удерживающий Зарайск, получил бы нужное подкрепление, то соотношение с войском Девлет Гирея все равно оставалось бы 1 к 50.

И вот тут очень важными оказываются данные Ивана Перлова, почерпнутые из документов XVI–XVII веков. Оказывается, помимо кремля город защищал еще и довольно внушительный деревянный острог. По скудным материалам Писцовых книг Иван Перлов восстанавливает примерные очертания этих укреплений. Сделать это трудно, город многократно горел и после очередного разрушительного пожара в середине XIX века был полностью перестроен по так называемому регулярному плану. Старинные улицы, повторявшие очертания острога, сменились геометрически правильной квартальной планировкой. И все-таки кое-что об остроге мы знаем. Согласно источникам, острог был «рублен в клеть». То есть его стены состояли из квадратных срубов, а не из простого частокола. Это значит, что наверху деревянных зарайских стен

был довольно широкий боевой ход, где можно было размещать даже легкую и среднюю артиллерию – главную грозу крымских налетчиков. Вдобавок источники сообщают, что острог имел 7 глухих и 5 проезжих башен. И мы даже знаем названия некоторых из них. Так, Иван Перлов предположил, что Коломенская проезжая башня располагалась на пересечении Ильинской и Большой Московской (ныне Ленинская и Карла Маркса) улиц. Это более чем вероятно. Предтеча Перлова, краевед-любитель Сергей Ильич Бочарников, на-

Белый Колодец. Место встречи чудотворного образа Николая Угодника

Источник, забивший из земли, когда князь принял от священника икону святителя

писавший в 1865 году книгу «Зарайские достопамятности», свидетельствует, что на Ильинской улице старожилы, помнящие начало XIX века, рассказывали ему о длинном и глубоком рве, заполненном водой, в котором плавали гуси.

Егорьевские ворота, по данным источников, находились напротив Никольской часовни, стоявшей на площади «Облуп» (ныне площадь Ленина). Дорога отсюда вела на Старую Рязань. Эта башня находилась в восточной стене острога, в ней же была и еще одна проезжая башня – Переяславская, от которой дорога шла в Новую Рязань, бывший Переяславль-Рязанский.

Обрисовав северную и восточную стены, Иван Перлов по большей части восстановил общие очертания деревянной крепости: южная стена должна была ограничиваться оврагом Монастырьки, что и подтверждает Писцовая книга, а западная – обрывами поймы Осетра.

Упомянутые в документах Водяные ворота выходили на реку, а в юго-западном углу источник указывает на стоящую здесь Глухую наугольную башню. Вот и все, что мы знаем о Зарайском остроге. Поместив в углы этого изломанного четырехугольника еще три башни, мы поймем, что знаем об остроге не так уж и мало.

СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ

О том, что Зарайский острог был более чем внушительным укреплением, говорит и тот факт, что в описи Писцовой книги упоминаются «надолбы» – острые деревянные колья, усеивающие склоны крепостных валов, и «честик», то есть частокол, на некоем удалении от главной стены острога.

А что же насчет числа защитников? И здесь можно немного приподнять завесу тайны. Дело в том, что защита южных рубежей России уже в XVI веке

велась на системной основе. К этому времени вместо княжеских дружин и городских ополчений главную ударную силу Московского войска помимо упоминавшихся стрельцов и пушкарей составляет «поместная конница». Формируется она из всего нобилитета тогдашнего Русского государства. В поместном войске служат как сановные князья, возводящие свой род к Рюрику, так и мелкие землевладельцы, получившие от казны за службу деревеньку в несколько дворов. В зависимости от

Просторы за Осетром. Отсюда начинается Дикое поле

размера «имения» кто-то должен приходиться на службу «самконь», а кто-то – приводить еще и боевых холопов (потомственные профессиональные бойцы, жившие при дворах богатых помещиков. Самый известный боевой холоп русской истории – Иван Болотников. – Прим. авт.). Все, включая оружие, обмундирование и лошадей дворянина и экипировку приводимых им воинов, строго регламентировалось государственными документами и ежегодно проверялось чиновниками.

Максимальную численность этого войска Василий Ключевский оценивал в 65 тысяч человек. Помимо военной службы эти «помещики» выполняли и другие функции: сопровождали посольства, следили за внутренним порядком в государстве, сопровождали государственные, церковные и частные ценные грузы. Но на эти обязанности отряжалось сравнительно небольшое число воинов. Остальные несли «береговую и станичную сторожу».

Уже во времена Ивана Грозного ее порядок был четко распisan. По традициям Средневековья русское конное войско в те времена делилось на полки. Главной ударной силой был Большой полк, он располагался в Серпухове. Полк Правой руки стоял в Калуге, полкевой руки – в Кашире, Сторожевой полк – в Алексине, полк, называемый «Ертаул», разделялся на выезды, станицы и загоны – небольшие мобильные группы всадников – и рассеивался по степной границе Руси.

Но мы не упомянули еще об одном полке. Он назывался Передовым и располагался в Коломне. Расстояние от нее до Зарайска – всего три четверти одного дневного перехода русской конницы.

И, видимо, многотысячные орды противника сдерживались тем, что менее чем за день сюда могли быть переброшены силы Передового полка.

Не тронутый цивилизацией уголок Древней Руси, сохранивший память обо всех своих бедах и радостях

Курган над могилой арзамасского ополчения – живой свидетель Смутного времени

ВЕЛИКАЯ СМУТА

Отчасти это предположение подтверждается единственным случаем сдачи Зарайского кремля неприятелю. Произошло это в Смутное время. Польский полковник Лисовский прибывает во главе своих разбойников на Русь. Здесь он быстро договаривается с Лжедмитрием II. В обмен на военную помощь самозванец разрешает Лисовскому грабить русские города и села. И первой жертвой стал Зарайск. Здесь пролежала дорога, связывающая Москву с Рязанью. По ней окруженная неприятелями всех мастей Москва получала продовольствие. И вот под Зарайском появляются отряды Лисовского или, как их называли поляки, «лисовчики». Как они оказались внутри кремля – загадка. Есть несколько версий. По одной – обманом, по другой – подкупом, по третьей – из-за предательства. Но так или иначе они оказываются в крепости, грабят, жгут, насилуют. Захват Зарайска этими летучими отрядами стал возможен только потому, что в 40 верстах от города уже не стоял как прежде Передовой полк «береговой сторожи». И некому было прийти на помощь кремлю, острогу и их маленькому гарнизону. Лисовский оставил по себе в Зарайске кровавую память. Царь Василий Шуйский отправляет освободить город рязанско-арзамасское ополчение под коман-

дованием Захария Ляпунова. Бой происходит буквально под стенами крепости. Арзамасцы погибают все. Кичась своей победой, Лисовский приказывает зарыть павших ополченцев в братской могиле, а сверху насыпать высокий курган.

Когда в городе уже нечего было грабить, лисовчики покидают Зарайск. Василий Шуйский назначает сюда воеводой князя Дмитрия Пожарского. После смерти Шуйского зарайский воевода требует не подчиняться решениям Семибоярщины и не признавать царем польского короля Сигизмунда. Именно здесь, под стенами Зарайского кремля, князь Пожарский собирает первое ополчение для освобождения Москвы от захватчиков... С завершением Смутного времени закончилась и героическая страница истории города.

Князь Дмитрий Михайлович Пожарский, зарайский воевода и спаситель Отечества

Старый и никому не нужный острог сгнил и осыпался, валы просели и сровнялись с землей, рвы засыпали и проложили по ним улицы. От славного прошлого остался только кремль, но и он начал покрываться трещинами и разрушаться.

«Вот уже второй год мы боремся с последствиями того, что в течение долгого времени кремль был оставлен без должной заботы и внимания, – говорит директор государственного музея «Зарайский кремль» Кирилл Кондратьев. – Сейчас мы провели антиаварийные работы в трех башнях, а реставрационные работы завершаются еще в двух. Приведены в порядок три прясла стен. Но мы не планируем останавливаться на этом. В следующем году работы продолжатся, мы хотим видеть наш кремль полностью отреставрированным и доступным для любителей отечественной истории. Эта реставрация позволит нам разместить в башнях кремля некоторые, скажем так, части музейной экспозиции. Башни будут неотапливаемыми, и поэтому мы не сможем выставить там какие-то подлинные исторические экспонаты, но вот, к примеру, какие-то реплики мы там выставить сможем».

История должна быть живой, должна окружать нас, влетать в нашу повседневную жизнь. И Зарайск – одно из лучших мест, где можно ощутить историю России, просто свернув с современного оживленного шоссе. Здесь, в стороне от главных туристических объектов города, притаились две перпендикулярные друг другу улочки. Называются они «Стрелецкая» и «Пушкарская». Это остатки старинных слобод, в которых еще при Иване Грозном жили служилые государевы люди.

Наш современник, исследователь-архивист Александр Григоров, занимаясь историческими документами Рязанского края, обнаружил, что жители этих зарайских улиц даже в конце XVIII века в графе «сословие» указывали, что они – стрельцы... ❁